

MAQSUT NARIKBAEV

MAQSUT NARIKBAEV

В НОМЕРЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ:

- Основатель патентной системы Республики Казахстан (70-летнему юбилею д.ю.н., профессора Т.Е. Каудырова посвящается);
- Trajectories of Normative Development for Outer Space Heritage Concept
- International Human Rights: Divisible or Indivisible?
- Between Naturalism and Legal Interpretation: Modern Debates on the Nature of Legal Realism;
- Legal Language as an Important Component of Lawyers' Work: Issues and Approaches to Improving the Interpretation of Legal Texts;
- Бұу бітімгершілік миссияларында Қазақстан Республикасы қарулы күштер контингентін қолданудың құқықтық аспектілері;
- Транснациональное право: эволюция концепции и вызовы современности.

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 4 (105), 2024

В НОМЕРЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ:

- Основатель патентной системы Республики Казахстан (70-летнему юбилею д.ю.н., профессора Т.Е. Каудырова посвящается);
- Trajectories of Normative Development for Outer Space Heritage Concept
- International Human Rights: Divisible or Indivisible?
- Between Naturalism and Legal Interpretation: Modern Debates on the Nature of Legal Realism;
- Legal Language as an Important Component of Lawyers' Work: Issues and Approaches to Improving the Interpretation of Legal Texts;
- Бұұ бітімгершілік миссияларында Қазақстан Республикасы қарулы күштер контингентін қолданудың құқықтық аспектілері;
- Транснациональное право: эволюция концепции и вызовы современности.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. КAUDыров Т.Е. (төраға) – д.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (Астана қ.);
2. Ахпанов А.Н. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры (Астана қ.);
3. Борчашвили И.Ш. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Кешірім жасау мәселелері жөніндегі комиссияның мүшесі (Астана қ.);
4. Дәуленов М.М. – PhD, Coventry University Kazakhstan Президенті (Астана қ.);
5. Дулатбеков Н.О. – з.ғ.д., профессор, Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университетінің ректоры, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Қарағанды қ.);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
8. Кэлер Л. – заң ғылымдарының докторы, Бремен Университетінің заң факультетінің профессоры (Бремен қ., Германия);
9. Лундмарк Т. – заң ғылымдарының докторы, Халл Университетінің Жоғары құқық мектебінің профессоры (Ұлыбритания);
10. Мелкевик, Бьярн – з.ғ.д., құқық профессоры (teluge), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
11. Мороз С.П. – з.ғ.д., профессор, Каспий Университеті «Фидлет» Жоғары құқық мектебінің деканы (Алматы қ.);
12. Нурмағамбетов А.М. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
13. Оглезнев В.В. – ф.ғ.д., Бремен Университетінің заң факультетінің шақырылған профессоры (Бремен қ., Германия);
14. Рогов И.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасының Құқық арқылы демократия үшін Еуропалық Комиссияның (Венеция Комиссиясы) мүшесі, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-Төрағасы (Астана қ.);
15. Сәрсембаев М.А. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
16. Саидов А.Х. – з.ғ.д., профессор, Өзбекстан Республикасы Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталықтың директоры, Өзбекстан Олий Мажлисі Заң шығару палатасының (Парламентінің) Демократиялық институттар, мемлекеттік емес ұйымдар және азаматтардың өзін-өзі басқару органдары комитетінің төрағасы, Өзбекстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының академигі (Ташкент қ., Өзбекстан);
17. Стоялов Я.Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Әулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
18. Спаак Т. – заң ғылымдарының докторы, Стокгольм Университетінің заң факультетінің профессоры (Стокгольм, Швеция);
19. Уадрцев С.Ф. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
20. Химма К. – заң ғылымдарының докторы, Вашингтон университетінің Жоғары заң мектебінің профессоры (Сиэтл, АҚШ).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Диджин А.Б. (бас редактор) – фил.ғ.д., з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Астана қ.);
2. Абдрасулова Г.Э. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
3. Аубакирова И.У. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
4. Ахмади М.А. – PhD, Maqsut Narikbayev University ғылыми қызмет және зерттеулер жөніндегі Вице-Провосты, Assistant professor (Астана қ.);
5. Бектибаева О.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебінің директоры (деканы) (Астана қ.);
6. Биебаева А.Ә. – з.ғ.к., доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Астана қ.);
7. Возняк О.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
8. Ешниязов Н.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
9. Есенкулова Б.Б. – Орталық Азиядағы Америка университетінің PhD, Associate professor (Бішкек қ., Қырғызстан Республикасы);
10. Жұмағұлов М.И. – з.ғ.д., ҚР Президенті жанындағы Қазақстандық стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары;
11. Жүсіпов А.Д. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
12. Идрышева С.К. – Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
13. Калишева Ж.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюросының басшысы (Астана қ.);
14. Қим К.В. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
15. Қоғамов М.Ш. – з.ғ.д., профессор, Maqsut Narikbayev University қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Астана қ.);
16. Қорабаев И. – Maqsut Narikbayev University Халықаралық экономика мектебінің PhD, Associate professor (Астана қ.);
17. Малиновский В.А. – з.ғ.д., «Нархоз Университеті» КАҚ профессоры (Алматы қ.);
18. Мельник Р.С. – з.ғ.д., Associate professor, Maqsut narikbayev University әкімшілік және неміс құқығы ғылыми мектебінің директоры (Астана қ.);
19. Нәрікбаев Т.М. – Maqsut Narikbayev University Басқарма Төрағасы (Астана қ.);
20. Нуртаев Р.Т. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
21. Оразбаева Ә.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
22. Пен С.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Провосты (Ректоры) (Астана қ.);
23. Подопригора Р.А. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
24. Саяпин С.В. – құқық докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Алматы қ.);
25. Сейтенов Қ.Қ. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Астана қ.);
26. Темірбеков Ж.Р. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
27. Тлепина Ш.В. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Астана қ.);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Каудыров Т.Е. (председатель) – д.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Ахпанов А.Н. – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
3. Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан (г. Астана);
4. Дауленов М.М. – PhD, Президент Coventry University Kazakhstan (г. Астана);
5. Дулатбеков Н.О. – д.ю.н., профессор, Ректор Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Караганда);
6. Зиёмблицкий, Бартош – PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлавский Университет (г. Вроцлав, Польша);
8. Кэлер Л. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
9. Лундмарк Т. – доктор права, профессор Высшей школы права Университета Халла (Великобритания);
10. Мелкевик, Бьярн – д.ю.н., профессор (tenure) права, профессор Университета Лавалья (г. Квебек, Канада);
11. Мороз С.П. – д.ю.н., профессор, декан Высшей школы права «Адilet» Каспийского Университета (г. Алматы);
12. Нурмагамбетов А.М. – д.ю.н., профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
13. Оглезнев В.В. – д.ф.н., приглашенный профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
14. Рогов И.И. – д.ю.н., профессор, Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от Республики Казахстан, экс-Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Астана);
15. Сарсембаев М.А. – д.ю.н., профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
16. Саидов А.Х. – д.ю.н., профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, председатель Комитета по демократическим институтам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан Законодательной палаты Олий Махлиса (Парламента) Узбекистана, академик Национальной Академии Наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан);
17. Стойлов Я.Б. – судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского (г. София, Болгария);
18. Спаак Т. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Стокгольма (г. Стокгольм, Швеция);
19. Уадрицев С.Ф. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
20. Химма К. – доктор права, профессор Высшей школы права Вашингтонского университета (г. Сизлт, США).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Диджикн А.Б. (главный редактор) – д.фил.н., к.ю.н., Associate professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Абдрасулова Г.Э. – к.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
3. Аубакирова И.У. – д.ю.н., Assistant professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
4. Ахмади М.А. – PhD, Assistant professor, Вице-Провост по научной деятельности и исследованиям Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
5. Бектибаева О.С. – PhD, директор (декан) Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
6. Биебаева А.А. – к.ю.н., доцент, директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (г. Астана);
7. Возняк О.А. – к.ю.н., Teaching professor Департамента уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
8. Ерниязов Н.С. – PhD, Assistant professor Департамента международного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
9. Есенкулова Б.Б. – PhD, Associate professor Американского университета Центральной Азии (г. Бишкек, Республика Кыргызстан);
10. Жумагулов М.И. – д.ю.н., профессор, Заместитель Директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (г. Астана);
11. Жусупов А.Д. – д.ю.н., Teaching professor Департамента публичного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
12. Идрышева С.К. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
13. Калишева Ж.Г. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
14. Ким К.В. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
15. Когамов М.Ч. – д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
16. Корабоев И. – PhD, Associate professor Международной школы экономики Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
17. Малиновский В.А. – д.ю.н., профессор НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
18. Мельник Р.С. – д.ю.н., Associate professor, директор Научной школы административного и немецкого права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
19. Нарикбаев Т.М. – к.ю.н., Председатель Правления Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
20. Нуртаев Р.Т. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
21. Оразбаева А.А. – к.ю.н., Teaching professor Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
22. Пен С.Г. – к.ю.н., Провост (Ректор) Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
23. Подопригора Р.А. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
24. Саяпин С.В. – доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (г. Алматы);
25. Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана);
26. Темирбеков Ж.Р. – PhD, Teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
27. Тлепина Ш.В. – д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Assistant professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана).

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Kaudyrov T.Ye. (chairman) – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Akhpanov A.N. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminal Law disciplines at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
3. Borshashvili I.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Commission on Pardons under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
4. Daulenov M.M. – Ph.D., President, Chairman of the Board of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
5. Dulatbekov N.O. – Doctor of Juridical Science, Professor, Rector of Academician E.A. Buketov Karaganda University, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Karaganda);
6. Ziemblecki, Bartosz – Ph.D., Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
7. Kozłowski, Artur – Dr. Hab., Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
8. Kähler L. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);
9. Lundmark T. – Doctor of Law, University of Hull, Law School, Professor (Great Britain);
11. Melkevik, Bjarne – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec, Canada);
12. Moroz S.P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the “Adilet” Higher School of Law at Caspian University (Almaty);
13. Nurmagambetov A.M. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
14. Ogleznev V. – Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);
16. Rogov I.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, member of the European Commission for Democracy through Law (the Venice Commission) of the Council of Europe representing Kazakhstan, former Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Astana);
17. Sarsembayev M.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
18. Saidov A.Kh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
19. Stoilov, Yanaki – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
20. Spaak T. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Stockholm (Sweden, c. Stockholm);
21. Udartsev S.F. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
22. Himma K. – Doctor of Law, Professor, Law School, University of Washington (USA, c. Seattle).

EDITORIAL BOARD:

1. Didikin A.B. (Chief Editor) – Doctor of Philosophy Science, Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Abdrasulova G.E. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
3. Aubakirova I.U. – Doctor of Juridical Science, Assistant professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
4. Akhmedi A.M. – Ph.D, Assistant professor, Vice-Provost for Research of Maqсут Narikbayev University (Astana);
5. Bektibayeva O.S. – Ph.D, Head (Dean) of KAZGUU Law School of Maqсут Narikbayev University (Astana);
6. Biyebayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
7. Voznyak O.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
8. Yeshniyazov N.S. – Ph.D, Assistant professor of the Department of International Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
9. Esenkulova B. – Ph.D in Law, Associate Professor, American University of Central Asia (Kyrgyzstan Republic, c. Bishkek);
10. Zhumagulov M.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
11. Zhushupov A.D. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
12. Idrysheva S.K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
13. Kalisheva Zh.G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau at Maqсут Narikbayev University (Astana);
14. Kim K.V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
15. Kogamov M.Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of Maqсут Narikbayev University (Astana);
16. Koraboyev I. – Ph.D, Associate Professor, International School of Economics, Maqсут Narikbayev University (c. Astana);
17. Malinovsky V.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
18. Melnyk R.S. – Doctor of Juridical Science, Director of the Scientific School of Administrative and German Law Maqсут Narikbayev University (Astana);
19. Narikbayev T.M. – Chairman of the Board of M. Narikbayev KAZGUU University (Astana);
20. Nurtayev R.T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
21. Orazbayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
22. Pen S.G. – Candidate of Legal Sciences, Provost (Rector) of Maqсут Narikbayev University (Astana);
23. Podoprigora R.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
24. Sayapin S.V. – Driur., Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty);
25. Seitenov K.K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Astana);
26. Temirbekov Zh.R. – Ph.D, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
27. Tlepina Sh.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
28. Khassenov M.Kh. – Ph.D, Assistant professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana).

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and State
№ 4 (105), 2024

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

<i>Lin A. (China, c. Shanghai)</i> Trajectories of Normative Development for Outer Space Heritage Concept	6
<i>Temirbekov Zh. (Republic of Kazakhstan, c. Astana)</i> International Human Rights: Divisible or Indivisible?	23
<i>Қалила А.Т. (Астана қ., Қазақстан Республикасы)</i> БҰҰ бітімгершілік миссияларында Қазақстан Республикасы қарулы күштер контингентін қолданудың құқықтық аспектілері	35

ТРУДОВОЕ ПРАВО

<i>Лютов Н.Л. (Республика Казахстан, г. Астана)</i> Свобода объединения в Казахстане: есть ли надежда на сближение с международными трудовыми стандартами?	43

ТЕОРИЯ ПРАВА

<i>Didikin A.B. (Republic of Kazakhstan, c. Astana)</i> Between Naturalism and Legal Interpretation: Modern Debates on the Nature of Legal Realism	54
<i>Nochevnaya V.V. (Republic of Kazakhstan, c. Astana)</i> Legal Language as an Important Component of Lawyers' Work: Issues and Approaches to Improving the Interpretation of Legal Texts	61
<i>Филипова И.А., Ахатов А.Р., Кувандиков З.О. (Узбекистан, г. Самарканд)</i> Плюсы и минусы европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта	71

ПЕРЕВОДЫ

<i>Каллиес Г-П. (ФРГ, г. Бремен)</i> Транснациональное право: эволюция концепции и вызовы современности	83

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Мауленов К.С., Мауленова Б.Н. (Республика Казахстан, г. Алматы)</i> Основатель патентной системы Республики Казахстан (70-летию юбилею д.ю.н., профессора Т.Е. Каудырова посвящается)	90

МАЗМҰНЫ/CONTENTS	95

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ	96

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	97

INFORMATION FOR AUTHORS	98

TRAJECTORIES OF NORMATIVE DEVELOPMENT FOR OUTER SPACE HERITAGE CONCEPT

A. ILIN,
Shanghai Jiao Tong University,
KoGuan School of Law
(Shanghai, China)
e-mail: alexeyilin@sjtu.edu.cn

Landing astronauts on the moon is one of the greatest achievements of humanity, but the status of historic lunar landing sites in international law is uncertain. There is a general consensus in the literature on space law and policy that Apollo landing sites deserve a recognition of their outstanding universal value and appropriate protection by the entire international community. However, enforcing such protection might be problematic from a legal perspective, since there is no legally binding norm in the current body of international law that would authorize or oblige states to identify and protect heritage sites on the moon or other celestial bodies.

There is a nascent concept of outer space heritage in the field of international space law. The notion has been introduced through soft law instruments which are not binding upon states, such as the 2020 Artemis Accords, or policy recommendations by various expert panels (e.g. the Hague Working Group Building Blocks). The Outer Space Treaty and the other four UN space treaties do not contain any provision about heritage sites in outer space. International cultural law, and the World Heritage Convention in particular, is not applicable to outer space because the Convention's provisions limit the identification and protection of cultural heritage sites to the territories of States parties, but the moon and other

celestial bodies are areas beyond national jurisdiction.

This paper analyzes possible trajectories of normative development in international law to introduce a legally binding norm for recognition and protection of humanity's heritage in outer space. These trajectories include amending existing treaties, such as the Outer Space Treaty or the World Heritage Convention, concluding implementation agreements to the existing treaties, drafting a new international treaty, developing norms of customary international law, as well as a possibility of extension of state sovereignty to certain areas in outer space. The paper complements the existing literature by considering trajectories of normative development that have been omitted by previous studies, as well as by comprehensively analyzing all possible trajectories within the same piece of research. By assessing advantages and challenges of every trajectory, the study identifies the easiest initiatives to implement, as well as the ones that will be the most robust and efficient.

Keywords: international space law; space heritage; normative development.

1. Introduction

What is the greatest achievement of humanity? One of the most common answers given by individuals, search engines, or generative AI might be "landing on the moon." Neil Armstrong took his legendary "one small step for a man, one giant leap for mankind" almost 55 years ago, but it continues to inspire generations of astronauts, scientist, entrepreneurs, and space enthusiasts all around the world. The moon is the first and only celestial body other than Earth that humans have ever set foot on. Tranquility

Base, the site of Apollo 11 landing on July 20, 1969, contains unique artefacts – the Lunar Module Eagle, the American flag planted by Armstrong and Aldrin, the steel plaque with a statement “We came in peace for all mankind,” astronauts’ footprints, as well as a number of smaller items. Nevertheless, the site of this epochal event has not received any protection under the norms of international law. While the most precious sites on Earth, such as Parthenon in Greece, the Great Pyramids of Egypt, or the Great Wall of China, enjoy the status of World Heritage Sites under the 1972 World Heritage Convention, there is currently no such norm in international law that could enforce recognition and protection of human-created sites on celestial bodies.

In the recent years, the concept of “outer space heritage” has been promoted by space law and policy scholars, introduced in domestic legislation of the United States, and included in soft law instruments such as the 2020 Artemis Accords. Yet the protection of space heritage has not yet become a binding norm of international law. This paper describes possible normative developments through which a binding norm for recognition and protection of humanity’s heritage in outer space can be introduced into the body of international law. It is based on the analysis of international treaties, conventions, declarations, national legislation of certain countries, as well as proposals of new legal instruments. The research relies on generally accepted rules and principles of identification, interpretation, and application of norms of international law. This paper does not aim to suggest or predict the exact verbal content of the future binding norm, as it will be left for the drafters to decide. The procedural rules and institutional arrangements for the identification and protection of heritage sites of outer space, as well as technical aspects of managing these sites are also outside of the scope of the present research.

The paper is divided into nine parts. Part 1 is the introduction. Part 2 presents the concept of outer space heritage as it appears in the literature, national and international legal instruments, and other documents related to the development of international law. It also explores the possibility of defining the term “outer space heritage.” Part 3 reviews the writings of scholars devoted to normative development of the outer space heritage concept and identifies gaps in the current body of research. Part 4 explores the possibility of introducing a binding norm on the identification and protection of outer space heritage through amending the existing international treaties and conventions. Part 5 considers drafting implementation agreements and optional protocols. Part 6 touches upon the ideas about drafting a new international treaty. Part 7 identifies trends in development of customary international law in regard to the outer space heritage concept. Part 8 discusses the possibility of states extending their sovereignty to the moon and other celestial bodies. Finally, Part 9 draws a conclusion.

2. Conceptualizing and Defining Outer Space Heritage

The earliest scholarly opinions about the existence of heritage sites on the moon and the necessity for their protection date back to 2004 [1, p. 5-6; 2, p. 279-290]. The earliest official policy document to contain the concept of outer space heritage was issued by NASA on July 20, 2011, and it is titled “Recommendations to Space-Faring Entities: How to Protect and Preserve the Historic and Scientific Value of U.S. Government Lunar Artifacts” [3] (hereinafter NASA’s Recommendations). The document declares the existence of heritage landing sites on the moon, as well as artifacts that belong to the U.S. government. It identifies five categories of such artefacts: 1) Apollo landing sites and roving hardware; 2) Unmanned landing sites; 3) Impact sites; 4) Tools, equipment, and hardware left on the lunar surface; and 5) Footprints, rover tracks, and other indicators of human or human-robotic presence on the moon [3, art. 5]. At the same time, the document does not provide concrete definitions for the terms “heritage lunar sites” or “lunar artefacts.” The Recommendations were initially not legally binding, and their purpose was to provide guidance for entities that were planning future missions to the moon [3, art. 5].

In March 2018, the U.S. Office of Science and Technology Policy (OSTP) published a paper titled “Protecting & Preserving Apollo Program Lunar Landing Sites & Artifacts” [4]. The paper reiterates the importance of protection and preservation of the U.S. lunar artefacts, but it also recognizes the existence of other countries’ hardware on the moon which has “similar historic, cultural, and scientific value to their country and to humanity” [4, art. 1]. This document also does not contain any official definition of outer space heritage.

At the end of 2020, the U.S. adopted the One Small Step to Protect Human Heritage in Space Act

(hereinafter One Small Step Act) [5]. The Act obliged NASA and any other entities working with NASA to adhere to the 2011 NASA's Recommendations (5, art. 3a), essentially making them legally binding within the U.S. legal system.

The concept of outer space heritage sites is contained in several legal guidelines drafted by international research teams. The 2019 Building Blocks for the Development of an International Framework on Space Resource Activities (hereinafter Building Blocks) produced by the Hague International Space Resources Governance Working Group (hereinafter Hague Working Group) call for establishing "the list of designated and internationally endorsed outer space natural and cultural heritage sites" [6]. The 2020 Vancouver Recommendations on Space Mining published by Outer Space Institute of the University of British Columbia (hereinafter Vancouver Recommendations) contain the terms "natural and cultural heritage sites" and "international heritage site lists (natural and cultural)" [7]. Both Building Blocks and Vancouver Recommendations differentiate between natural and cultural heritage, but neither document properly defines the term "heritage site," nor does any of them provide criteria for designation of such heritage.

A non-profit organization *For All Moonkind*, which has been a permanent observer to the United Nations Committee on the Peaceful Uses of Outer Space (hereinafter UN COPUOS) since 2018 [8], proposed to adopt a separate binding convention devoted exclusively to the matters of protection, preservation, and memorialization of human heritage in outer space [9]. In 2019, they proposed a draft document titled "*Declaration of Objectives and Activities Regarding Cultural Heritage in Outer Space*" (hereinafter Space Heritage Declaration). The Declaration uses the term "*Cultural Heritage Sites in Outer Space*," which refers to "sites on the surface of the Moon and an increasing number of sites throughout outer space that bear evidence of human activity" [10]. It also contains the clause of being guided by the 1972 Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (hereinafter World Heritage Convention). We may hereby assume that the draft Space Heritage Declaration refers to the definition of cultural heritage sites contained in the World Heritage Convention:

sites: works of man or the combined works of nature and man, and areas including archaeological sites which are of outstanding universal value from the historical, aesthetic, ethnological or anthropological point of view [11].

As per Articles 3, 4, and 11 of the World Heritage Convention, only properties situated on the territory of states can be identified as heritage sites and receive appropriate legal status and protection from the international community [11, arts. 3, 4, 11]. Since outer space and celestial bodies are not subject to national appropriation as per Article II of the Outer Space Treaty [12], the Convention currently does not cover these areas, and thus lunar sites cannot be inscribed on UNESCO World Heritage List or List of World Heritage in Danger. Nevertheless, nothing in the World Heritage Convention suggests that cultural heritage cannot exist in outer space, or the definition of heritage sites existing in Article 1 of the Convention is not applicable to the sites of similar properties in extraterrestrial areas. The related literature also suggests that the definition of heritage sites per se does not have any geographical restrictions [13, p. 57, 66].

Finally, the 2020 Artemis Accords contain their own definition of the term "outer space heritage."

The Signatories intend to preserve outer space heritage, which they consider to comprise *historically significant human or robotic landing sites, artifacts, spacecraft, and other evidence of activity on celestial bodies* in accordance with mutually developed standards and practices (emphasis added) [14].

The Artemis Accords declare common principles and represents a political commitment [14. Sec. 1], but the document itself is not a legally binding international treaty [14, sec. 13 (2)], so its clause about the preservation of outer space heritage is also not legally binding upon the Signatory States.

The concept of outer space heritage is not contained in any legally binding instruments of international law. It is promoted by either national legislation, such as the 2020 U.S. One Small Step Act, or international soft law instruments, such as the 2020 Artemis Accords. There is a view that the definition of cultural heritage sites from the World Heritage Convention is applicable to similar sites in outer space, and this view has not been met with any objections. Nevertheless, the Convention itself is currently not applicable to areas beyond national jurisdiction (ABNJs).

3. Literature Review and Research Significance

There is a general consensus [13, p. 109-130] in the literature on space law and policy that human-made sites and objects on the moon that bear cultural and historical significance should enjoy the same protection level as the sites and objects of similar value on Earth. Scholars from the United States [1, p. 5-6; 15, p. 234-243], Europe [13, p. 13-26; 72-84], China [16], Australia [2], and Africa [13, p. 109-130] all agree that protection of outer space heritage is in the interest of the entire humanity, and there is virtually no author or organization that would argue the opposite.

Scholars offer various ways of bringing space heritage sites under the protection of international law. Zajackowski [13, p. 13-26] and Martin [13, p. 53-64] analyze the applicability of the 1972 World Heritage Convention to heritage sites in outer space, while Rogers directly proposes that the U.S. government should request the United Nations to enlarge the World Heritage Program to include the entire Solar system [1, p. 5-6]. Martin [13, p. 53] and Bohdan [13, p. 65-71] discuss the possibility to amend the existing international treaties, such as the 1967 Outer Space Treaty or the 1972 World Heritage Convention. The UNESCO experts themselves have previously discussed the extension of the 1972 World Heritage Convention's legal framework to ABNJs, i.e. the high seas. Among the measures they proposed was drafting an Implementation Agreement to the 1972 Convention [17] or drafting an optional protocol to the same Convention [17, art. 51], which could theoretically be applicable to areas on celestial bodies.

A number of scholars explore the possibility of drafting a new legally binding international treaty that would specifically address the issue of heritage sites in outer space. Rotola draws the inspiration for a new treaty from the 1972 World Heritage Convention and the 2001 Underwater Heritage Convention [13, p. 1-12]. In addition to that, Walsh proposes to take into account the experience of the 1959 Antarctic Treaty [15, p. 234-243]. Su and Li suggest that UNESCO and UN COPUOS establish a joint working group "to draft international documents for the protection of outer space heritage [16, p. 9]." In addition, Bohdan and Farsaris analyze the challenges associated with drafting a new treaty on space heritage and subsequently obtaining state's consent to be bound by this new instrument [13, p. 65-71, 73-84].

Scholars (see, for example, Kanungo [13, p. 85-94]) also examine the protection of lunar heritage sites from the perspective of customary international law. In particular, Bartóki-Gönczy and Nagy [18, p. 888-898], as well as Deplano [19, p. 799-819], analyze the 2020 Artemis Accords as an instrument that coordinates state practice in regard to the protection of outer space heritage.

As the literature review demonstrates, scholars consider several different trajectories of normative development for the outer space heritage concept. They mainly focus on amending the 1972 World Heritage Convention or drafting a new international treaty, with some attention given to the development of the norms of customary international law. At the same time, there are considerable gaps in the literature that this article intends to fill. First, scholarly articles omit some possible trajectories of normative development, such as amending the 1979 Moon Agreement, or the possibility that a number of states withdraw from the Outer Space Treaty and appropriate areas on the moon or other celestial bodies. Second, role of the Artemis Accords in the conceptualization and promotion of the space heritage concept has not been properly studied yet, possibly due to the fact that the Accords have been signed less than four years ago, and their acceptance among nations has been spreading rapidly. Third, the research on normative developments of space heritage concept is patchy. There has been no such work that would comprehensively access all possible trajectories within the same piece of writing.

4. Trajectory 1. Amendments of Existing Legal Instruments

The amendment process of any particular international treaty is primarily governed by the provisions of the treaty itself. Generally accepted rules of modification and amendment of treaties are also outlined in Part IV of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties (hereinafter Vienna Convention), which is considered to reflect the rules of customary international law binding on all states [20, p. 43]. Amending a treaty is usually a lengthy process that requires all States Parties to participate in negotiations and decision-making [21, art. 40(1)]. Furthermore, even if the amendment is accepted, it will only bind those States that become parties to the amending agreement [21, art. 40(4)]. In other words, if a certain state does not accept the new norm prescribed by the amendment, this norm will not apply to that state.

4.1. Amending the Outer Space Treaty

The 1967 Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies (Outer Space Treaty) remains the foundation of international law of outer space. As of March 2024, 114 states have ratified the Treaty [22; 23]. The Treaty's virtually universal acceptance by spacefaring nations and no opposition from any state mean that at least some elements of the Treaty have already passed into customary international law [24, p. 71]. The provisions of the Treaty neither suggest nor preclude the recognition and protection of outer space heritage – the concept is simply not present in the text. Other norms and principles of the Treaty that could be connected to the management of heritage sites are the freedom of exploration and use of outer space (Article I) [25], free access to all areas on celestial bodies (Article I), prohibition of national appropriation of outer space (Article II), the principle that international law applies in outer space (Article III), States' international responsibility for the actions of their nationals in outer space (Article VI), States' jurisdiction and control over their space objects (Article VIII), as well as the principle of cooperation, mutual assistance, and due regard to the interests of other States Parties (Article IX). Article XV outlines the amendment procedure:

Any State Party to the Treaty may propose amendments to this Treaty. Amendments shall enter into force for each State Party to the Treaty accepting the amendments upon their acceptance by a majority of the States Parties to the Treaty and thereafter for each remaining State Party to the Treaty on the date of acceptance by it.

From our understanding of Article XV, after a certain State Party proposes to amend the Outer Space Treaty, more than half of States Parties will need to accept it in order for the amendment to enter into force for those States Parties that have accepted it (if the word 'majority' is understood as 'simple majority'). However, other States Parties will still have a choice whether to accept the amendment, and if they choose not to, they will not be bound by its provisions.

Introducing a new provision to the Outer Space Treaty allowing identification and protection of heritage sites is legally permissible in principle. When such activity is carried out in conformity with international law, including the Treaty's provisions, it may be considered a type of "use" of celestial bodies which is allowed under Article I of the Treaty [13, p. 30]. On the other hand, a unilateral declaration of a heritage site on the moon will amount to national appropriation of the area and clash with the non-appropriation principle of Article II [13, p. 77; 14, p. 81].

The most difficult part about amending the Outer Space Treaty might be obtaining the consent of at least 58 states – that is the current simple majority of the 114 member states. The support of states that possess a technical capability of reaching the moon will be even more crucial. At this moment, there are five states that have succeeded in landing their spacecrafts on the moon – the U.S., Russia, China, Japan, and India. If any of these states disagrees, any measures to protect heritage sites on the moon will make little or no sense at all – the 'moonfaring' state or states that have not ratified the amendment will have the right to ignore those measures. Important above all might be obtaining the consent of the United States – the first and only state to land humans on the moon. Washington has already considered this option, acknowledged its possible benefits, but nevertheless deemed it undesirable due to high risks and costs.

Amending existing multilateral agreements, such as the OST, or drafting and negotiating an additional agreement specifically relating to preservation of lunar artifacts could provide explicit and detailed international legal protections. Depending on the content, new rules could protect artifacts in a variety of ways, such as by creating setoff zones, specifying particular liability rules, and/or creating whatever other protections might be warranted. However, the difficulties and risks of negotiating and bringing such an agreement or amendments into force would likely outweigh any benefits [25, art. 5].

In fact, the Outer Space Treaty has never been amended in its entire history. This indirectly proves the idea that amending it is a very challenging task, and States Parties may choose rather not to undertake it.

4.2. Amending the World Heritage Convention

The 1972 World Heritage Convention is the most authoritative source of international law for identification and protection of heritage sites and also "one of the world's most ratified treaties" [9,

agenda item 3] with more member states than the United Nations itself [26]. It was adopted by the General Conference of UNESCO on November 16, 1972. The Convention does not explicitly declare its object and purpose, but if from reading and interpreting its text, we can assume that the Convention's object and purpose are to provide a legal framework for protection of natural and cultural heritage in the interest of all humankind [13, p. 66].

The World Heritage Convention differentiates between natural and cultural heritage. There are three categories of cultural heritage – monuments, groups of buildings, and sites. Since there are no architectural structures on the moon yet, we believe that the category of “sites” is the most applicable one for the lunar landing sites. The Convention defines sites as “works of man or the combined works of nature and man, and areas including archaeological sites which are of outstanding universal value from the historical, aesthetic, ethnological or anthropological point of view.” [26, art. 1] The Apollo landing sites, such as the Tranquility Base, may serve as a perfect example of the “combined works of nature and man” where man-made state-of-the-art technology is joined with the lunar terrain [13, p. 16]. At the same time, we must bear in mind that as per Articles 3 and 4 of the World Heritage Convention, States can identify and preserve only those objects that are situated on their territory [26]. Since the moon and other celestial bodies are ABNJs, no state can nominate lunar landing sites for the inscription on the UNESCO World Heritage List. Moreover, article 11(3) of the Convention dictates that “the inclusion of a property in the World Heritage List requires the consent of the State concerned.” [26] As the moon is not subject to any state's sovereignty, there is no state to consent to the inclusion of the lunar landing sites in the World Heritage List. Consequently, the Convention is not applicable for identification and protection of heritage sites in outer space in its current form.

If any State Party intends to use the World Heritage Convention as an instrument for protection of outer space heritage, it will need to propose amendments. The Convention does not contain any specific provisions regarding the amendment procedure, which means that the rules of amendment outlined in the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties shall apply. If a certain number of States Parties reach a consensus and conclude an amending agreement, it will only bind those States Parties that become parties to such agreement and not all the States Parties to the Convention.

In principle, the Convention does not contain any provision that would preclude the possibility of existence of heritage sites in ABNJs. Amending the Convention in order to enable the protection of space heritage sites can take two possible paths. First, Articles 3, 4, and 11 can be amended so that they acknowledge the existence of heritage sites in ABNJs. Second, a new article or even a whole chapter with a series of articles outlining a special procedure for identification and protection of heritage sites in ABNJs (and outer space in particular) can be added.

The appropriateness of such amendments can be questionable. On the one hand, extension of the Convention's legal force to ABNJs might be interpreted as undermining its purpose, which some scholars view as “enabling state parties to better protect the heritage sites located within their territory.” [13, p. 91-92] On the other hand, there has been a precedent when a state nominated a heritage site that was situated outside of its territory and over which it had no sovereignty. In 1981, Jordan nominated the Old City of Jerusalem and its Walls, the nomination was approved by the World Heritage Committee, and the site was successfully inscribed on the World Heritage List [27; 28, p. 123-124; 13, p. 19-20]. In the future, this precedent can be used to justify amending the World Heritage Convention in a manner that will permit states to nominate heritage sites outside of their territory. Moreover, the UNESCO itself has considered various legal solutions to extend the applicability of the 1972 Convention to ABNJs, in particular – the high seas [17, art. 49-51]. If this idea was contrary to the Convention's object and purpose, the UNESCO experts would never publish a report that endorses it.

Amending the World Heritage Convention will be challenging, but not impossible. This process will face the same challenges as amending the Outer Space Treaty. Negotiations between all 195 States Parties can be extremely protracted and cumbersome [13, p. 60], and amendments will only bind those states that accept to be bound by them. Nevertheless, there are factors in favor of the amendment. The Convention has been ratified by virtually every state on the planet, which means that the international community unanimously supports the necessity for protection and preservation of heritage sites. Moreover, the literature review demonstrates a consensus among scholars that a similar legal regime should be established

for the areas of cultural and historical significance on the moon and other celestial bodies. Absence of principle objections means that consensus on this matter might be within a hand's reach.

4.3. Amending the Operational Guidelines for the World Heritage Convention

The Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention (hereinafter Operational Guidelines) set forth the procedure for the inscription of properties on the World Heritage List and the List of World Heritage in Danger, the protection and conservation of these properties, as well as granting international assistance and mobilizing national and international support [29, art I A.1]. The Operational Guidelines are periodically revised to reflect the decisions of the World Heritage Committee [29, art. I.A.2], which is comprised of 15 States Parties to the Convention elected by the other States Parties [26, art. 8 (1)].

The Operational Guidelines already include procedures for nominating properties on the territory of States Parties, as well a special procedure for nominating transboundary properties, a term that refers to a property located on the territory of several states having adjacent borders [29, art. III.C.134]. For the next version, the Committee could amend the Guidelines to include new procedures for nomination and protection of heritage sites in outer space (as well as other ABNJs). In this case, simply proclaiming the existence of heritage sites in ABNJs would not suffice. As no country has control over extraterrestrial territories, the protection of heritage sites on the moon or any other celestial bodies would require a coordinated effort from all States Parties to the World Heritage Convention, or more practically – those States Parties that have the technical capability to reach these areas. The mechanism for such coordinated effort should also be added to the amended Guidelines.

In the past, the World Heritage Committee has already extended the legal coverage of the World Heritage Convention through adapting the Operational Guidelines. For example, it inscribed sites in the areas beyond the territorial sea of coastal states [17]. The UNESCO experts believe that incremental changes to the Operational Guidelines can be acceptable in the future, although they call to exert caution and warn that some States Parties may consider inscription of sites in ABNJs not being purely “operational” in nature [17]. This issue is especially sensitive in the context of international space law, as one state's nomination of a heritage site on a celestial body may be perceived by other states as an attempt of national appropriation through occupation, which clashes with the non-appropriation principle of Article II of the Outer Space Treaty.

As a matter of fact, amending the Operational Guidelines does not change the content of the World Heritage Convention itself. The Convention's provisions still prescribe that the heritage sites in question should be situated on the territory of any of the States Parties. In this context, adding a procedure for nomination and protection of space heritage sites to the Operational Guidelines should be considered an exceptional measure and a short-term solution. A permanent solution to the issue of outer space heritage will still require amending the World Heritage Convention or drafting a completely new international treaty.

4.4. Amending the Moon Agreement

The literature on outer space heritage largely neglects the 1979 Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies (hereinafter Moon Agreement) for quite obvious reasons – it has a very low recognition level within the international community and thus not considered an authoritative source of international space law. As of March 2024, there are only 17 States Parties to the Agreement. Saudi Arabia withdrew from the Moon Agreement on January 5, 2024 in accordance with article 20 of the Agreement. None of the five current ‘moonfaring’ nations, namely – the U.S., Russia, China, Japan, and India, are parties to the Agreement. Sceptics might say that paying attention to the Moon Agreement is irrelevant, although we have three reasons to argue the opposite.

First, the Moon Agreement contains unique terms and concepts that are not found in any other international treaty and can be related to the space heritage concept. Paragraph 3 of Article 7 allows to establish international scientific preserves under special protective arrangements.

States Parties shall report to other States Parties and to the Secretary-General concerning areas of the moon having special scientific interest in order that, without prejudice to the rights of other

States Parties, consideration may be given to the designation of such areas as international scientific preserves for which special protective arrangements are to be agreed upon in consultation with the competent bodies of the United Nations [30].

The concept of scientific preserves is more related to the concept of natural heritage rather than cultural heritage. Nevertheless, a similar provision prescribing the identification and protection of cultural heritage sites might also be inserted into the Moon Agreement through the amendment process.

Paragraph 1 of Article 11 also designates the moon and its natural resources as “common heritage of mankind” (CHM) [30]. Although CHM is a concept used in the context of law and policy applicable to natural resources and does directly relate to the norms of international cultural law, recognition of the entire moon as a “heritage area” might also make the recognition of cultural heritage sites on its surface more appropriate.

Second, a small number of States Parties to the Moon Agreement makes the amendment process easier and faster. It is regulated by Article 17 of the Agreement [30, art. 17] which is identical to Article XV of the Outer Space Treaty [25] and requires the acceptance of amendments by a majority of States Parties. Currently, a simple majority of Parties is only nine states.

Third, several States Parties to the Moon Agreement are also Signatories of the Artemis Accords. As of February 2024, these states are Australia, Belgium, Mexico, the Kingdom of Netherlands, and Uruguay [14]. They could use their position to transpose a norm that prescribes preservation of outer space heritage from a soft law (the Artemis Accords) instrument into a legally-binding treaty (the Moon Agreement). Although this norm will be binding on only a handful of states, it will be a binding norm of international law nonetheless – perhaps a first step on a path towards a wider acceptance among nations.

5. Trajectory 2: Implementation Agreements and Optional Protocols

When amending an international treaty is problematic or undesirable, a smaller group of States Parties may seek to modify the treaty’s interpretation and implementation within their own circle by concluding implementation agreements or optional protocols. In a similar fashion with amendments, these agreements will be in effect only for those states that accept them, although they will not change the content of the treaty. Article 41 of the 1969 Vienna Convention on the Law of Treaties guides the modification of treaties between certain of the parties only. This type of agreement is possible when the treaty provides for such a possibility or at least does not prohibit it [21, art. 41(1) (a, b)]. Furthermore, the modification must be compatible with the treaty’s object and purpose and must not “affect the enjoyment by the other parties of their rights under the treaty or the performance of their obligations.” [21, art. 41(1) (b)].

The Outer Space Treaty, the World Heritage Convention, and the Moon Agreement do not prohibit the conclusion of implementation agreements and optional protocols, which means that such normative development is possible.

5.1. Agreements to Implement the Outer Space Treaty

A de-facto implementation agreement to the Outer Space Treaty already exists in the form of the 2020 Artemis Accords. Section 1 of the Accords states that the principles described in this instrument “provide for operational implementation of important obligations contained in the Outer Space Treaty.” [14, sec. 1]. At the same time, the Artemis Accords are not legally binding, which is evident from paragraph 2 of Section 13 stating that the document is “not eligible for registration under Article 102 of the Charter of the United Nations.” [14, sec. 13 (2)]. Being a ‘soft law’ instrument, the Accords also influence the development of customary international law, which will be discussed in Part 7 of this paper.

5.2. Agreements to Implement the World Heritage Convention

The 2016 UNESCO report titled “World Heritage in the High Seas” endorses the possibility of extending the World Heritage Convention’s application to ABNJs by concluding an agreement akin to the 1994 Agreement on the Implementation of Part XI of the UN Convention on the Law of the Sea (hereinafter UNCLOS) [17, Art. 55]. Although the Organization’s experts call this approach “radical” and

“theoretical,” they also highlight its advantages, such as the opportunity to “avoid the formal amendment procedures of the 1972 Convention” [17, art. 49]. Nevertheless, the authors of UNESCO paper admit that this approach would “require a very high level of consensus and political will among a substantial number of the States Parties,” and that “the modification would only be effective between the states that had agreed to it, causing some potential implementation complexities” [17, art. 51].

The same 2016 UNESCO report explores the possibility of negotiating an optional protocol to the 1972 Convention. Drafting such a protocol would require a preliminary technical and legal study under consideration and examination by the UNESCO Executive Board, and a round of negotiations to which all States Parties will be invited [17, art. 51]. Since the optional protocol is not equal to an amendment, it will only require the participation of those States Parties which are interested in it thus making the negotiating process easier and faster. The UNESCO experts envisage a possible result the following way:

As a protocol to the 1972 Convention, it would only be open for signature to States Parties to the 1972 Convention and would be a parallel text which expands the ambit of the Convention without detracting from its existing achievements. Such a process would have the advantage that the negotiators could re-examine the most appropriate nomination and inscription procedures for ABNJ sites as well as further develop the ‘system of international cooperation and assistance designed to support States Parties to the Convention in their efforts to conserve and identify that heritage’ as envisaged by Article 7 of the Convention [17, art. 51].

While implementation agreements and optional protocols seem an easier path to introduce the concept of outer space heritage into the body of international cultural law, it also poses a risk that such instruments will be deemed incompatible with the object and purpose of the 1972 World Heritage Convention. Some scholars believe that the purpose of the Convention is to “enable state parties to better protect the heritage sites located *within their territory*” (emphasis added) [13, p. 91-92]. As such, applying the provisions of the Convention to protect outer space heritage may be considered as an over-inclusive interpretation and over-extension of its legal force.

5.3. Agreements to Implement the Moon Agreement

Since 2017, an American non-profit organization named Space Treaty Project has been developing a Model Resource Agreement that can serve as an implementation agreement to the 1979 Moon Agreement or also stand alone as a self-sufficient legal instrument [31]. The project has been published in the journal *Advances in Astronautics Science and Technology* in 2020 [32]. The project’s primary goal is to elaborate a legal regime of exploitation of space resources, but it also addresses the issue of identification and protection of space heritage sites. The most recent version of the Model Resource Agreement contains Section 7 titled “Protection of Natural Environment; Cultural Heritage Sites.” The section also refers to Article 7 of the Moon Agreement, which provides for establishing scientific preserves on the moon.

The States Parties, in accordance with Treaty Article 7, agree to develop standards and recommended practices to prevent the disruption of the existing balance of a celestial body’s environment. The States Parties further agree to protect natural and cultural heritage sites, and/or to designate another entity/process for making such determinations that will be binding on the States Parties. Until such process is established, the States Parties agree to prohibit the use or disturbance of any location on the Moon or other celestial body that is the site of a mission that occurred prior to the year 2000 CE. This prohibition applies to the location of any equipment and any evidence of presence, including footprints and tracks [33].

The Model Resource Agreement has not been signed or ratified by any state yet. Nevertheless, it offers a valuable experience in international normative development, which could be used in the process of drafting future international treaties applicable to outer space and celestial bodies.

6. Trajectory 3: A New International Treaty

6.1. Inspiration from Previous International Treaties

Concluding a new international treaty to protect heritage sites in outer space would follow an established practice of concluding separate treaties to protect natural or cultural areas in ABNJs. The first treaty of such character is the 2001 UNESCO Convention on the Protection of the Underwater Cultural

Heritage (hereinafter Underwater Heritage Convention). The second is the 2023 High Seas Treaty, also known as the Biodiversity Beyond National Jurisdiction Treaty (hereinafter BBNJ). The experience of the 1959 Antarctic Treaty might also be relevant [15; 13, p. 21]. Furthermore, the 1972 World Heritage Convention should definitely be taken into consideration as the most authoritative source of international cultural law. The drafters of a new international convention on the protection of cultural heritage in outer space, including the moon and celestial bodies may build their work upon the regulations, practices, and mechanisms established by the abovementioned treaties.

The Underwater Heritage Convention establishes a mechanism for preservation or disposal of objects of an archaeological and historical nature found in the Area (deep seabed). First, the persons or vessels that discover objects of cultural heritage have the obligation to report the discovery to their state of nationality or flag state [34]. Second, States Parties to the Convention shall notify the Director-General of UNESCO and the Secretary-General of the International Seabed Authority about the discovery [34, art. 11 (2)]. Third, the Director-General promptly distributes the information about the discovery among all other States Parties [34, art. 11 (3)]. Fourth, any State that has a verifiable link to the cultural heritage site, especially if it is a State of cultural, historical or archaeological origin, may declare to the Director-General its interest in being consulted on the protection of the site [34, art. 11 (4)]. Fifth, the Director-General invites all States Parties that declared their interest to consult on how to protect the heritage site and to appoint a State Party that will coordinate these consultations as the “Coordinating State.” [34, art. 12 (2)]. The International Seabed Authority should also be invited to participate. In addition, States Parties may take all necessary and practical measures in conformity with the Convention to prevent any immediate danger to the cultural site, e.g. looting, before the consultations commence [34, art. 12 (3)]. Finally, the Coordinating State shall implement the protecting measures which have been agreed by the consulting States and issue all the necessary authorizations for such measures [34, art. 12 (4)]. At the same time, such an arrangement does not mean that the Coordinating State receives a de-facto control over the cultural heritage area since the Convention prescribes it to “act for the benefit of humanity as a whole, on behalf of all States Parties.” [34, art. 12 (6)].

The 2023 BBNJ is the ‘youngest’ international treaty to regulate ABNJs. As of April 9, 2024, BBNJ has been signed by 85 and ratified by 3 states [35]. The ratification process is still underway, and the Treaty shall enter into force only 120 days after the 60th State Party ratifies it. BBNJ introduces “area-based management tool,” which includes “marine protected areas” [35, art. 1 (1)] beyond national jurisdiction [35, art. 18]. Any State Party to the Treaty can propose the establishment of a marine protected area to the secretariat [35, art. 19 (1)]. After a process of review [35, art. 20], consultations, and assessment [35, art. 21] of this proposal, the decision shall be made by consensus [35, art. 23 (1)], or by a qualified majority of the Parties (at least three-fourths) if consensus is unattainable [35, art. 23 (2)].

The 1959 Antarctic Treaty effectively turned Antarctica (which it defines as the area south of 60° South Latitude [36]) into one huge scientific preserve by “freezing” all sovereignty claims [36, art. IV.2] and prohibiting military activities (except for the usage of military personnel for peaceful purposes) [36, art. I] in the area for the time while the Treaty is in force.

The practice established by the abovementioned treaties and conventions suggests that a new treaty on the identification and preservation of heritage sites in outer space may include provisions about procedure how the site is identified and managed, and also give overseeing authority to either an existing international body, e.g. UNESCO Director-General or World Heritage Committee, or a new international body (a secretariat, a committee, an authority, a board, etc.) specifically designed to perform such duties.

6.2. Procedures and Challenges of Drafting a New Treaty

When it comes to drafting a new international treaty on the protection of outer space heritage, scholars and policymakers come up with various procedural arrangements. A robust solution might be produced through collaboration between UNESCO and UN COPUOS. Martin suggests that “an international conference on space heritage between the United Nations Office for Outer Space Affairs (UNOOSA) and UNESCO, with experts on heritage and environmental protection, should be held and produce guidance and guidelines on the protection of human heritage in outer space.” [13, p. 60]. Su and Li support this proposition:

[I]t would be reasonable for UNESCO and UNCOPUOS to form a joint working group of experts in international heritage law and experts in outer space law to draft international documents for the protection of outer space heritage, establish a management body (such as a management committee) to compile and update the Outer Space Heritage List, and oversee the implementation of protection measures [13, p. 9].

For All Moonkind, a nonprofit organization and a permanent observer to UN COPUOS, invites all interested states to sign its Space Heritage Declaration. The document prompts states to work together with the Organization, as well as legal and archeological experts to develop and promulgate standards (the “Standards”) “regarding the appropriate protection of each of the Cultural Heritage Sites in Outer Space.” [10, sec. 2 (2)]. These Standards will include certain practices and procedures, which will be applied either generally, or on a site-by-site basis. Furthermore, the Standards should be transparent, flexible, and balance development of space exploration and use with preservation of cultural heritage. In addition, the participating states should “avoid disturbance and damage to any Cultural Heritage Sites in Outer Space” before the development of relevant Standards [10, sec. 2 paras. 4-5].

It is not specified whether the Declaration should be legally binding or not. As the document does not propose concrete measures and rules but rather lays a foundation for their development (the Standards), it evidently constitutes a declaration of intentions, which should be classified as a soft law instrument. At the same time, the Standards that the Declaration proposes to develop may become the basis for the provisions of a binding Convention, which For All Moonkind sees as a pinnacle of their work yet to be attained.

A faster and easier way to draft a new international treaty might be to start with a “mini-agreement” only encompassing those nations that have the technical means of reaching the moon. As we remember, only five states have proved having such means – the U.S., Russia, China, India, and Japan. Farsaris suggests first to reach an agreement between the major spacefaring nations and then make it open to other states which might develop the technology of accessing the moon later [13, p. 82]. This approach seems pragmatic, but it is not without flaws. First, new spacefaring nations that emerge in the future might decide not to join the treaty. Second, it is possible that the nationals of States Parties to the treaty will launch their spacecrafts to the moon from the territory and/or on the register of States not Parties, which will allow them to avoid its regulations. These actions might be similar with contemporary seafaring practice of “flags of convenience.” [37].

Third, even a small number of ‘moonfaring’ nations might find it difficult to come to an agreement. Science knows no proven correlation between the number of negotiating states and the promptness of the negotiation process. In fact, a stalemate in negotiations between only two states can seal a treaty’s fate, especially if these states are key players in the international arena. The success of the Outer Space Treaty is largely attributed to the compromise between the United States and the Soviet Union [38, p. 64], which allowed other members of their respective blocs to join the Treaty. By contrast, the failure of the draft treaty on Prevention of the Placement of Weapons in Outer Space and of the Threat or Use of Force Against Outer Space Objects (hereinafter the PPWT), which was jointly proposed by Russia and China at the Conference of Disarmament in 2008 and 2014, might have been a result of a resolute opposition from the U.S. and as a consequence, their allies and partners [13, p. 25].

Practically every scholar admits that the process of drafting a new international treaty will be very long and challenging. In addition, Zajackowski points to a lack of ratification for similar legal instruments, such as the 2001 Underwater Heritage Convention, which might also be the problem of a new convention on the protection of space heritage [13, p. 23]. Furthermore, Farsaris warns that drafting a new treaty might only delay the protection of lunar artefacts “to a point when nations and private companies will be already active on the moon.” [13, p. 82].

7. Trajectory 4: Customary International Law

International custom is one of the oldest sources of international law, yet it might be also one the most vague and difficult to identify. The 2018 Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, which were drafted by the International Law Commission (ILC), applies a two-element approach to the identification of the existence and content of rules of customary international law in all fields of international law [39]: “To determine the existence and content of a rule of customary international law,

it is necessary to ascertain whether there is a general practice that is accepted as law (*opinio juris*).” [39, p. 124] Conclusion 4 provides that this general practice “refers primarily to the practice of States,” practice of international organizations “also contributes to the formation, or expression, of rules of customary international law” in certain cases, while conduct of other actors is not regarded as such practice, but it may be relevant when assessing the practice of states and international organizations [39, p. 130].

Conclusion 6 provides that state practice may take wide range of forms, including both physical and verbal acts, and it may also include inaction [39, p. 133]. As such, when states conclude agreements between each other, or when states’ leaders make public statements, all these actions contribute to the expression state practice. Furthermore, states’ treatment of their nationals should be also taken into account. The Commentary to Conclusion 5 of the ILC 2018 Draft Conclusions provides that “the relevant practice of States is not limited to conduct vis-à-vis other States or other subjects of international law; conduct within the State, such as a State’s treatment of its own nationals, may also relate to matters of international law.” [39, p. 133] This is especially relevant in the field of international space law, as Article VI of the Outer Space Treaty requires states to authorize and continuously supervise their nationals, and also holds states internationally responsible for their nationals’ actions in outer space [25, art. VI]. In this regard, national space laws contribute to the development of customary international law as well.

At present, only the United States has enacted a law regulating the protection of heritage sites in outer space – the 2020 One Small Step Act. Nevertheless, we may expect more states to follow suit in the future. As of March 2024, already 36 states have signed the U.S.-led Artemis Accords. The Accords establish common principles that all Signatories commit to, among them – preserving outer space heritage (Sec. 9). The implementation of the Accords requires the Signatory States to take “appropriate steps to ensure that entities acting on its behalf comply with the principles of these Accords.” [14, sec. 2 (1) (d)] This clause may be interpreted as a requirement to enact national laws that will ensure that the nationals of Signatory States’ comply with the provisions of the Accords.

There are other international initiatives that call states to harmonize their practices by establishing lists of natural and cultural heritage sites in outer space, such as the 2019 Building Blocks (article 10 (h)), or the 2020 Vancouver Recommendations (article VII.21). Many research organizations participate in the UN COPUOS sessions, and a number of them have the status of permanent observers [40]. The issue of outer space heritage has already been repeatedly discussed within the Legal Subcommittee of COPUOS [9]. If the members of the Committee find the issue urgent and important enough, they may initiate drafting of an appropriate legal instrument to address it, which may be either a soft law instrument (declaration, resolution, set of principles), or a legally binding treaty. As we have previously discussed, treaties and conventions may take years, if not decades, to negotiate and elaborate, and the success of their ratification is not guaranteed. Therefore, COPUOS members might first reach a consensus on a set of voluntary principles and guidelines and submit them to the UN General Assembly in a form of a resolution. If a resolution urging the protection of heritage sites in outer space gets adopted, it may provide a considerable contribution to the development of customary international law, although it will not yet be a comprehensive solution.

Conclusion 12 of the ILC 2018 Draft Conclusions specifies that resolutions of international organizations may “provide evidence for determining the existence and content of a rule of customary international law, or contribute to its development,” or they may “reflect a rule of customary international law if it is established that the provision corresponds to a general practice that is accepted as law (*opinio juris*).” [39, p. 147] The ILC particularly distinguishes the resolutions of the United Nations, since this organization enjoys a virtually universal participation [39, p. 147]. Nevertheless, even the UN resolution cannot create or independently constitute a rule of customary international law – it has to be accompanied by or preceded with relevant state practice. Furthermore, the ILC advises that there is no such thing as “instant custom” arising from these resolutions on their account [39, p. 147].

If the recognition and protection of outer space heritage becomes a widespread practice among spacefaring nations and accepted as legal under the current body of law, it may give rise to a new rule of customary international law. This rule, in turn, may be later codified in a new legally-binding treaty. A report by the Atlantic Council suggests that it might be the long-term plan of the United States government until the year 2050. First, develop rules of customary international law by forging consensus with likeminded

nations, and second – codify these new standards into a new space treaty to replace the “outdated” 1967 Outer Space Treaty [41, p. 50]. This, however, will require an absence of opposition from other states, in particular – China and Russia, a fact that the authors of the report also admit [41, p. 52].

Worthy of note, the requirements for recognition of a certain norm as a rule of customary international law are very strict. In the North Sea Continental Shelf case, for example, the International Court of Justice (ICJ) sets the bar very high requiring state practice to be “both extensive and virtually uniform.” [42] Moreover, unlike the norms of treaty law, rules of customary international law are particularly difficult to identify and interpret. It is not enough for the practice to exist and be acceptable as lawful – someone has to identify and document its existence. A norm of customary international law may be identified in a report by International Law Commission, mentioned in a decision or advisory opinion by an international court or tribunal, such as the ICJ, or endorsed in the writings of the most highly qualified scholars, which are recognized as sources of international law by virtue of Article 38 of the ICJ Statute [43, art. 38]. These developments, however, are unlikely to unravel in a short period of time, and we should only expect them years after certain states commence their practice of identification and protection of outer space heritage.

8. National Appropriation of Celestial Bodies

Although outer space, the moon, and other celestial bodies are ABNJs not subject to national appropriation as per Article II of the Outer Space Treaty, their status may change in the future. The non-appropriation principle remains in force as long as the Outer Space Treaty retains its wide acceptance and meets with no opposition within the international community. However, if any State Party deems its participation in the Treaty impractical, it may withdraw with a one-year prior notification as per Article XVI of the Treaty [25, art. XVI]. If only one state withdraws, it may not affect the status of the non-appropriation principle as a norm of customary international law (it is widely regarded as one by scholars of space law) [43, p. 528; 44, p. 277-305; 45, p. 30; 46, p. 22]. One state’s appropriation of an extraterrestrial area will be probably viewed as a violation of international law, not its change. In *Nicaragua v. United States*, the ICJ concludes that if a state’s action contradicts the current norms of international law, it shall be deemed an internationally wrongful act and not an indication of a new rule: “In order to deduce the existence of customary rules, the Court deems it sufficient that the conduct of States should, in general, be consistent with such rules, and that instances of State conduct inconsistent with a given rule should generally have been treated as breaches of that rule, not as indications of the recognition of a new rule.” However, if at least several states withdraw from the Treaty, especially if they are major spacefaring nations, the rule will most likely lose its previous status, as state practice will not be uniform anymore, as it was required in the North Sea Continental Shelf case. A massive withdrawal from the Outer Space Treaty may be an unlikely event, but from the legal standpoint, it is possible and permissible. Therefore, lawyers and policymakers should account for it. In fact, the Atlantic Council has already considered the possibility for the United States and its allies and partners of entering diplomatic reservations to the Outer Space Treaty or even withdrawal from it [41, p. 74].

Should the abovementioned development take place, the road towards establishing space colonies under the jurisdiction of states will be open. In case the lunar landing sites appear to be under the control of states, the amendment of the World Heritage Convention will not be necessary. Articles 3, 4, and 11 already provide for the protection of heritage sites on State Parties’ territory, and they do not specify whether this territory should be on Earth or on another celestial body.

9. Conclusion

The necessity for protection and preservation of human heritage sites in outer space, such as the Apollo 11 Tranquility Base on the moon, has been endorsed by the U.S. legislators, a number of international research organizations, and considered within the UN COPUOS. There is also a broad consensus in scholarly literature that such protection and preservation are necessary. Nevertheless, the current body of international law does not have any legally binding norm that could allow states and the international community to identify and protect heritage sites on the moon (or elsewhere in outer space). We have examined four different trajectories of normative developments how this binding norm could be introduced into the body of international law.

The first trajectory is amending the existing international treaties, such as the 1967 Outer Space Treaty, the 1972 World Heritage Convention, or the 1979 Moon Agreement. Amending Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention also falls within this category. The most effective and lasting solution might be amending the World Heritage Convention, although extending its legal force to ABNJs might be deemed contrary to the Convention's object and purpose. Amending Operational Guidelines is a faster solution, but it might create the same legal confusion as the amendment to the 1972 Convention.

The second trajectory is drafting implementation agreements and optional protocols to the legal instruments mentioned in trajectory 1. They are easier to conclude because they do not require to follow a formal amendment procedure, but they will only be effective among the states that conclude them, while other states might still find these new instruments contradictory to the original treaty or convention.

The third trajectory is drafting a new treaty or convention to specifically address the issue of outer space heritage. This work may rest on the experience and existing practice of the 1959 Antarctic Treaty, 1972 World Heritage Convention, 2001 Underwater Heritage Convention, and the 2023 High Seas Treaty. This method is the most effective, but it is also the longest and the most laborious, while the end result may not be guaranteed. A new treaty risks to share the fate of the 1979 Moon Agreement, or the draft PPWT.

The fourth trajectory is the development of rules of customary international law. This process is already underway with the adoption of the 2020 Artemis Accords, the expansion of the Artemis network of states, and the adoption of national laws, such as the 2020 U.S. One Small Step Act. Development of international custom may be a long and complicated process, as it requires uniformity and consistency of state practice, as well as acceptance of this practice as legal under the current norms of international law.

The easiest and fastest trajectories involve drafting optional protocols to the World Heritage Convention, or amending the Operational Guidelines for this Convention. However, this is a short-term solution of exceptional character which might be not sustainable in the long-term perspective. The most reliable and comprehensive way would be drafting a new international treaty, but is also the longest and most challenging method. Development of rules of customary international law might accelerate this process. The adoption of national laws and international soft law instruments can establish and harmonize the relevant state practice, which will lay a foundation for a new treaty or convention.

А. Ильин, Shanghai Jiao Tong University, KoGuan School of Law (Шанхай, ҚХР): Ғарыштық мұра тұжырымдамасының нормативтік даму траекториялары.

Ғарышкерлердің айға қонуы адамзаттың ең үлкен жетістіктерінің бірі болып табылады, бірақ халықаралық құқықтағы тарихи Айға қону орындарының мәртебесі белгісіз болып қалуда. Ғарыштық құқық және саясат әдебиеттерінде «Аполлон» қону алаңдары өзінің ерекше әмбебап құндылығы мен бүкіл халықаралық қауымдастықтың тиісті қорғанысын мойындауға лайық деген ортақ пікір бар. Алайда, мұндай қорғауды қамтамасыз ету заңды тұрғыдан проблемалы болуы мүмкін, өйткені халықаралық құқықтың қолданыстағы жинағында мемлекеттерге Айдағы немесе басқа аспан денелеріндегі мәдени мұра объектілерін анықтауға және қорғауға мүмкіндік беретін немесе міндеттейтін юридикалық норма жоқ.

Халықаралық ғарыш құқығы саласында ғарыштық мұра тұжырымдамасы енді пайда болып келе жатыр. Бұл тұжырымдама 2020 жылғы Артемида келісімдері немесе әртүрлі сарапшылар топтарының саяси ұсыныстары (мысалы, Гаагадағы «құрылыс блоктары» жұмыс тобы) сияқты мемлекеттер үшін міндетті емес «жұмсақ құқық» құралдарының көмегімен енгізілді. Ғарыш шарты және БҰҰ-ның басқа төрт ғарыш шарты ғарыш кеңістігіндегі мәдени мұра нысандары туралы ережелерді қамтымайды. Халықаралық мәдени құқық, атап айтқанда дүниежүзілік мұра туралы Конвенция ғарыш кеңістігіне қолданылмайды, өйткені Конвенцияның ережелері қатысушы мемлекеттердің аумақтарында мәдени мұра объектілерін анықтау мен қорғауды шектейді, бірақ Ай және басқа аспан денелері ұлттық юрисдикциядан тыс.

Бұл мақалада ғарыш кеңістігінде адамзат мұрасын тану және қорғау туралы юридикалық міндетті норманы енгізу мақсатында халықаралық құқықтың нормативтік дамуының мүмкін траекториялары талданады. Бұл бағыттарға ғарыш Шарты немесе дүниежүзілік мұра туралы Конвенция сияқты қолданыстағы халықаралық шарттарға түзетулер енгізу, қолданыстағы халықаралық

шарттарға имплементациялық келісімдер жасау, жаңа халықаралық шарттың жобасын әзірлеу, кәдімгі халықаралық құқық нормаларын әзірлеу және мемлекеттік егемендікті ғарыш кеңістігінің белгілі бір аймақтарына кеңейту мүмкіндігі кіреді. Бұл мақала қолданыстағы әдебиеттерді толықтырады, алдыңғы зерттеулерде алынып тасталған нормативтік даму траекторияларын қарастырады, сондай-ақ сол зерттеу шеңберінде барлық мүмкін траекторияларды жан-жақты талдайды. Әрбір траекторияның артықшылықтары мен қиындықтарын бағалай отырып, зерттеу авторлары іске асырудың ең оңай, сондай-ақ ең сенімді және тиімді бастамаларды анықтайды.

Түйінді сөздер: халықаралық ғарыш құқығы; ғарыштық мұра; нормативтік даму.

A. Ильин, Shanghai Jiao Tong University, KoGuan School of Law (Шанхай, КНР): Траектории нормативного развития концепции космического наследия.

Высадка астронавтов на Луну является одним из величайших достижений человечества, но статус исторических мест высадки на Луну в международном праве остается неопределенным. В литературе по космическому праву и политике существует общее мнение о том, что места посадки «Аполлона» заслуживают признания своей выдающейся универсальной ценности и надлежащей защиты со стороны всего международного сообщества. Однако обеспечение такой защиты может быть проблематичным с юридической точки зрения, поскольку в действующем своде международного права нет юридически обязывающей нормы, которая разрешала бы или обязывала государства выявлять и охранять объекты культурного наследия на Луне или других небесных телах.

В области международного космического права только зарождается концепция космического наследия. Это понятие было введено с помощью инструментов мягкого права, которые не являются обязательными для государств, таких как Артемидские соглашения 2020 года, или политические рекомендации различных групп экспертов (например, Гагской рабочей группы «Строительные блоки»). Договор по космосу и другие четыре договора ООН по космосу не содержат никаких положений об объектах культурного наследия в космическом пространстве. Международное культурное право, и в частности Конвенция о всемирном наследии, неприменимо к космическому пространству, поскольку положения Конвенции ограничивают выявление и охрану объектов культурного наследия территориями государств-участников, но Луна и другие небесные тела находятся за пределами национальной юрисдикции.

В данной статье анализируются возможные траектории нормативного развития международного права с целью введения юридически обязывающей нормы о признании и защите наследия человечества в космическом пространстве. Эти направления включают внесение поправок в существующие международные договоры, такие как Договор по космосу или Конвенция о всемирном наследии, заключение имплементационных соглашений к существующим международным договорам, разработку проекта нового международного договора, разработку норм обычного международного права, а также возможность распространения государственного суверенитета на определенные районы космического пространства. Данная статья дополняет существующую литературу, рассматривая траектории нормативного развития, которые были опущены в предыдущих исследованиях, а также всесторонне анализируя все возможные траектории в рамках одного и того же исследования. Оценивая преимущества и трудности каждой траектории, авторы исследования выявляют инициативы, которые проще всего реализовать, а также те, которые будут наиболее надежными и эффективными.

Ключевые слова: международное космическое право; космическое наследие; нормативное развитие.

References:

1. Rogers T.F. Safeguarding Tranquility Base: Why the Earth's Moon Base Should Become a World Heritage Site. *Space Policy* 20 (2004), pp. 5–6.
2. Dirk H.R. Spennemann, The Ethics of Treading on Neil Armstrong's Footprints. *Space Policy* 20 (2004), pp. 279–290.
3. NASA's Recommendations to Space-Faring Entities: How to Protect and Preserve the Historic and Scientific Value of U.S. Government Lunar Artifacts, July 20, 2011. URL: <https://www.nasa.gov/wp-content/uploads/2023/12/nasa-usg-lunar-historic-sites-reva.pdf>

4. Office of Science and Technology Policy, Protecting & Preserving Apollo Program Lunar Landing Sites & Artifacts in Accordance with the NASA Transition Authorization Act of 2017 (March 2018), <https://csp.aerospace.org/sites/default/files/2021-08/Protecting%20Lunar%20Sites%20OSTP%20report%20Mar18.pdf>

5. U.S. Congress, S.1694 - One Small Step to Protect Human Heritage in Space Act, <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/1694>

6. The Hague International Space Resources Governance Working Group, Building Blocks for the Development of an International Framework on Space Resource Activities, art. 10(h).

7. The Outer Space Institute of the University of British Columbia, Vancouver Recommendations on Space Mining, VII.21, URL: http://www.outerspaceinstitute.ca/docs/Vancouver_Recommendations_on_Space_Mining.pdf.

8. "The Organization," For All Moonkind, <https://www.forallmoonkind.org/about/the-organization/>

9. For All Moonkind – Agenda Item 3, Statement by Bailey Cunningham, United Nations Representative, For All Moonkind, 60th Session of the Legal Subcommittee, Committee on the Peaceful Uses of Outer Space, Vienna, Austria, June 4, 2021. URL: https://www.unoosa.org/documents/pdf/copuos/lsc/2021/statements/item_3_For_All_Moonkind_ver.1_4_June_PM.pdf

10. Declaration of Objectives and Activities Regarding Cultural Heritage in Outer Space (Space Heritage Declaration), For All Moonkind. URL: <https://www.forallmoonkind.org/about/the-declaration/>

11. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage (World Heritage Convention) art. 1, Nov. 16, 1972, 27 U.S.T. 37, 1037 U.N.T.S. 151.

12. Treaty on Principles Governing the Activities of States in the Exploration and Use of Outer Space, Including the Moon and Other Celestial Bodies (Outer Space Treaty) art. II, Jan. 27, 1967, 610 UNTC 207.

13. Protection of Cultural Heritage Sites on the Moon, ed. Annette Froehlich. Vienna: Springer, 2020.

14. The Artemis Accords: Principles for Cooperation in the Civil Exploration and Use of the Moon, Mars, Comets, and Asteroids for Peaceful Purposes, Sec. 9(1), Oct. 13, 2020, 62 I.L.M. 888.

15. Justin St. P. Walsh, "Protection of Humanity's Cultural and Historic Heritage in Space," Space Policy 28:4 (2012). Pp. 234-243.

16. Jinyuan Su and Jinxuan Li. Toward an International Legal Framework for the Protection of Outer Space Heritage. Space Policy (2024), <https://doi.org/10.1016/j.spacepol.2024.101625>

17. UNESCO, World Heritage in the High Seas: An Idea Whose Time Has Come (Paris: UNESCO, 2016), 51. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000245467/PDF/245467eng.pdf.multi>

18. Balázs Bartóki-Gönczy and Boldizsár Nagy. Introductory Note to the Artemis Accords. International Legal Materials 62:5 (2023). Pp. 888-898.

19. Rossana Deplano. The Artemis Accords: Evolution or Revolution in International Space Law? International and Comparative Law Quarterly (2021). Pp. 799-819.

20. Zachos A. Paliouras, "The Non-Appropriation Principle: The Grundnorm of International Space Law," Leiden Journal of International Law 27 (2014).

21. Vienna Convention on the Law of Treaties, May 23, 1969, 1155 U.N.T.S. 331.

22. According to the official records of the UN COPUOS, 112 states have ratified the Outer Space Treaty as of 1 January 2023: Status of International Agreements Relating to Activities in Outer Space as at 1 January 2023, Mar. 20, 2023, U.N. Doc. A/AC.105/C.2/2023/CRP.3, https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2023/aac_105c_22023crp/aac_105c_22023crp_3_0_html/AC105_C2_2023_CRP03E.pdf;

23. Croatia and Panama joined the Treaty later on in 2023, see Status of International Agreements Relating to Activities in Outer Space: Latest Depository Notifications, United Nations Office for Outer Space Affairs, <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/spacelaw/treaties/status/index.html>.

24. Francis Lyall and Paul B. Larsen, Space Law: A Treatise (Surrey: Ashgate, 2009)

25. Outer Space Treaty.

26. As of August 2023, there have been 195 States Parties to the World Heritage Convention. This is more than the official number of the United Nations members, which is 193. See States Parties, UNESCO World Heritage Convention, <https://whc.unesco.org/en/statesparties>; Member States, United Nations, <https://www.un.org/en/about-us/member-states>.

27. Old City of Jerusalem and Its Walls, UNESCO World Heritage Centre, <https://whc.unesco.org/en/list/148>
28. *Archaeology and Heritage of the Human Movement into Space*, ed. Beth Laura O’Leary and P. J. Capelotti. Springer, 2015.
29. Operational Guidelines for the Implementation of the World Heritage Convention art. I.A.1, WHC.23/01, 24 September 2023 <https://whc.unesco.org/en/guidelines/>
30. Agreement Governing the Activities of States on the Moon and Other Celestial Bodies (Moon Agreement), Dec. 5, 1979, 1363 U.N.T.S. 23002.
31. The Space Treaty Project, <https://www.spacetreaty.org/>
32. Dennis O’Brien. Legal Support for the Private Sector: An Implementation Agreement for the Moon Treaty. *Advances in Astronautics Science and Technology* 3 (2020): 49-64.
33. Model Resource Agreement for the Moon Treaty (The Space Treaty Project: updated November 2022) Sec. 7, <https://www.spacetreaty.org/modelimplementationagreementcurrent.pdf>.
34. Convention on the Protection of the Underwater Cultural Heritage (Underwater Heritage Convention), Nov. 2, 2001, 2562 U.N.T.S. 45694.
35. Agreement under the United Nations Convention on the Law of the Sea on the Conservation and Sustainable Use of Marine Biological Diversity of Areas beyond National Jurisdiction (hereinafter BBNJ), New York, 19 June 2023 <https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx>.
36. The Antarctic Treaty, Dec. 1, 1959, 402 U.N.T.S. 5778.
37. Gohar A. Petrossian et. al. Flags for Sale: An Empirical Assessment of Flag of Convenience Desirability to Foreign Vessels. *Marine Policy* 116 (2020) 103937.
38. Joanne Irene Gabrynowicz. One Half Century and Counting: The Evolution of U.S. National Space Law and Three Long-Term Emerging Issues. *Journal of Space Law* 37, no. 1. Spring 2011.
39. Draft Conclusions on Identification of Customary International Law, with Commentaries, U.N. Doc. A/73/10, at 126 (2018).
40. Committee on the Peaceful Uses of Outer Space: Observer Organizations, UNOOSA <https://www.unoosa.org/oosa/en/ourwork/copuos/members/copuos-observers.html>.
40. Clementine G. Starling et al., *The Future of Security in Space: A Thirty-Year US Strategy*. Washington, D.C.: Atlantic Council, 2021.
41. North Sea Continental Shelf, Judgment, 1969 I.C.J. Reports
42. Statute of the International Court of Justice https://legal.un.org/avl/pdf/ha/sicj/icj_statute_e.pdf.
43. Fabio Tronchetti. The Non-Appropriation Principle under Attack: Using Article II of the Outer Space Treaty in its Defense. *Proceedings of the 50th Colloquium on the Law of Outer Space*. 2008
44. Fabio Tronchetti. The Non-Appropriation Principle as a Structural Norm of International Law: A New Way of Interpreting Article II of the Outer Space Treaty. *Air and Space Law* 33:3 (2008), pp. 277-305
45. Stephan Hobe and Kuan-Wei Chen. *Legal Status of Outer Space and Celestial Bodies*. Routledge Handbook of Space Law, eds. Ram S. Jakhu and Paul Stephen Dempsey. Routledge, 2017.
46. Paliouras. The Non-Appropriation Principle”; Paul A. Berkman et al, “Outer Space Law: Russia – United States Common Challenges and Perspectives,” *Moscow Journal of International Law* 1 (2018).

Для цитирования и библиографии: Ilin A. Trajectories of Normative Development for Outer Space Heritage Concept // *Право и государство*. № 4(105), 2024. – С. 6-22. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_6

Материал поступил в редакцию 11.09.2024

INTERNATIONAL HUMAN RIGHTS: DIVISIBLE OR INDIVISIBLE?¹

ZH. TEMIRBEKOV,
PhD in Jurisprudence (Maqsut
Narikbayev University),
LLM in International Law
(University of Reading),
Teaching professor,
Maqsut Narikbayev University
Astana, Kazakhstan
e-mail: zh_temirbekov@kazguu.kz

The *relevance* of the study stems from the ongoing debate around the justifiability of the existence of two separate covenants in international human rights law: the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) and the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights (ICESCR). The *subject* of the article is the question of the divisibility or indivisibility of international human rights. The *purpose* of the paper is to analyse the reasons for the creation of two separate covenants and whether international human rights are divisible or indivisible. In addition, the study aims to examine how the formation of the two-covenant system affected state practice and international human rights obligations. The *novelty* of the research lies in the fact that it provides a new look at the reasons, justification and some practical consequences of the existence of the two-covenant system. The paper contributes to the understanding of the relationship between civil and political rights and economic and social rights in light of contemporary challenges in the field of human rights and globalisation.

Keywords: human rights, ICCPR, ICESCR, Cold War, civil and political rights, economic and social rights, free-market economy, indivisibility of rights.

Introduction

More than seventy years ago, the UN General Assembly (GA) adopted the Universal Declaration of Human Rights (1948) (UDHR). Despite the high level of aspirations during its acceptance and the fact that its text emphasises the importance of political, civil, economic, social and cultural rights altogether, due to various factors, the most important of which will be described below, later, in 1966, the world became witness to adoption by the GA for signature by states of two different covenants – the ICCPR and the ICESCR.

As it is known, the origin of CP rights are the basic rights doctrines protecting life, integrity, liberty and freedom of expression [4, p. 350]. That said, some of the rights enlisted in the ICCPR, such as the right to life and freedom, are based on the rich heritage of Western law philosophy and the painful experiences of humanity (such as World War II). Maybe because of that, the content of ICCPR met explicit support from the GA members and states that signed it.

However, this was not the case with the ICESCR. When it came to the preparation of the covenant, which would fix as binding the rights to work, strike, social security, an adequate standard for living, education, physical and mental health, and some others enlisted in the UDHR, the support from the international community was not so broad, there was even resistance. Economic and social rights were more acceptable to non-Western (Communist) states, whereas Western states generally recognised them for their citizens [20, p. 365]. Nevertheless, the main opposition to conferring the binding force to ESC was from Western governments, especially the United States.

The main reasons why we have a two-covenant system are an ideological confrontation between the Western and Communist states, the different approaches of the West (neoliberal economy) and the USSR (planned economy) to the realisation of ES rights in their societies, the influence of the global political economy and globalisation, and finally, a dispute that arose about the justiciability of ES rights. Several discourses are involved in a debate about the divisibility or indivisibility of human rights: the evolutionary, priority level, dependence on available resources, free-market economy, negative and positive rights, vague parameters, and states' experience.

Despite some disadvantages articulated in undermining the value of the UDHR, misunderstandings between human treaty bodies, and monitoring difficulties, adopting the formal separation of human rights was a compromise with some practical benefits: acceptance by the international community of all human rights as a binding; facilitating the development of customary international human rights law; providing establishment and productive activities of human rights treaty bodies; igniting further scrutiny about essence, the implementation problem and other disputes in human rights discourse.

Basic Provisions Materials and Methods

This work adopts a mainly doctrinal method of analysing the legal, ideological, and historical reasons for branching human rights in the ICCPR and the ICESCR. The primary data come from the main international legal acts, namely, the UDHR, ICCPR, and ICESCR, and their General Comments, as well as other international soft law, such as the Maastricht Guidelines and the Limburg Principles. Other sources of information are academic literature, comments, and case-law analyses at the national and international levels. Historical contextualisation helped frame how ideological and economic contingencies such as the Cold War and neoliberal globalisation conspired to create the divide.

Results

I. The emergence of the two-covenant system: some aspects

After adopting the UDHR, the objective was to incorporate the rights mentioned in the UDHR into an international treaty [46, p. 20]. During the Cold War, for Western states, CP rights were more important, while for socialist and developing states, ES rights were of primary concern [39, p. 49].

Nonetheless, the necessity of different treatment of CP and ES rights in terms of criticisms of their achievement and compulsion was understood by both developing and developed states [41, p. 134]. Moreover, it was acknowledged that the progressive achievement of ES rights would provide developing states some freedom in meeting their economic commitments. Still, there was also worry that developed states and international actors may use the same notion to warrant the provision of 'stilted or restricted (or no) assistance' to developing countries, thereby halting the realisation of ES rights protection in those states [41, pp. 153-154]. Nevertheless, eventually, a two-covenant system was adopted. There might be several reasons for this.

Firstly, if there was no support from communist countries could be that the ICESCR would not exist, and we would have only the ICCPR. Concerning the essence of human rights, there were two dominant ideologies – the Western and the Soviet's notion [18, p. 944]. For the Western states with a free-market economy, the primary importance was CP rights. However, the free social welfare system of the USSR, embodying many ES rights, resulted from its political ideology, state organisation [4, p. 414], and planned economy. For example, due to the ideology of communism, many ES rights, such as the right to education, shelter, healthcare, work, and leisure time contained in the ICESCR, were enlisted in the Soviet Constitution in 1936.

Thus, even though economic and social rights were never in the USSR 'meant to be granted,' the ICESCR was passed by the United Nations (UN) in 1966 with the backing of the USSR and Third World non-aligned movement [14]. Therefore, one of the reasons why we have a two-covenant system today is, among others, the result of ideological differences.

Secondly, there was dominance among the Western states of the conception of neoliberalism or a free-market economy. At the same time, the fact that the West did not support much in the 1960s the adoption of a legally binding treaty on some of ES rights does not mean that all the Western states did

not protect them in their legal systems. However, the doctrine of fulfilling ES rights in those states differs significantly from the USSR's experience [4, p. 414]. For example, the right to work and adequate living standards are conditioned on the forces of a free-market economy, which are based on private enterprise, non-interference of the state, and the support of the business. It is supposed that a well-working free-market economy would provide enough workplaces and material resources for all [4, p. 414] without interfering with the state.

Still, it was not for nothing that Western states in the 1960s feared the binding force of the ICESCR. According to the Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights (2000): "The obligation to protect includes the state's responsibility to ensure that private entities or individuals, including transnational corporations over which they exercise jurisdiction, do not deprive individuals of their economic, social and cultural rights. States *are responsible* for violations of economic, social and cultural rights that result from their failure to exercise due diligence in controlling the behaviour of such non-State actors (emphasis added)" [45]. Furthermore, non-state actors 'to the extent that they effectively discharge economic and social rights in substitution for the state they have been viewed by some courts as legitimate duty-holders and have thus accepted the justiciability of claims brought against them' [4, p. 432]. Thus, current international law puts more and more pressure on states to make non-state actors (including private entities) provide ES rights.

Thirdly, the economic-related side of globalisation also had a significant influence on ES rights. Globalisation prevents the development of economic and social rights in Western countries while hindering their springing in developing states [37]. Globalisation is inclined to change state's domestic politicians with an 'unaccountable', 'economic policy-elite' with no 'instinct' to advocate economic and social rights [40, p. 87]. As a result, the contest amongst states to gain foreign investments has sometimes led to stress on labour rights [13, p. 586], which may also affect other ES rights and may be why states prefer an *infirm* 'duty to protect' ES rights [7]. Moreover, within the post-World War II global political economy, economic and social rights were 'decisively rejected' by some states because these rights must be realised through taxation [28, p. 238]. Hence, ES rights fit far from ideal with some features of economic globalisation, which might affect the emergence of the two-covenant system.

Fourthly, the disputes about justiciability. From the beginning, even when the text of the UDHR was under elaboration, the content was raised about the extent of the justiciability of ES rights. In Eleanor Roosevelt's opinion, ES rights could not be justiciable on the same account as CP rights, but she consented to include them in the UDHR [33, p. 213]. Afterwards, during the design of the international treaty on human rights, Western states argued that only CP rights were justiciable and that the 'dichotomy' of the fundamental difference between two sets of rights should be reflected in two distinct treaties [27, p. 162]. For instance, Christian Tomuschat notes, 'the rationale behind the decision to split the body of human rights law into two pieces was the realisation that the enforcement system could not be the same' [46, p. 20]. In addition, ES rights may be: impractical; seriously unclear; if implemented, they might sometimes do more harm than good; 'impossible'; have uncertain or implausible theoretical justifications; having vague or unreasonable obligations; not universal human rights, rather desirable social goals or legal rights (in some societies) [20, p. 366].

Therefore, ideological clashes among global powers, the difference between the free-market economy and planned economy, the economic-related aspects of the international political economy and globalisation, and the disputes around justiciability may be the main reasons for the emergence of the two-covenant system.

II. Are human rights divisible or indivisible?

According to Article 22 of the UDHR: "Everyone, as a member of society, has the right to social security and is entitled to realisation, *through national effort* and international co-operation and in *accordance with the organisation and resources* of each state, of the economic, social and cultural rights indispensable for his dignity and the free development of his personality (emphasis added)."

Thus, by adding 'through national effort' and conditioning the realisation of ES rights to a state's resources, UDHR's authors might signal that ES rights are not the same as CP rights in terms of importance and achievable level of realisation. As Casla puts it, 'by creating two separate documents [ICCPR and

ICESCR], it was clear that the drafters wanted to introduce differences between these rights' [7]. In Joseph and Castan's opinion, 'despite the rhetoric of interdependence and indivisibility in the Covenants' preambles, there is no doubt that the ICCPR is the stronger of the two' [27, p. 162]. At the very least, the 'indivisibility of human rights is in dispute' [31, p. 74].

Are CP rights and ES rights different, or is the existence of two-covenant systems just the wish of politicians? The scrutiny revealed different discourses that may help to shape an answer: evolutionary, priority level, dependence on available resources, free-market economy, negative and positive rights, vague parameters, and states' experience.

Evolutional discourse

As it is known, there is an approach that CP rights are the 'first' generation of rights, and ES rights are the 'second' generation. According to Vasak's classification, first-generation rights were enacted due to the French Revolution (freedom), and second-generation rights' development started after the Russian Revolution of 1917 (equality). [42, p. 4].

First-generation rights can be considered a solidifying achievement of the culmination of efforts to protect humans from the threat of potential tyranny of the state machine, and second-generation rights can be considered protection from industrial capitalism [42, p. 12]. Considering the evolutionary approach, the very similar view is that human rights develop in a gradual evolutionary process: firstly, the appearance of civil rights as the protection from interference from the state; after, the emergence of political rights as a means of voting and shaping government; finally, the developing of ES rights as the 'insurance' against disease, infirmity and poverty [37, p. 29].

According to another opinion, the first generation of rights reflects the doctrine of a 'liberal' state, giving society freedom from interference and providing law and order. In contrast, the second generation urges the state to improve social justice [46, p. 21]. Thus, aforementioned historical aspects and an current struggle on the acknowledgement of so-called 'third-generation' rights support the evolutionary approach to the development of human rights.

However, as Alston notes, generational analysis cannot explain why the International Labour Organization (ILO) was established 19 years before the adoption of the UDHR (1948). For instance, by 1921, through ILO, several conventions had been adopted concerning industry work hours (No. 1 of 1919), unemployment (No. 2 of 1919), and the right of association in agriculture (No. 11 of 1921). Four years after the adoption of the UDHR, the ILO opened for signature The Social Security (Minimum Standards) Convention (1952), which protects against sickness, unemployment, old age, injury and disability [37, p. 24]. Only afterwards, the ICCPR and the ICESCR were adopted simultaneously in 1966 [2, p. 317].

Priority level discourse

There were 'significant differences between UN members on the relative importance' of CP rights versus ES rights [44, p. 25]. In the modern international human rights system, CP rights may possess 'undoubted predominance' over ES rights [27, p. 231]. For instance, although the UDHR contain both CP and ES rights, the attentive reader may notice that in the General Comments of the Committee on Economic, Social and Cultural Rights (CESCR) are more mentions about indivisibility and interdependence of all human rights than in the General Comments of Human Rights Committee (HRCtee). This may mean that the HRCtee does not need to emphasise the importance of CP rights, which may be evident for state parties, while the CESCR must constantly remind the state parties of the necessity of giving due attention to ES rights.

Another example of little attention to ES rights from states relates to the state's legislation. Usually, most of the severe sanctions of a state's criminal code include punishments for committing homicide, torture, and crimes against personal integrity – CP rights. Therefore, it is not surprising that there is 'little doubt' that the rights to life and prohibition of torture are more crucial than the rights to leisure and rest [5]. Additionally, the very existence of the jus cogens notion, which includes the forbidding of torture and cruel and inhuman treatment but includes no ES rights, is one more argument in favour of a belief that CP rights may have a higher level of priority for the international community, societies, and states than ES rights.

Interestingly it is that such formal separation may be why law enforcement institutions and the judiciary system have a 'lack of consciousness about ESC rights as rights' [48, p. 1242]. For example, due to 'generally low expectations of what was required,' the ICESCR may become a 'poor cousin' of the ICCPR as it happened in Australia [15, p. 192].

However, according to Amnesty International, all CP and ES rights are 'more or less fundamental'. Thus, they cannot be 'ranked in a hierarchy', as CP rights are 'meaningless' in a society where 'basic survival needs' are not provided [16]. The existence of human rights categories may correlate more to 'conceptual premises' than to real life. People can enjoy rights only if there is freedom from fear and freedom from want [5, p. 135]. For example, the CESCR often reiterates that the 'rights to adequate housing cannot be viewed in isolation from other human rights contained in the two International Covenants' [10] and '[the right to water] is a prerequisite for the realisation of other human rights' [12].

According to research carried out by Henry Shue, fundamental rights include some CP rights and some ES rights, such as the right not to be tortured, the right not to be assaulted, the right to food, the right to shelter, and the right to health care [43]. MacNaughton noted that economic inequality is closely connected with political inequality [32, pp. 289-290]. For example, despite the US having the official 'non-supportive' position during the elaboration and adoption of the set of ES rights, there was a good understanding of the importance of the interdependence of freedom and economic security by the 42nd US President. In his 1944 State of the Union Message, President Roosevelt stated: "We have come to a clear realisation of the fact that true individual freedom cannot exist without economic security and independence. 'Necessitous men are not freemen.' People who are hungry and out of a job are the stuff of which dictatorships are made" [3, p. 287].

In states' national legislations (for example, in criminal law) and in the *jus cogens*, greater attention is paid to CP rights than ES rights. However, the actions of international human rights agencies, human rights treaty bodies, some scholars, and even some politicians emphasise the equal importance of both categories of human rights.

Dependence on resources' availability

Both the UDHR and the ICESCR acknowledge the dependence of the ES rights on material resources. According to Article 2 of the ICESCR, each state party should use 'the maximum of its available resources' to provide the ES rights. According to the Office of the High Commissioner for Human Rights, ES rights sometimes require a *high level of financial and human investment* to fulfil their enjoyment [38]. At the same time, there is no mention of resources in provisions directly related to CP rights in the UDHR or the ICCPR.

The lack of available resources may be an *excuse* for the state's failure even in ensuring minimum core obligations related to ES rights if the state could demonstrate that it made 'every effort [] to use all resources that are at its disposition' [9]. In Limburg Principles, in para 70, the requirement bar of minimum core obligations was interpreted as a 'generally accepted international minimum standard', which the state should meet if it is 'within its powers to meet' [29].

Similarly, according to Para 41 of the General Comment 15 (The Rights to Water) and Para 17 of the General Comment 12 (The Rights to Adequate Food) of the CESCR, the answer to the question of whether the state complies with its obligations depends on not *de facto* ensuring the rights for water or food, but if the state made all possible actions trying to achieve it. Thus, the responsibilities of the state are 'directly tied to available resources' [24, p. 269].

As Freeman explains, a right may exist if there is a possibility of achieving the particular state of affairs that the right implies. Securing CP rights for states is possible, but many states are too poor to realise ES rights for all their people. Somalia is not comparable to Sweden [19, p. 79]. Thus, resource issues are often used as an excuse for 'inaction or retreat' on ES rights [17, p. 200].

In contrast, no excuses are accepted for failing to guarantee the CP rights. For example, the HRCtee 'has not generally accepted economic relativist' excuses [27, p. 237]. In Para 4 of the General Comment 21 (Humane Treatment of Persons Deprived of Their Liberty), the HRCtee has declared that the treatment of detainees concerning their human dignity 'cannot be dependent on the material resources available in the State party' [27, p. 238].

Nevertheless, ensuring CP rights may also demand material expenses. For instance, protecting people from harm by others or carrying out elections are ‘quite costly’ activities for states [34, p. 8]. To be ensured, civil rights presuppose the efficient existence of state organs, such as police and courts, which means significant budgetary spending. Both categories of rights require the state to engage in varying degrees of activity and resources [33, p. 242].

Free-market economy

Most current states have adopted a free-market economy concept, which limits the state’s role in market regulation. This results in a free market where inequality of outcome is normal. Moreover, it is ‘an essential driver of ambition and reward for success’ [24, p. 277].

In contrast, the ICESCR requires everyone to have an adequate standard of living and the highest attainable health and education using the maximum available resources. Thus, we can see some conflict between some ICESCR requirements and the pillars of the free-market economy concept.

Furthermore, the situation gets more complicated by financial globalisation, which also influences human rights. As the CESCR in General Comment 2 notes, ‘the debt burden and of relevant adjustment measures’ has an ‘adverse impact’ on ensuring ES rights in many countries [8].

However, debt burden and adjustment measures are one of the results not only of globalisation but also of the existing neoliberal global economic order. Even international financial organisations, whose main aim is to provide economic development and equality, cannot ignore the principles of a free market. For example, the International Monetary Fund’s (IMF) economic ‘reform’ packages for populous Asian countries use devaluation and mass unemployment as principal instruments. The World Trade Organization’s (WTO) mandate and sanctions (if used) have ‘considerable [negative] actual and potential impacts’ on health, environment and employment [17, p. 198]. Therefore, it is not surprising that the ILO notes that ‘far from promoting equal enjoyment of rights, neoliberal globalisation has been associated with growing inequality between and within nations’ [1].

As it is known, a free-market economy concept means the business is ‘free’ from state interference in promoting its self-interest (making money as much as possible) through a competitive process. According to the principles of a free-market economy concept, a state cannot directly interfere with market functioning. For instance, it cannot adopt compulsory legislation for private medical entities to provide essential medical services for all people.

In contrast, in a state with a socialist (planned) economy, it is much easier to make entities provide free services for all, as (1) in socialist states, there are no private companies, only state-controlled; (2) the material resources in socialist society are distributed only by the state. Therefore, it is much easier for the centrally planned communist states to promise to provide ES rights for the entire population. At the same time, the reality of a free-market economy makes it difficult for Western states to make private entities offer free services or interfere with free-market functioning.

Negative and positive rights

Another possible difference between human rights is the view that CP rights are negative and ES rights are positive rights [44, p. 25]. The point is that negative obligations (CP rights) mainly require only ‘entrenchment in the legal order’ of states, and they are enforceable and justifiable before the judiciary system [4, p. 413] as they mostly need from the state simply to non-interfere to the process of realisation. In contrast, many ES rights demand definite steps to fulfil them, which was also emphasised several times in the text of the ICESCR.

However, both categories of rights may require, obviously, non-interference or active actions. For instance, even property rights, which are classically considered as negative civil rights, need not only non-interference of a state but also state actions in legislative, judicial and administrative fora to provide protective measures; the right to shelter requires a negative obligation from the state not to demolish someone’s house and under some circumstances, also means a positive obligation to ensure the right to housing [31, p. 69]. Moreover, in General Comment 31 (The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant), HRCtee notes that besides CP rights, Article 26 (right to be protected from discrimination) of ICCPR is applied to the right to work and housing [26].

Consequently, asserting that CP rights are purely negative and ES rights enlist only positive rights would be false. All human rights imply specific actions to be carried out by a state and its organs. It is impossible to ensure the protection of life by doing nothing or providing the right to water polluting the water sources.

Vague parameters

One reason that sows doubt about the indivisibility of human rights is that some ES rights, unlike CP rights, sometimes may be characterised by vagueness. In other words, they may not be practically 'convenient' as aims for realisation.

Explaining the resistance of the US to include economic and social rights to the Covenant, Eleanor Roosevelt stated that such rights were 'impractical and unachievable', 'specifying the nature of such rights was impossible', and that 'procedures used for receiving petitions' on CP rights could not be used for ES rights [28, p. 230]. Later, the Reagan and Bush administrations also believed that ES rights were not real rights but desirable social goals [16].

ES rights have been claimed to be more policy-oriented and set of 'aspirational goals, rather than immutable minimum standards' [41, p. 134]. The vagueness of parameters and, as a result, "lack of interpretation of States' obligations" are the main reasons the ICESCR guarantees remained 'normatively and jurisprudentially underdeveloped' compared to the contemporary CP rights [27, p. 162].

Furthermore, notwithstanding that both covenants possess binding force, assessing states' compliance with their obligations is not an easy task. Under the ICCPR, states should take immediate measures to fulfil their obligations. But, as it is known, the ICESCR obligations depend on the state's resources and generally envisage states making 'progressive steps' to fulfil their commitments, making it 'difficult to assess' the state's compliance [7]. The 'relative softness' of the requirements of the ICESCR expressed in the conditioning of the state parties' responsibility on the availability of resources and 'permission' of the ICESCR to fulfil ES rights in a 'progressive' manner – might be a reason for international and national 'nihilism' and underestimation in the relation of ES rights.

In contrast, there are no compromises in the case with the provisions of the ICCPR – each state party took an obligation without any concessions (except derogations) to fulfil CP rights. The commitments to the requirements of the ICCPR 'significantly improved' the states' respect for the freedoms of assembly, speech, association, and religion [30, p. 469]. In the case of the developing states, such improvements may relate to the fact that they 'have freely consented' to fulfil their obligation under Article 2(1) of the ICCPR *immediately*, not waiting for the 'satisfactory development condition' [27, p. 233] or availability of resources.

Therefore, claiming that all ES rights possess the same practicality and clearness of requirement as CP rights may be hard. For example, it is generally straightforward for everyone what to do to not cause physical harm to others. At the same time, if we compare the level of minimum wages to living with dignity in different countries, we may observe different results.

States' experience

Despite the 'overwhelming majority of human rights abuses in the world are violations' of ES rights [21, p. 256], the states' experience concerning the protection and enforcement of ES rights is ambiguous. The history of the European states' experience of human rights protection is somehow similar to the two-covenant system history. For example, the European Convention on Human Rights (1950) was mainly dedicated to CP rights. It was accompanied by a 'relatively resourceful' European Court of Human Rights. The European Social Charter (1961) was adopted more than ten years later and controlled by the 'much weaker' European Committee of Social Rights [7].

At the domestic level, for example, the Human Rights Act 1998 of the United Kingdom provides judges with opportunities to use the European Convention on Human Rights. Still, the United Kingdom does not have the means to apply the European Social Charter or the ICESCR, even though it ratified both treaties [7].

In *Government of the Republic of South Africa v. Grootboom*, the Constitutional Court of South Africa declined to approve a minimum core standard for the right to adequate housing. The Court justified this

by saying that different people have different needs. Instead, the Court evaluated ‘whether the measures taken by the state’ to provide rights to adequate housing ‘are reasonable’ [23].

As the result of scrutinising the practice of national high courts of Canada, New Zealand and Israel, Hirschl adds together: “In sum, judicial interpretations of constitutional rights appear to possess a *very limited capacity* to advance progressive notions of social justice in areas such as employment, health, housing, and education, which require greater state intervention and more public expenditure. However, as far as ‘negative’ rights are concerned – especially those rights associated with the protection of privacy and personal autonomy, formal equality, economic activity, movement and property, all of which require that the state refrain from interfering in the private human and economic spheres – judicial interpretation of rights is inclined to be *much more generous*, and thus has the potential to plant the seed (emphasis added)” [25, p. 1098].

Moreover, a two-covenant system may cause misunderstandings even between human rights treaty bodies. For example, as the CESCR has interpreted, Article 11 of the ICESCR allows the lawful eviction from a house if the state party ensures the individual’s right to adequate housing. However, HRCtee holds an opinion that the right to adequate housing under Article 11 of the ICESCR ‘was similar to the prohibition of arbitrary interference with the home’ in Article 17 of the ICCPR and coupled with moments mentioned in CESCR General Comment 7 (The right to adequate housing (Art.11.1)) and stated that ‘the threatened eviction should be condemned as arbitrary’ [36, p. 44].

However, for courts, sometimes it is ‘reasonably common’ to find a law violation in social programs [48, p. 1217]. For example, in the *Brown v. Board of Education* case, the US Supreme Court decided that ‘separate educational facilities are inherently unequal’ [6]. In the *Minister of Health v. Treatment Action Campaign*, the Constitutional Court of South Africa ordered the government to prolong Nevirapine treatment for the prevention of mother-to-child transfer of HIV, spread such practice to the entire population, and implement a unique plan for it [35].

Thus, it can be claimed that in countries where ES rights are implemented into national constitutions, the judiciary system cultivated a considerable amount of case law confirming that ES rights are justiciable [4, p. 430]. Also, there is an opinion that nowadays, ‘enforcement of ES rights’ in Western Europe’s courts is common [48, p. 1217].

Furthermore, ombudsmen are also widening their mandates to inquire and use political pressure in cases of violations of ES rights [48, p. 1213]; the Convention on the Rights of Persons with Disabilities and the Convention on the Rights of the Child integrated *all* human rights [38]. Moreover, in 2008, the UN General Assembly adopted the Optional Protocol to the ICESCR, which allowed the CESCR to consider individual complaints. Nowadays, it has been signed by 46 states and ratified by 29 [47].

Discussion and Conclusion

The decision to divide human rights formally into two separate covenants – the ICCPR and the ICESCR – created continuous debates over the divisibility versus indivisibility of human rights. While the UDHR established a coherent stance regarding human rights, this division reflected far deeper ideological and economical differences in international community.

One of the key drivers of the two-covenant structure is the conceptual cleavage between the West and the Soviet bloc during the Cold War. Whereas Western states focused on CP rights as cornerstones of individual freedom and democracy, socialist countries, particularly the USSR, emphasised ES rights, which were crucial for social equality and collective welfare. The Soviet Union’s commitment to ES rights was also entwined with political and economic structures wherein state command over resources made the realisation of rights to education, health, and shelter more readily achievable. On the other hand, the Western states in free-market economic systems were more cautious regarding codifying such rights as legally binding, given concerns about the extent to which state intervention and resource distribution would be affected.

The justiciability of ES rights has remained a very debated topic. Whereas CP rights, for example, the right to life or freedom of speech, are considered self-executing and, therefore, more easily justiciable, ES rights have long been viewed as mere aspirations dependent upon the availability of state resources. It can be claimed that the vagueness as to the content of the parameters in ES rights, together with progressive

realisation, has led to more defective measurement mechanisms for those rights. This is partly because the ICESCR allows obligations to be undertaken progressively compared to the ICCPR, which imposes obligations to be applied immediately. However, as the international human rights discourse continues to mature, the sense that the two sets are interrelated has grown. For example, the right to education belongs to ES rights while, at the same time, it is a pre-requisite for the effective exercising of the right to political participation, a CP right.

Globalisation and the international political economy have also been major factors in the practical implementation of ES rights. With minimal state intervention in the market, the neoliberal global order has often militated against efforts to realise ES rights, mainly in developing countries. The IMF and the World Bank have put forward such policies as structural adjustment programs, which often have resulted in cuts in social welfare programs and, therefore, weaken states to meet their economic and social obligations. Furthermore, on the global level of competition for investment and suppression of labour rights shows the tension between economic globalisation and the realisation of ES rights.

However, even while considering the drawbacks of the formal division of human rights into two covenants, bifurcation has, on the whole, proved beneficial in a few ways. For one thing, elaborating two binding international human rights treaties helped codify human rights into international law, giving states a clear framework of responsibilities. This has also facilitated the creation of special human rights treaty bodies, such as the HRCtee and the CESCR, which have acted as pacing mechanisms in ensuring compliance and giving significant boosts to the normative development of human rights. It has also raised greater awareness and generated more debate on what constitutes the scope and definition of human rights.

Yet, the two-covenant system is not without its problems. The practical difficulties in ensuring compliance with ES rights are enormous, as, *inter alia*, is the less significant political will to enforce these rights. In most legal systems, strong partiality towards CP rights over ES rights reflects the ongoing disequilibrium in the balance between these two rights. However, the development of international and national human rights jurisprudence points to a likely direction toward an integrative turn in human rights protection.

Finally, it is hard to predict if, in 1966, one binding covenant containing both CP and ES rights would be adopted or, due to disagreements, no binding covenant protecting ES rights would be adopted at all. If it were a single covenant, then for many developing states, it would be almost impossible to fulfil its requirement concerning some of ES rights immediately, leading to increasing breaches of the covenant by such state parties, thereby undermining the value of the covenant itself, and the provisions related to CP rights as well. Alternatively, if we did not have a binding treaty on human rights, it would not be the best scenario for promoting international human rights, including ES rights.

Ж.Р. Темірбеков, PhD in Jurisprudence, LL.M. in International Law, Teaching professor (Қазақстан Республикасы, Астана қ.): Халықаралық адам құқықтары: бөлінетін бе, әлде бөлінбейтін бе?

Зерттеудің өзектілігі халықаралық адам құқықтары құқығында екі бөлек құжаттың: Азаматтық және саяси құқықтар туралы халықаралық пактінің және Экономикалық, әлеуметтік және мәдени құқықтар туралы халықаралық пактінің бар екендігіне қатысты жалғасып жатқан пікірталастардан туындайды. Мақаланың пәні – халықаралық адам құқықтарының бөлінетіндігі немесе бөлінбейтіндігі туралы мәселе. Зерттеудің мақсаты бөлек екі пакт құрудың себептерін және халықаралық адам құқықтарының бөлінетін немесе бөлінбейтіндігін талдау болып табылады. Сонымен қатар, зерттеу екі пакт жүйесінің қалыптасуы үкімет тәжірибесіне және адам құқықтарына қатысты халықаралық міндеттемелерге қалай әсер еткенін зерделеуге бағытталған. Зерттеудің жаңалығы – екі пакт жүйесінің қалыптасуының себептеріне, негіздемесіне және кейбір практикалық салдарларына жаңа көзқарас. Мақала адам құқықтары саласындағы мен жаһанданумен байланысты қазіргі заманға мәселелер тұрғысынан азаматтық және саяси құқықтар мен экономикалық және әлеуметтік құқықтардың арақатынасын түсінуге үлесін қосады.

Қысқаша тұжырымдар: 1) Халықаралық адам құқықтарының екі пактқа бөлінуі негізінен идеологиялық және экономикалық факторларға байланысты. 2) Барлық адам құқықтарының теориялық бірлігіне қарамастан, экономикалық және әлеуметтік құқықтармен салыстырғанда азаматтық

және саяси құқықтардың маңыздылығы халықаралық құқық пен мемлекеттік тәжірибеде қалай қарастырылатындығында айырмашылықтар бар. 3) Адам құқықтарын қорғау саласындағы қазіргі халықаралық және ұлттық сот тәжірибесінде құқықтардың бөлінбейтіндігін мойындау тенденциясының белгілерін байқауға болады.

Түйін сөздер: адам құқықтары, АСҚХП, ЭӘМҚХП, қырғи-қабақ соғыс, азаматтық және саяси құқықтар, экономикалық және әлеуметтік құқықтар, нарықтық экономика, құқықтардың бөлінбейтіндігі.

Ж.Р. Темирбеков, PhD in Jurisprudence, LL.M. in International Law, Teaching professor (Республика Казахстан, г. Астана): Международные права человека: делимые или неделимые?

Актуальность исследования вытекает из сохраняющихся споров вокруг обоснованности существования двух отдельных пактов в международном праве прав человека: Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) и Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП). *Предметом* статьи является вопрос о делимости или неделимости международных прав человека. *Целью* исследования является анализ причин создания раздельных двух пактов и того, являются ли международные права человека делимыми или неделимыми. Кроме того, исследование направлено на то, чтобы изучить как формирование системы двух пактов повлияло на государственную практику и международные обязательства в области прав человека. *Новизна* исследования заключается в том, чтобы по-новому взглянуть на причины, обоснование и некоторые практические последствия существования системы двух пактов. Статья вносит вклад в понимание взаимосвязи между гражданскими и политическими правами и экономическими и социальными правами в свете современных проблем в сфере прав человека и глобализации.

Краткие выводы: 1) Разделение международных прав человека на два пакта во многом было обусловлено идеологическими и экономическими факторами. 2) Несмотря на теоретическое единство всех прав человека, все еще существуют различия в том, как международное право и государственная практика трактует важность гражданских и политических права по сравнению с экономическими и социальными правами. 3) Современная международная и национальная судебная практика в области защиты прав человека имеет признаки тенденции к признанию неделимости прав.

Ключевые слова: права человека, МПГПП, МПЭСКП, Холодная война, гражданские и политические права, экономические и социальные права, экономика свободного рынка, неделимость прав.

References:

1. A Fair Globalisation: Creating Opportunities for All: International Labour Office, 2004.
2. Alston P. A Third Generation of Solidarity Rights: Progressive Development or Obfuscation of International Human Rights Law? NLR. 1982. № 03. Pp. 307–322.
3. Alston P. U.S. Ratification of the Covenant on Economic, Social and Cultural Rights: The Need for an Entirely New Strategy The American journal of international law. 1990. № 2. Pp. 365–393.
4. Bantekas I., Oette L. International human rights law and practice. Cambridge, 2020. Third edition. 941 p.
5. Boven T. Categories of rights International Human Rights Law / ed. D. Moeckli and others: Oxford University Press, 2017. 3rd ed. Pp. 135–147.
6. Brown v. Board of Education. 1954. US Supreme Court, Rep. Vol. 347.
7. Casla K. After 50 years, it's time to close the gap between different human rights [Electronic resource]. URL: <http://theconversation.com/after-50-years-its-time-to-close-the-gap-between-different-human-rights-70239> (accessed: 06.11.2022).
8. CESCR, General Comment No. 2 (International technical assistance measures (Art. 22)), 1990.
9. CESCR, General Comment No. 3 (The Nature of States Parties' Obligations (Art. 2)), 1990.
10. CESCR, General Comment No. 4 (The Right to Adequate Housing (Art. 11 (1))), 1991.
12. CESCR, General Comment No. 15 (The Right to Water (Arts. 11 and 12)), 2003.
13. Clapham A. Non-State Actors // International Human Rights Law / ed. D. Moeckli and others. Oxford, 2022. 4th ed. Pp. 583–604.

14. Cowin A. J. Human Rights Treaty Poses Dangers for America [Electronic resource]. URL: <https://www.heritage.org/civil-rights/report/human-rights-treaty-poses-dangers-america> (accessed: 20.09.2024).
15. Devereux A. Australia's Journey to Ratification of the ICESCR and ICCPR The Australian Year Book of International Law Online. 2019. № 1. Pp. 163–193.
16. Economic, Social and Cultural Rights: Questions and Answers: Amnesty International, 2008.
17. Foster J. W. Meeting the Challenges: Reviewing the Progress of Economic and Social Rights University of New Brunswick Law Journal. 1998. Pp. 197–206.
18. Freedman R. «Third Generation» Rights: Is There Room for Hybrid Constructs within International Human Rights Law? Cambridge Journal of International and Comparative Law. 2013a. № 4. Pp. 935–959.
19. Freedman R. The United Nations Human Rights Council: a critique and early assessment. London: Routledge, 2013. 330 p.
20. Freeman M. Conclusion: Reflections on the Theory and Practice of Economic and Social Rights The State of Economic and Social Human Rights: A Global Overview / ed. L. Minkler. NY, 2013.
21. Gibney M. Establishing a Social and International Order for the Realization of Human Rights The State of Economic and Social Human Rights: A Global Overview / ed. L. Minkler. NY, 2013.
22. Glendon M. A. A world made new: Eleanor Roosevelt and the Universal Declaration of Human Rights. New York: Random House, 2001. 1st ed. 333 p.
23. Government of the Republic of South Africa v. Grootboom. 2001. Constitutional Court of South Africa. CCT 11/00.
24. Harvey C., Rooney E. Integrating human rights? Socio-economic rights and budget analysis European human rights law review. 2010. № 3. Pp. 266–279.
25. Hirschl R. «Negative» Rights vs. «Positive» Entitlements: A Comparative Study of Judicial Interpretations of Rights in an Emerging Neo-Liberal Economic Order Human rights quarterly. 2000. № 4. Pp. 1060–1098.
26. HRC, General Comment No. 31 (The Nature of the General Legal Obligation Imposed on States Parties to the Covenant), 2004.
27. Joseph S., Castan M. The International Covenant on Civil and Political Rights: cases, materials, and commentary. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2013. Third edition. 989 p.
28. Kirkup A., Evans T. The Myth of Western Opposition to Economic, Social, and Cultural Rights? A Reply to Whelan and Donnelly Human rights quarterly. 2009. № 1. Pp. 221–238.
29. The Limburg Principles on the Implementation of the International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights. 1987.
30. Lupu Y. Best Evidence: The Role of Information in Domestic Judicial Enforcement of International Human Rights Agreements International Organization. 2013. № 3. Pp. 469–503.
31. Macklem P. Human rights in international law: three generations or one? London review of international law. 2015. № 1. Pp. 61–92.
32. MacNaughton G. Beyond a Minimum Threshold: The Right to Social Equality The State of Economic and Social Human Rights: A Global Overview / ed. L. Minkler. NY, 2013.
33. Marks S. P. The Past and Future of the Separation of Human Rights into Categories Maryland Journal of International Law. 2009. № 24. Pp. 209–243.
34. Minkler L. The State of Economic and Social Human Rights: A Global Overview. NY, 2013.
35. Minister of Health v. Treatment Action Campaign. 2002. Constitutional Court of South Africa. CCT9/02.
36. Neuman G. L. Giving Meaning and Effect to Human Rights: The Contributions of Human Rights Committee Members // The Human Rights Covenants at 50: Their Past, Present, and Future / ed. D. Moeckli, H. Keller, C. Heri. Oxford: Oxford University Press, 2018. Pp. 31–47.
37. Newdick C. Global capitalism and the crisis of the public interest – sleepwalking into disaster Research Handbook on Disasters and International Law / ed. S. Breau, K. Samuel: Edward Elgar Publishing, 2016. Pp. 23–45.

38. OHCHR | Key concepts on ESCRs – Are economic, social and cultural rights fundamentally different from civil and political rights? [Electronic resource]. URL: <https://www.ohchr.org/en/human-rights/economic-social-cultural-rights/escr-vs-civil-political-rights> (accessed: 20.09.2024).

39. Quane H. A further dimension to the interdependence and indivisibility of human rights? Recent developments concerning the rights of indigenous peoples Harvard human rights journal. 2012. № 25. P. 49.

40. Rodrik D. The globalization paradox: why global markets, states, and democracy can't coexist. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 346 p.

41. Saul B., Kinley D., Mowbray J. The international covenant on economic, social and cultural rights: commentary, cases, and materials. Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2014. First edition. 1292 p.

42. Sharp D. N. Re-Appraising the Significance of «Third-Generation» Rights in a Globalized World SSRN Journal. 2015. Pp. 1–20.

43. Shue H. Basic rights: subsistence, affluence, and U.S. foreign policy. Princeton Chichester: Princeton University Press, 1996. 2nd ed. 236 p.

44. Sieghart P. The international law of human rights. Oxford; New York: Clarendon Press, 1983. 569 p.

45. The Maastricht Guidelines on Violations of Economic, Social and Cultural Rights, 2000.

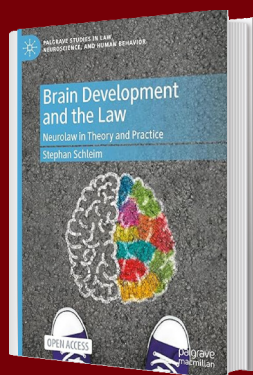
46. Tomuschat C. Human Rights: Tensions Between Negative and Positive Duties of States Austrian Review of International and European Law. № 14. Pp. 19–26.

47. United Nations Treaty Collection [Electronic resource]. URL: https://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=IND&mtdsg_no=IV-3-a&chapter=4&clang=_en (accessed: 20.09.2024).

48. Yamin A. E. The Future in the Mirror: Incorporating Strategies for the Defense and Promotion of Economic, Social, and Cultural Rights into the Mainstream Human Rights Agenda // Human rights quarterly. 2005. № 4. Pp. 1200–1244.

Для цитирования и библиографии: Temirbekov Zh. International Human Rights: Divisible or Indivisible? // Право и государство. № 4(105), 2024. – С. 23-34. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_23

Материал поступил в редакцию 7.10.2024.

НОВЫЕ КНИГИ

Brain Development and the Law: Neurolaw in Theory and Practice. By Stephan Schlem. Publisher Palgrave Macmillan, 2024. – 176 p.

SBN-13 978-3031723612

This open access book is the first to offer a systematic overview of the different methods for assessing brain development and a comparative review of how such assessments have already influenced the law. Lawmakers prefer to draw clear distinctions, but biology is characterized by continua: both in terms of how development proceeds within a person and how it differs from other people. However, this does not mean that age limits are arbitrary. This book extends the author's previous research on the Dutch juvenile criminal law, which was founded on the brain development of adolescents and has been in use for more than a decade. The role of age limits in death and life sentences in the US and the new cannabis legislation in Germany are also analyzed in depth. This project combines biological, psychological and social knowledge and puts forward a pragmatic proposal to connect the two fields of brain development and law. It will be of interest to researchers, professionals (e.g. judges, legislators) and students alike.

БҰҰ БІТІМГЕРШІЛІК МИССИЯЛАРЫНДА ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҚАРУЛЫ КҮШТЕР КОНТИНГЕНТІН ҚОЛДАНУДЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

А.Т. ҚАЛИЛА,
LLB, ҚР Қарулы күштерінің
лейтенанты «Қазақстан
Республикасы Қорғаныс
Министірінің Заң
департаментінің заңгері»
(Астана қ., Қазақстан Республикасы).
e-mail: kalila_a@kazguu.com

Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің Біріккен Ұлттар Ұйымы бітімгершілік миссияларына қатысуы, еліміздің бейбітшілікпен қауіпсіздікті сақтауға және ұлттық мүдделерді қорғауға бағытталған, сыртқы саясатының маңызды құрамдас бөлігі болып табылады. Бұл қызмет халықаралық міндеттемелерді орындау, еліміздің әскери-саяси ұстанымдары мен жаһандық аренадағы жалпы беделін нығайту тұрғысында маңыздылығы орасан зор. Бұл мақалада бітімгершілік қызмет көрсету барысында, біздің контингенттің құқықтық статусы, әлеуметтік және құқықтық жағдайын жақсарту мақсатында Қазақстан Республикасы бітімгершілік қызметін реттейтін нормативтік құқықтық актілердің кейбір баптарына өзгерістер енгізу туралы ұсыныс талқыланады.

Зерттеу пәні – Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің бітімгершілік іс-шараларға қатысуы.

Зерттеудің мақсаты – Біріккен Ұлттар Ұйымының бітімгершілік қызметін және Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерін бітімгершілік қызметте пайдалану тәжірибесін зерделеу негізінде құқықтық даулы мәселелерді анықтау және оны жақсарту жолдарын ұсыну.

Түйінді сөздер: Қазақстан Республикасы Қарулы Күштері, бітімгершілік миссиялар, Біріккен Ұлттар Ұйымы, бітімгершілік контингентті қолданудың құқықтық аспектілері.

Кіріспе

Қазіргі әлемде мемлекеттердің қарулы күштерінің Біріккен Ұлттар Ұйымының бітімгершілік миссияларына қатысу мәселелері жаһандық қауіпсіздік пен халықаралық қатынастар контекстінде ерекше орын алады. Қазақстан Республикасы әлемдік қоғамдастықтың белсенді қатысушысы ретінде қауіпсіздікпен конфликтілерді дипломатиялық жолмен шешуді әрдайым қолдауда. Бірақ қазіргі кездегі өзінің әскери контингентін тиімді басқару қажеттілігіне тап болып отыр. Бұл мақалада Қазақстан Республикасы Қарулы Күштері контингентін БҰҰ бітімгершілік миссияларында пайдаланудың құқықтық аспектілерін қарастырамыз, осы операцияларға қазақстандық әскери күштердің қатысуын реттейтін негізгі нормативтік құқықтық актілерді талдаймыз.

1993 жылы 11 ақпанда Қазақстан Республикасының бірінші Әскери доктринасы қабылданды, [1] соған сәйкес «Қазақстан Республикасы өзінің халықаралық қызметінің негізгі мақсатын дүниежүзілік қоғамдастықтың кез келген бітімгершілік іс-қимылына жәрдемдесу және қазіргі кездегі соғыстың алдын алу саласындағы келесі өзекті міндеттерді қарастырады:

– жер бетіндегі қарулану тоқтату және оның ғарышта таралуына жол бермеу, нақты қарусыздануға көшу;

– ядролық қаруды жасауды, өндіруді және жетілдіруді тоқтатудың, оны бірте-бірте қысқартудың, келешекте оларды толық жоюдың басымды шарасы ретінде ядролық сынақтарға жалпы тыйым салу;

– барлық мүдделі мемлекеттермен әскери келісім-шарттарды әзірлеу, құрлықта, теңізде және әуеде әскерлердің әрекеті кезінде жанжалды жағдайларды болдырмау туралы келісімдер жасау;

– барлық мемлекеттердің әскери күш қолданудан немесе қолданамын деп қорқытудан өзара бас тартуы және бейбіт қатынастарды сақтау бойынша міндеттемелерді қабылдау;

– әскери-саяси одақтарды халықаралық қауіпсіздіктің ұжымдық және жан-жақты жүйесінің жаңа құрылымдарына айналдыру».

Сол кезде Қазақстан Республикасының саясаткерлері 1993 жылы әлемде болып жатқан оң өзгерістерді ескере отырып, жалпы алғанда, жаһандық ядролық және кәдімгі соғыстың тікелей қауіпі айтарлықтай төмендеді деп есептеді. Сонымен қатар, аумақтық, экономикалық, діни, этникалық және басқа да қайшылықтар болған кезде қарулы қақтығыстар қауіпі сақталады, олар шиеленісу кезінде ауқымды соғыстарға ұласуы мүмкін. Сол үшін бұндай қауіп бар кезде міндетті түрде қарулы күштер, және қақтығыстың алдын алатын бітімгершілік контингент болуы керек.

Алайда, мұндай жағдайларда Қазақстан басшылығы барлығын бейбіт жолмен, Қарулы Күштерді қолданбай шешуді көздейді. Қазақстан Республикасының 1993 жылғы Әскери доктринасында Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерді мына мақсаттарда пайдалану құқығын өзіне қалдырады деп нақты көрсетілген.

– өз мемлекеті мен халқына қарсы агрессияны тойтару;

– міндеттемелер бойынша басқа мемлекеттермен екі жақты немесе көпжақты келісімдер шеңберінде бірлескен қорғаныс;

– БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің және ТМД Мемлекет басшылары кеңесінің шешімдеріне сәйкес бітімгершілік операцияларды жүргізу.

Осылайша, бірінші Әскери доктрина Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің бітімгершілік қызметке қатысуының негізін қалады.

Негізгі бөлім

Қазақстан Республикасының қарулы күштерінің бітімгершілік миссиялары ерте басталды. Тәжік-Ауған шекарасындағы әскери операциялар Тәжікстан Республикасы тәуелсіздік алған кезден басталды. Тәжікстандағы 1992-1997 жылдар аралығындағы қақтығыс көбінесе руаралық деп аталады. [2] Алайда оның пайда болуына халықтың рулық дүниетанымы мен діндарлығының жоғары дәрежесі ғана емес, сонымен қатар Тәжікстан, КСРО-ның экономикалық жағдайы төмен, соңғы қатардағы шикізатты мемлекет ретінде есептелді. КСРО ыдырағаннан кейін посткеңестік алаңда, оның ішінде әсіресе Тәжікстанда билік үшін аяусыз күрес басталды. Бұрынғы коммунистік элита мен ұлттық демократиялық және исламдық күштер арасындағы текетірес саяси саладан этникалық-кандық күреске көшті.

1992 жылғы 9 қазандағы ТМД Келісіміне және 1993 жылғы 22 қаңтардағы ТМД Шешіміне сәйкес Қазақстан құрама батальоны Таулы Бадахшанда орналасып, Тәжікстан-Ауғанстан шекарасын қорғау бойынша жауынгерлік тапсырманы орындады. Тәжікстандағы азаматтық соғыстың басталуы. Қазақ батальонымен бірге орыс, өзбек, қырғыз бөлімшелері көршілес аудандарда осындай тапсырмаларды орындады. Бастапқыда, 1992 жылдың күзінде Тәжікстанға Қапшағай қаласында (қазіргі Қонаев) орналасқан 35-ші жеке гвардиялық десанттық бригаданың 300 десантшысынан құралған бір жеке десанттық батальон техникасыз жіберілді. 1993 жылдың көктемінен бастап Қазақстан Республикасы Жоғарғы Кеңесінің 1993 жылғы 15 сәуірдегі қаулысы және Қазақстан Республикасы Министрлер Кабинетінің 1993 жылғы 30 сәуірдегі № 335 қаулысы негізінде жеке Құрама атқыштар батальоны құрылды. Тәжікстандағы қазақстандық әскери қызметшілердің жауынгерлік міндеті алдымен Хорог қаласындағы, одан кейін Қалай-Хумб ауылындағы Ресей шекара отрядтарының бақылау-өткізу бекеттері мен заставаларын нығайту болды.

Барлығы 1993 жылдың қыркүйегінен 2001 жылдың ақпанына дейін Тәжікстандағы жағдайды тұрақтандыру операциясына Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің 10300 әскери қызметкері қатысты. [3] Шын мәнінде бұл еліміздің аумағынан тыс жерде орындалған, Қазақстан Республикасы Қарулы Күштерінің табысты, бірінші жауынгерлік және бітімгершілік тапсырмасы болды.

Біріккен Ұлттар Ұйымындағы бірінші бітімгершілік миссиялары

Ал Біріккен Ұлттар Ұйымының атынан бірінші бітімгершілік миссия 2003 жылы Иракта басталды. 2003 жылы 22 мамырда БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесі Ирак халқына елді қалпына келтіруде көмек көрсетуге шақыратын қаулы қабылдады. Қазақстан Республикасының Үкіметі халықаралық бейбітшілік пен қауіпсіздікті қамтамасыз ету жөніндегі халықаралық міндеттемелеріне сәйкес БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің үндеуіне жауап беріп, Ирак халқына көмек көрсету үшін гуманитарлық бөлімше жіберу туралы шешім қабылдады. Қазақстан Республикасы Парламентінің 2003 жылғы 30 мамырдағы № 134-ІІ қаулысына сәйкес «ҚАЗБАТ» қазақстандық бітімгершілік батальоны Ирактағы тұрақтандыру күштерінің бітімгершілік іс-шараларына қатысу үшін жіберілді. Қазақстандық контингенттің негізгі міндеттері:

- Жергілікті халыққа гуманитарлық көмек көрсету;
 - Далалық сумен қамтамасыз ету пункттерінің жабдықтау;
 - Суды тазарту және жергілікті халыққа медициналық көмек көрсету;
- Операцияға қатысу нәтижелесінде 7 мың текше метрге жуық су тазартылды;
Орнатылған: Дельта базасының айналасындағы 4,5 км жарылыс кедергілері;

5 мыңнан астам жергілікті тұрғындарға медициналық көмек көрсетілді; Ирак әскери академиясының 572 курсанттары минадан тазарту бойынша білім алды. Барлығы 2003-2008 жылдар аралығында Ирак Республикасына коалициялық күштердің құрамында Корея Республикасы Қарулы Күштерінің 290 әскери қызметкері жіберілді. [4]

Бітімгершілік миссия барысындағы қайғылы жағдай.

Бірақ бұл миссияның барлық жағымды жақтарын бір сәт күрсіндіреді. 2005 жылдың қаңтарында капитан Құдабаевпен бірге украиналық бітімгершілік контингенті қаза тапты. Бұл қалай болды деген сұрақ туындайды. «Сол күні Эссауира маңындағы полигонға ауланы миналардан тазарту болған. Үндістан командирінің бұйрығымен, жанында гранаталар мен артиллериялық снарядтарды жою процесімен украиндық әріптестер жұмыс істеді. Олардың бір снаряды кенеттен жарыған. Оқиға нәтижесінде 9 украиндық орнында қаза тапты, тағы 8-і ауыр жарақат алды. Қазақстанның 4 жауынгері жараланды. Қайрат Құдабаев [5] жарылған снарядтан сол жерде қайтыс болды. Әлі күнге дейін, неліктен кәсіби әскери аудармашы Құдабаевтың оқ-дәрілерді минадан тазартуға қатысқаны түсініксіз. Бірақ әскери қызметшілерде, «Бұйрық талқыланды, бұйрық орындалады» деген қағида бар. Бұның бірінші себебі, командирлердің сауатсыз бұйрық беруі, және контингенттердің міндеттері нақты белгіленбеуі.

Бірінші сұраққа келетін болсақ, Қазақстан өзінің бітімгершілік қызметін көрсету барысында Үндістанның әскери бітімгершілік басшылығына бағынады. Яғни Қазақстан БҰҰ бітімгершілік миссияларында өзінің атынан емес, Үндістанның көптен бір бөлімшелері ретінде саналады. Бұл бұйрықтарды орындауды қиындатады. Екінші сұрақ, жоғарыда көрсетілгендей Қазақстан контингентінің Ирактағы міндеттері, гуманитарлық көмек көрсету, суды тазарту болатын. Ал сол кездегі Үндістанның бітімгершілік миссиядағы міндеті дәл сол ауланы миналардан тазарту болатын. Бұндай жағдай енді орын алмас үшін Қазақстан бітімгершілік миссияларда өзінің туынын атынан шығу керек. Бұл үшін БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің 1991 жылғы 9 шілдедегі 684 резолюциясына сай, «Бітімгершілік миссия кезінде белгілі бір ел өзінің атынан іс-әрекет жасағысы келсе, бітімгершілік контингенттің саны 900 әскери қызметкерден аз болмауы керек». Қазіргі таңда Қазақстанның бітімгершілік контингентінің саны 420 адам. Соған байланысты біз келесі өзгерістер ұсынамыз,

- бітімгершілік контингенттің санын 900 әскери қызметкерге дейін ұлғайту;
- бітімгершілік контингенттің қолдану алаңын нақты белгілеп, регламенттеу.

Бітімгершілік миссияларға дайындайтын арнайы орталық (KAZCENT)

Қазақстан Республикасы Қорғаныс Министрлігінің осындай бітімгершілік миссияларға дайындайтын арнайы орталық бар. Қазақстан Республикасы Қорғаныс министрлігінің Бітімгершілік операциялар орталығы (KAZCENT) Қазақстан Республикасы Қорғаныс министрлігінің республикалық мемлекеттік қосымша білім беру мекемесі болып табылады, оның негізгі мақсаты әскери қызметкерлерді тілдерді оқыту және оқыту, полиция мен азаматтық персонал бітімгершілік операцияларға қатысу үшін. [6] Бұл орталықтың басты міндеттері, тілдерді оқыту және әскери, полиция және азаматтық қызметкерлерді бітімгершілік операцияларды дайындау және жүргізу негіздеріне,

халықаралық гуманитарлық құқық негіздеріне, бітімгершілік қызметінің нормативтік құқықтық базасының ережелеріне оқыту бойынша қосымша білім беру бағдарламаларын іске асыру. Халықаралық бітімгершілік оқу орталықтары қауымдастығының (IAPTC) және серіктестік оқу және білім беру орталықтары қауымдастығының мүшесі. Осындай орталықтардың көп болуының арқасында біздің бітімгершілік контингенттің білімімен өмірге деген көзқарасы кенейеді.

Сонымен бірге біздің ұсынысты іске асыру жоспарланып отыр, себебі Қорғаныс министрлігінің (ҚМ) Бітімгершілік операциялар орталығы KAZCENT бітімгершілік күштерінің қазақстандық әскери қызметшілерін даярлауды аяқтады, деп хабарлайды inbusiness.kz. [7] Жақын арада бітімгершілік күштердің ұлттық контингентінің білімі мен дағдысының деңгейі көтерілетін болады. БҰҰ сарапшылары бағалады. Еліміздің бірнеше облысындағы әскери бөлімдерден жіберілген Қазақстан армиясының 150-ден астам әскери қызметкері Бітімгершілік операциялар орталығында алты айға созылған тактикалық және арнайы дайындықтың күшейтілген курсын аяқтады.

Сондай-ақ «Бітімгершілік қызмет туралы» Қазақстан Республикасының Заңына (бұдан әрі – Заң) өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы мынадай ұсыныстар бар: [8]

1. Заңның 11-бабының 5-тармағының 1) тармақшасына сәйкес азаматтық персоналдың бітімгершілік операцияға қатысуы үшін Қазақстан Республикасы Қорғаныс министрлігімен және Қазақстан Республикасы Қорғаныс министрлігімен келісім бойынша сыртқы саясат саласындағы уәкілетті орган және өзге де мүдделі орталық мемлекеттік органдар сыртқы саясаттың орындылығын және аумағында бітімгершілік операция жүргізлетін халықаралық ұйымдармен және (немесе) әріптес мемлекеттермен келісімді қарау нәтижелері бойынша Қазақстан Республикасының Үкіметіне қатысу туралы ұсыныс енгізеді. бітімгершілік операциясындағы азаматтық персоналдың.

Бітімгершілік қызметкерлердің әлеуметтік, құқықтық жағдайын жақсартуға бағытталған(?) ұсыныстар

Сонымен қатар, Заңның 1-бабының 2) тармақшасында қамтылған «серіктес мемлекеттер» ұғымының анықтамасына сәйкес бұлар Қазақстан Республикасымен бірге бітімгершілік операцияға қатысатын мемлекеттер болып табылады. Осылайша, азаматтық персоналдың бітімгершілік операцияға қатысуы туралы шешім қабылдау үшін сыртқы саясат саласындағы уәкілетті орган өз шешімдерін қабылдау кезінде тек бітімгершілік іс-әрекеті бойынша бітімгершілік іс-әрекеттегі серіктес мемлекеттермен келісу қажеттілігімен шектеледі. аумағында бітімгершілік операциясы жүргізілуде. Азаматтық персоналды жіберудің бұл тәртібі әскери қызметкерлерді жіберу туралы шешім қабылдау тәртібінен ерекшеленеді, оған сәйкес серіктес мемлекеттермен өзара іс-қимыл «аумағында бітімгершілік операциясы жүргізіліп жатқан» тармағынсыз қамтамасыз етіледі. Осы сәйкессіздікті жою үшін Заңның 11-бабы 5-тармағының 1) тармақшасын мынадай редакцияда баяндау ұсынылады:

«1) Қазақстан Республикасының Қорғаныс министрлігімен және өзге де мүдделі орталық мемлекеттік органдармен келісу бойынша сыртқы саяси мәселелердің орындылығын қарау нәтижелері және халықаралық ұйымдармен және (немесе) келісім бойынша сыртқы саясат саласындағы уәкілетті орган;) «әріптес» мемлекеттер Қазақстан Республикасының Үкіметіне азаматтық персоналдың бітімгершілік операциясына қатысу туралы ұсыныс енгізеді;».

2. «Құқықтық актілер туралы» [9] Қазақстан Республикасы Заңының 24-бабының 3-тармағына сәйкес нормативтік құқықтық актінің құрылымдық элементінде белгіленген заңдылық сол нормативтік құқықтық актінің басқа құрылымдық элементтерінде қайтадан айтылмайды. Бұл ретте Заңның 10-бабының 2-тармағында және Заңның 11-бабының 2-тармағының 1) тармақшасында Заңның дәл сол нормасының қайталануы бар: – «2. Осы саладағы уәкілетті орган; Сыртқы саясат министрлігі Қазақстан Республикасының Президенті мен Қазақстан Республикасының Үкіметіне ұлттық контингенттің бітімгершілік операцияға қатысуының сыртқы саяси орындылығы туралы ұсыныс енгізеді, келіссөздер жүргізеді, бітімгершілік мәселелері бойынша халықаралық ұйымдармен және әріптес мемлекеттермен өзара іс-қимыл ұйымдастырады.

Мысалы, сыртқы саясат саласындағы уәкілетті орган Қазақстан Республикасының Президентіне және Қазақстан Республикасының Үкіметіне әскери қызметшілердің бітімгершілік операцияға қатысуының сыртқы саяси орындылығы туралы ұсыныс енгізеді, келіссөздер жүргізеді; бітімгершілік қызмет мәселелері бойынша халықаралық ұйымдармен және әріптес мемлекеттермен өзара іс-қимыл ұйымдастырады;

Бұл жағдайдағы айырмашылық осы екі құқық нормаларында «ұлттық контингент» және «әскери қызметкерлер» туралы айтылған. Сонымен қатар, «ұлттық контингент» түсінігінің анықтамасы бойынша ол «әскери персонал» және «азаматтық персонал» ұғымдарын да қамтиды, сәйкесінше, біз бір заң үстемдігі туралы айтып отырмыз. Одан әрі, жоғарыда айтқанымыздай, Заңның сол 11-бабында сыртқы саясат саласындағы уәкілетті органның бітімгершілік операцияға қатысу үшін азаматтық персоналды жіберу құзыретіне қатысты заңдылық белгіленген. Яғни, Заңда азаматтық және әскери қызметшілерге қатысты бөлек норма бар. Демек, қарастырылатын құрылымдық элементтер «Құқықтық актілер туралы» Заңның талаптарына сәйкес келтірілуі тиіс.

Осылайша, Заңның 11-бабы 2-тармағының 1) тармақшасын мынадай редакцияда баяндау ұсынылады:

«1) сыртқы саясат саласындағы уәкілетті орган Қазақстан Республикасының Президентіне және Қазақстан Республикасының Үкіметіне әскери қызметшілердің бітімгершілік операцияға қатысуының сыртқы саяси орындылығы туралы ұсыныс енгізеді;» осы мемлекеттік органның заңның алдыңғы бабында айқындалған бітімгершілік мәселелері бойынша келіссөздер жүргізу және басқа ұйымдармен өзара іс-қимыл жасау құзыреті.

2017 жылғы Әскери доктринаның қабылдануымен Қазақстан Республикасы бейбіт мемлекет саясатын жалғастыруда. Сонымен, «Әскери-саяси саладағы қызмет бағыттары» 3.2.1 бөлімінде былай делінген: «...Қазақстан Республикасының әскери саясаты халықаралық қатынастар жүйесін құруға бағытталған, онда әскери күштердің маңызы зор. Мемлекеттер, халықтар, әлеуметтік топтар арасындағы даулы қайшылықтарды шешу саяси-дипломатиялық, экономикалық, ақпараттық, құқықтық және басқа да әскери емес құралдарды қолдану арқылы жүзеге асырылады...».

Осы доктринаға сәйкес, Қазақстан Республикасының бітімгершілік мәселелері бойынша әскери-саяси және әскери-стратегиялық саладағы қызметінің негізгі бағыттары БҰҰ, қауіпсіздік кеңесі ынтымақтастық ұйымы шеңберінде халықаралық қауіпсіздік саласындағы өзара іс-қимылды күшейту болып табылады. оның ішінде бітімгершілік іс-шараларға қатысу, сондай-ақ бітімгершілік және гуманитарлық операцияларға қатысу, Қазақстан Республикасы ратификациялаған халықаралық шарттарға сәйкес басқа да міндеттер мен іс-шараларды орындау.

2017 жылғы Әскери доктринада [10] Қазақстан Республикасының халықаралық қауіпсіздікті қамтамасыз етуге қатысуын кеңейтуге белгілі бір мән берілген. Осылайша, Қазақстан Республикасының бітімгершілік қызметке қатысуын кеңейтудің негізгі шаралары:

1) мемлекеттің бітімгершілік бөлімшелерінің әлеуеті мен мүмкіндіктерін арттыру, техникалық және пайдалану үйлесімділігін қамтамасыз ету үшін оларды халықаралық және өңірлік ұйымдардың стандарттарына сәйкес келтіру;

2) жеке әскери және күзет компанияларының қызметін реттеу, мониторингілеу және бақылау мәселелері бойынша халықаралық нормативтік құқықтық актілерді әзірлеу бойынша БҰҰ шеңберіндегі Үкіметаралық жұмыс тобының жұмысына қатысу;

3) Қазақстан Республикасының аумағында өңірлік бітімгершілік орталығын дамыту;

4) Штаб офицерлерін оқыту және оларды БҰҰ миссияларына әскери бақылаушылар ретінде жіберу;

5) БҰҰ Қауіпсіздік Кеңесінің қарарының негізінде БҰҰ миссияларында міндеттерді орындау үшін бітімгершілік бөлімшелерін жіберу.

6) Біріккен Ұлттар Ұйымы бітімгершілік миссиядағы жүрген контингентке жалақы төлейді. Бірақ БҰҰ жалақыны Қазақстан Республикасының Қаржы министрілігіне жібереді. Қаржы министрілігі бұл жалақыны әскери қызметкерге жібергенде белгіленген соммадан медициналық сақтандыру, табыс салықтары ұсталады. Ал «Әскери қызмет және әскери қызметшілердің мәртебесі туралы» заңына сүйенсек әскери қызметкерден бұл салық түрлері ұсталынбау керек.

Қорытынды

Біріккен Ұлттар Ұйымы аясындағы бітімгершілік миссияларына қатысу Қазақстан Республикасының сыртқы саясатының құрамдас бөлігіне айналды. Бұл маңызды іс-шара елдің бейбітшілік пен қауіпсіздікті сақтау жөніндегі жаһандық күш-жігерге белсенді қатысуға бейінділігін көрсетеді.

Қазақстандық бітімгершілік контингентінің Ливаннан Оңтүстік Суданға дейінгі әртүрлі аймақтарға қатысуы елдің халықаралық қауіпсіздік үшін жауапкершілікті бөлісіп қана қоймай, күрделі геосаяси мәселелерді шешуге белсенді қатысуға дайын екендігін көрсетеді. Бұл миссиялар Қазақстан Республикасының халықаралық беделі мен беделін көтеріп қана қоймайды, сонымен қатар қазақстандық әскери қызметшілерге кәсіби құзыреттілігін арттыра отырып, құнды тәжірибелік тәжірибе жинақтауға бірегей мүмкіндік береді. Осылайша, Қазақстанның бітімгершілік миссияларына қатысуы жаһандық тұрақтылық пен қауіпсіздікті қамтамасыз етудегі, сондай-ақ Қазақстанның әлемдік аренадағы оңды имиджін қалыптастырудағы ел стратегиясының маңызды элементі болып табылады.

A.T. Kalila, «lieutenant of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan» Lawyer of the «Legal Department of the Defense Ministry» (Astana, Republic of Kazakhstan): Legal Aspects of the Deployment of the National Contingent of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan in UN Peacekeeping Missions.

The relevance: Participation of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan in United Nations peacekeeping missions is an important component of the country's foreign policy aimed at maintaining peace and security and protecting national interests. This service is of great importance in terms of fulfilling international obligations, strengthening the country's military-political positions and overall reputation in the global arena. In order to improve the legal status, social and legal situation of our contingent in the course of providing peacekeeping services, this article discusses the proposal to make changes to some articles of normative legal acts regulating peacekeeping activities of the Republic of Kazakhstan.

The subject of research is the participation of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan in peacekeeping activities.

The purpose of the study is to identify legal controversial issues and propose ways to improve them based on the study of the peacekeeping activities of the United Nations and the experience of using the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan in peacekeeping activities.

Key words: Armed Forces of the Republic of Kazakhstan, peacekeeping missions, United Nations, legal aspects of the use of peacekeeping contingent, UN Security Council.

А.Т. Калила, Лейтенант Вооруженных Сил Республики Казахстан «юрист Юридического департамента Министерства обороны Республики Казахстан» (Астана, Республика Казахстан): Правовые аспекты применения национального контингента Вооруженных Сил Республики Казахстан в миротворческих миссиях ООН.

Актуальность: Участие Вооруженных Сил Республики Казахстан в миротворческих миссиях Организации Объединенных Наций является важной составляющей внешней политики страны, направленной на поддержание мира и безопасности, защиту национальных интересов. Данная служба имеет большое значение с точки зрения выполнения международных обязательств, укрепления военно-политических позиций страны и общего авторитета на мировой арене. В целях улучшения правового статуса, социального и правового положения нашего контингента в ходе оказания миротворческих услуг в данной статье рассматривается предложение о внесении изменений в некоторые статьи нормативных правовых актов, регламентирующих миротворческую деятельность Республики Казахстан.

Предметом исследования является участие Вооруженных Сил Республики Казахстан в миротворческой деятельности.

Целью исследования является выявление правовых спорных вопросов и предложение путей их совершенствования на основе изучения миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций и опыта использования Вооруженных Сил Республики Казахстан в миротворческой деятельности.

Ключевые слова: Вооруженные Силы Республики Казахстан, миротворческие миссии, Организация Объединенных Наций, правовые аспекты использования миротворческого контингента, Совет Безопасности ООН.

Қолданылған әдебиеттер:

1. Постановление Президента Республики Казахстан от 11 февраля 1993 г. N 1094 «Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан (утратившая силу) URL: [\(25.10.2024\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/U000000334_).
2. Макаров А. Миротворческая операция в Таджикистане: итоги, проблемы, уроки Вестник военной информации. 2002. № 1. С. 24–31; Библиотека Национального Университета Обороны Министерства Обороны Республики Казахстан.
3. Миротворческая Миссия Казахстана в Таджикистане: электронный KAZCENT: URL: [\(25.10.2024\)](https://kazcent.kz/tajikistan).
4. Центр, миротворческой подготовки, МО РК Миротворческая миссия Казахстана в Ираке / миротворческой,подготовки,МО Центр. – Текст: электронный KAZCENT: URL: [\(25.10.2024\)](https://kazcent.kz/irak).
5. Жанар, Кусанова Миротворческая миссия Казахстана в Ираке / Кусанова Жанар. – Текст: электронный Информбюро: [\(25.10.2024\)](https://informburo.kz/stati/missiya-8742.html).
6. Центр, миротворческих,операций,МО / миротворческих,операций,МО Центр. – Текст: электронный (KAZCENT) URL: [\(25.10.2024\)](https://kazcent.kz/activity).
7. Максим, Морозов Казахстан увеличивает численность национального миротворческого контингента / Морозов Максим. – Текст: электронный inbusiness.kz URL: [\(25.10.2024\)](https://inbusiness.kz/ru/news/kazakhstan-uvelichivaet-chislennost-nacionalnogo-mirotvorcheskogo-kontingenta).
8. ЗРК от 15 июня 2015 года № 320. О миротворческой деятельности Республики Казахстан URL: [\(25.10.2024\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000320/z150320.htm).
9. Құқықтық актілер туралы. Қазақстан Республикасының Заңы 2016 жылы 6 сәуірдегі № 480-V ҚРЗ URL: [\(25.10.2024\)](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000480).
10. Об утверждении Военной доктрины Республики Казахстан. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 29 сентября 2017 года № 554 URL: [\(25.10.2024\)](https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37940951&pos=4;-104#pos=4;-104).

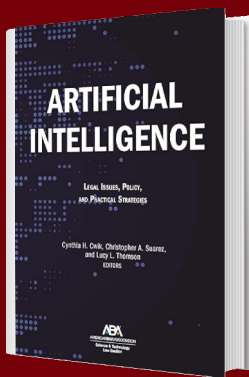
References:

1. Resolution of the President of the Republic of Kazakhstan dated February 11, 1993 N 1094 «On approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan (no longer in force) URL: [\(25.10.2024\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/U000000334_).
2. Makarov A. Peacekeeping operation in Tajikistan: results, problems, lessons Bulletin of military information 2002. No. 1. P. 24–31; Translation Library of the Defense University of the Ministry of Defense of the Republic of Kazakhstan.
3. Peacekeeping Mission of Kazakhstan in Tajikistan: electronic KAZCENT: URL: [\(25.10.2024\)](https://kazcent.kz/tajikistan).
4. Peacekeeping Training Center, Defense Ministry of the Republic of Kazakhstan Peacekeeping Mission of Kazakhstan in Iraq / peacekeeping, training, Defense Ministry Center – Text: electronic KAZCENT URL: [\(25.10.2024\)](https://kazcent.kz/irak).
5. Zhanar, Kusanova Peacekeeping Mission of Kazakhstan in Iraq / Kusanova Zhanar. Information Bureau URL: [\(25.10.2024\)](https://informburo.kz/stati/missiya-8742.html).
6. Center, peacekeeping, operations, Defense Ministry / peacekeeping, operations, Defense Ministry Center. – Text: electronic (KAZCENT): [\(25.10.2024\)](https://kazcent.kz/activity).
7. Maxim, Morozov Kazakhstan expands positions of national peace contingent / Morozov Maxim. – Text: electronic inbusiness.kz URL: [\(25.10.2024\)](https://inbusiness.kz/ru/news/kazakhstan-uvelichivaet-chislennost-nacionalnogo-mirotvorcheskogo-kontingenta).
8. Law of the Republic of Kazakhstan dated June 15, 2015 No. 320. On peacekeeping activities of the Republic of Kazakhstan: URL: [\(25.10.2024\)](https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000320/z150320.htm).
9. Peacekeeping activities of the Republic of Kazakhstan. Kazakhstan Republic of the Republic of Kazakhstan 2016 years 6 years No. 480-V KRZ: URL: [\(25.10.2024\)](https://adilet.zan.kz/kaz/docs/Z1600000480).

10. On approval of the Military Doctrine of the Republic of Kazakhstan. Approved by Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated September 29, 2017 No. 554: URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37940951&pos=4;-104#pos=4;-104 (25.10.2024).

Для цитирования и библиографии: Қалила А.Т. БҰҰ бітімгершілік миссияларында Қазақстан Республикасы қарулы күштер контингентін қолданудың құқықтық аспектілері // Право и государство. № 4(105), 2024. – С. 35-42. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_35

Материал поступил в редакцию 11.11.2024

НОВЫЕ КНИГИ

Artificial Intelligence: Legal Issues, Policy, and Practical Strategies by Cynthia H. Cwik (Editor), Christopher A. Suarez (Editor), Lucy L. Thomson (Editor). Publisher American Bar. 2024 – 358 pages.

ISBN-13 978-1639054930

An essential and practical guide to navigate the rapidly evolving laws and policies of Artificial Intelligence.

Artificial Intelligence (AI) is transforming our world at a breakneck pace, including the practice of law. The recent rapid development of generative AI, which produces new outputs based on the data it has been trained on and prompts from users, has been heralded as a revolutionary intellectual and technological development. AI has the potential to

improve many aspects of the practice of law, including increasing the speed at which many tasks can be done, boosting productivity, and reducing the amount of time spent on routine tasks. In addition, AI can help to solve one of the most pressing problems facing our legal system – the large number of people who are not able to afford a lawyer and must try to navigate the legal system on their own.

There also are significant challenges with the use of AI in the legal profession, including AI's yet undetermined accuracy in drafting legal documents; its potential to undermine confidentiality, privacy and security; the capacity to introduce and perpetuate bias; and its impact on the structure of law firms. Additional concerns include the impact of AI on intellectual property rights; how law schools can best prepare students for this new AI-enabled future; and whether advances in AI will meaningfully reduce the number of attorneys that are needed to serve their clients. Governments and private organizations are grappling with how to develop laws, regulations and rules that will govern the use and functionality of AI systems.

In order to address these issues, this book contains reflections and chapters by a group of more than 40 preeminent AI and legal experts from in-house legal departments; private practice; non-profits; academia; government, and the judiciary. The book covers a wide range of important topics concerning AI and the law and provides practical advice to attorneys on how to navigate these complex and rapidly evolving issues.

СВОБОДА ОБЪЕДИНЕНИЯ В КАЗАХСТАНЕ: ЕСТЬ ЛИ НАДЕЖДА НА СБЛИЖЕНИЕ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ТРУДОВЫМИ СТАНДАРТАМИ?

Н.Л. ЛЮТОВ,
д.ю.н., профессор,
Научная школа трудового права
Maqsut Narikbayev University
(г. Астана, Республика Казахстан)
e-mail: lyutov_nikita@kazguu.kz

В настоящее время Казахстан относится к одной из наиболее критикуемых в мире стран с точки зрения соблюдения международных трудовых стандартов в сфере свободы объединения, права на ведение коллективных переговоров, разрешения коллективных трудовых споров и права на забастовку. Это наносит существенный ущерб международному престижу государства.

Однако гораздо более важно то, что трудящиеся Казахстана фактически не могут законным образом эффективно разрешать свои конфликты с работодателями, что приводит к ухудшению их положения, накоплению конфликтного потенциала в обществе, политизации социально-трудовых конфликтов и росту социальной нестабильности.

В статье рассматриваются конкретные несоответствия норм национального законодательства Республики Казахстан требованиям международных трудовых стандартов в сфере свободы объединения, формулируются выводы о причинах существующего положения вещей.

Приводится информация о работе Научной школы трудового права Университета имени М.С. Нарикбаева, Maqsut Narikbayev Institute for Networking and Development (MIND) в сотрудничестве с Международной организацией труда и Проектным офисом Сената РК по выработке предложений о доработке казахстанского законодательства с целью минимизации несоответствий норм коллективного трудового права Казахстана требованиям международных трудовых стандартов.

Сделан прогноз в отношении перспектив реализации сформулированных предложений с учетом текущей политико-правовой ситуации в стране.

Ключевые слова: коллективные переговоры; свобода объединения; коллективные трудовые споры; международные трудовые стандарты; трудовое право Казахстана.

Введение

В настоящее время в Республике Казахстан проводятся политические реформы, направленные на общую политическую демократизацию. Курс на «Новый Казахстан», помимо прочего, включает в себя развитие социального диалога между трудящимися, работодателями и государством.

Между тем, в течение последнего десятилетия ситуация с правами работников в стране вызывает не только критику экспертного сообщества [1, с. 116-118; 2, с. 12-15; 3, с. 771-779; 4, с. 160-174], но и резкую реакцию в мировом масштабе. Самое крупное профсоюзное объединение в мире, Международная конфедерация профсоюзов (МКП), с 2018 по 2020 гг. зачисляла Казахстан в десятку «наихудших стран для трудящихся» [5; 6]. До сих пор МКП относит Казахстан к категории стран «без гарантий прав», хуже которых ситуация только в несостоявшихся государствах или на территориях, где проводятся военные действия [7]. Крупнейший профсоюз США призвал Правительство своей страны приостановить в отношении Казахстана применение Генеральной систе-

мы торговых преференций в связи с нарушениями прав профсоюзов [8]. В 2019 г. Европейский парламент принял специальную Резолюцию о правах человека в Казахстане, основное внимание в которой было сосредоточено на нарушениях прав профсоюзов и репрессиях в отношении профсоюзных активистов [9]. Высший контрольный орган Международной организации труда (МОТ), Комитет Международной конференции труда по применению международных трудовых стандартов, рассматривал вопрос о несоблюдении Казахстаном норм МОТ о свободе объединения среди 25 наиболее резонансных нарушений международных трудовых стандартов в мире в 2015, 2016, 2017, 2019, 2021 и 2022 гг. [10].

Столь резкая реакция мирового сообщества связана с реформами трудового и уголовного законодательства, а также практики их применения, произошедшими в 2014–2015 гг. и радикально ограничившими свободу объединения работников и противоречащими базовым международным трудовым стандартам в этой сфере.

Настоящая статья имеет целью обозначить, каковы перспективы демократизации норм о свободе объединения в Казахстане в нынешних социально-политических условиях.

1. Разрушение свободы объединения в 2014–2015 гг.

В 2011 г. Казахстан был потрясен социальными протестами нефтяников в г. Жанаозене, вылившимися в беспорядки, в ходе которых, по официальным данным, погибло не менее 16 и пострадало более 100 человек [11]. Реакция властей на эти события была односторонней: вместо попыток преодолеть причины протестов, в частности низкие заработные платы и социальную несправедливость, было решено «закручивать гайки».

В 2014 г. был принят новый Уголовный кодекс Республики Казахстан [12]. По сравнению с ранее действующим кодексом новый был дополнен репрессивными составами преступлений: «Нарушение порядка организации и проведения мирных собраний» (ст. 400 УК РК); «Руководство запрещенной забастовкой, воспрепятствование работе организации в военное время или условиях чрезвычайного положения» (ст. 401 УК РК); «Действия, провоцирующие к продолжению участия в забастовке, признанной судом незаконной» (ст. 402 УК РК)»; «Незаконное вмешательство членов общественных объединений в деятельность государственных органов» (ст. 403 УК РК); «Создание, руководство и участие в деятельности незаконных общественных и других объединений» (ст. 404 УК РК); «Оказание содействия политическим партиям и профессиональным союзам иностранных государств» (ст. 406 УК РК).

Практически одновременно с новым УК РК в июне 2014 г. был принят и новый Закон Республики Казахстан «О профессиональных союзах» [13], противоречащий ключевым положениям фундаментальных конвенций МОТ о свободе объединения: Конвенции 1948 г. о свободе ассоциаций и защите права на организацию (№ 87) и Конвенции 1949 г. о применении принципов права на организацию и на ведение коллективных переговоров (№ 98). Новый закон установил детальные требования в отношении содержания уставов профсоюзов и их обязанностей, что представляет собой избыточное вмешательство в права представителей трудящихся создавать организации по своему усмотрению, самостоятельно организовывать свою деятельность и выработать свои уставы (ст. 2 и 3 Конвенции МОТ № 87).

Помимо этого закон предусмотрел чрезвычайно высокие требования в отношении минимального количества профсоюзов, необходимого для регистрации объединения на республиканском и отраслевом уровне (п. 3 ст. 11 и п. 2 ст. 13 Закона «О профессиональных союзах»), фактически исполнимые для единственного профсоюзного объединения в Казахстане – Федерации независимых профсоюзов Казахстана (ФНПРК), что представляет собой законодательно навязываемый профсоюзный монополизм, противоречащий принципам свободы объединения в их толковании Комитетом по свободе объединения МОТ [14]. Более того, в изначальной редакции этот закон прямо закрепил вертикальную интеграцию всех профсоюзов страны в единую федерацию. Существенные гарантии для профсоюзных активистов, имевшиеся в ранее действовавшем законе о профсоюзах, необходимые для защиты от преследования со стороны работодателей, были фактически полностью ликвидированы законом 2014 г.

В следующем 2015 г. был принят действующий в настоящее время Трудовой кодекс Республики Казахстан (ТК РК) [15]. Ослабленные реформами 2014 г. профсоюзы не смогли эффективно отстаивать права работников и собственные интересы при разработке и принятии ТК РК. В результате баланс интересов работников и работодателей был радикально смещен в пользу последних. Среди государств региона ТК РК можно назвать наиболее ограничивающим права работников, за исключением грузинского кодекса, принятого после так называемой «революции роз» и неолиберальных реформ М. Саакашвили.

Важнейшим следствием реакционной реформы трудового законодательства стала ликвидация существенного числа профсоюзов и прямые репрессии в отношении профсоюзных активистов. Наиболее резкую международную реакцию вызвали уголовные дела и избиения профсоюзных активистов и многочисленные отказы в регистрации профсоюзных объединений [16; 17; 18].

2. Трудовой кодекс 2015 г.: ограничение права на коллективные переговоры, споры и забастовки

Помимо ослабления индивидуальных прав работников, новый ТК РК довел до логического завершения «реформу» коллективного трудового права – в части процедуры ведения коллективных переговоров, разрешения коллективных трудовых споров, включая право на забастовку.

В отношении ведения коллективных переговоров (п. 4 ст. 156 ТК РК), примирительных процедур для разрешения коллективных трудовых споров (п. 1 ст. 156 ТК РК), а также объявления забастовки (п. 2 ст. 171 ТК РК) действует система принудительного монополизма – в случае существования нескольких представителей работников они обязаны создать единый представительный орган. Поскольку законодательство не содержит в себе каких-либо реальных гарантий обеспечения независимости представителей работников от работодателей, на практике это может приводить к тому, что соответствующие процедуры будут заблокированы работодателем путем создания подконтрольных ему профсоюзов, формально представляющих большинство работников.

Для коллективных трудовых споров предусмотрена единственная обязательная примирительная процедура их разрешения – разрешение в примирительной комиссии. Несмотря на то, что п. 3 ст. 165 ТК РК предусматривает рассмотрение спора примирительной комиссией в течение семи рабочих дней, в случае затягивания этой процедуры работодателем никаких последствий закон не предусматривает. Иногда на практике это приводит к тому, что спор «застревает» на этой стадии на многие месяцы, причем это время может быть использовано работодателями для оказания давления и запугивания представителей работников [16].

Далее коллективный трудовой спор подлежит рассмотрению в трудовом арбитраже. Теоретически эта процедура разрешения спора носит добровольный для сторон характер, за исключением случаев, когда забастовки для определенных категорий работников или в определенных ситуациях запрещены. Добровольный характер трудового арбитража связан с тем, что вынося обязательное для сторон решение по коллективному трудовому спору, трудовой арбитраж его тем самым завершает: после вынесения решения трудовым арбитражем проведение забастовки не будет законным, за исключением случаев неисполнения решения трудового арбитража работодателем. В связи с этим Комитет по свободе объединения МОТ неоднократно указывал, что трудовой арбитраж не может быть принудительным, за исключением ограничения забастовок в жизненно важных службах, от остановки которых зависит жизнь и здоровье людей [14, пар. 818]. Однако в п. 4 ст. 162 ТК РК примирительные процедуры описываются как последовательное рассмотрение сначала в примирительной комиссии, а затем в трудовом арбитраже, а в п. 6 ст. 165 императивно указывается, что в случае недостижения соглашения в примирительной комиссии создается трудовой арбитраж. Эти формулировки заставляют не только стороны, но и суды [19; 20] рассматривать трудовой арбитраж как обязательную стадию разрешения коллективного трудового спора, что означает фактический запрет на дальнейшее объявление забастовки.

Еще одна проблема трудового арбитража связана с его составом. Традиционно трудовой арбитраж в самых разных странах принято рассматривать как орган, состоящий из нейтральных лиц, пользующихся доверием обеих сторон спора [21, р. 828-832]. Однако в п. 2 ст. 166 ТК РК указывается, что в его состав должны включаться государственный инспектор труда, представители

трехсторонней комиссии по социальному партнерству и регулированию социальных и трудовых отношений. То есть не сами стороны определяют состав трудового арбитража, выносящего решение по спору между ними, а им предлагаются обязательные участники данного органа, которым стороны вполне могут не доверять.

В тех исключительных случаях, когда коллективный трудовой спор удастся разрешить с помощью трудового арбитража, а представители работников получат решение, полностью или частично удовлетворяющее их требованиям, они столкнутся с другой проблемой – исполнением решения трудового арбитража. Несмотря на то, что в п. 8 ст. 166 ТК РК указывается, что решение трудового арбитража обязательно для исполнения сторонами, никакого юридического механизма исполнения этого решения в законодательстве не предусмотрено.

Более того, далее в п. 9 этой же статьи ТК РК содержится норма, которую иначе чем абсурдной охарактеризовать невозможно: случае неисполнения решения трудового арбитража в установленный срок стороны имеют право осуществить разрешение спора в судебном порядке. Кем должен быть установлен срок? Самими сторонами спора? В законе нет ответа. В чем смысл разрешения спора в арбитраже, а потом, в случае неисполнения его решения, рассмотрения заново, но уже в суде? Кроме того, эта норма прямо противоречит п. 1 ст. 164 ТК РК, где указывается, что суды могут рассматривать коллективные споры по вопросам, неурегулированным в ходе предыдущих процедур. То есть п. 9 ст. 166 ТК РК предписывает рассматривать коллективные трудовые споры, в отношении которых не исполняются решения трудового арбитража, а п. 1 ст. 164 ТК РК прямо запрещает это. Неудивительно, что в тех редких случаях, когда возникает вопрос о таких спорах, суды не принимают к их рассмотрению [22].

В ТК РК не содержится понятий ни индивидуального, ни коллективного трудового спора. Вместо них в пп. 16 п. 1 ст. 1 ТК РК содержится понятие «просто» трудового спора, которого согласно самому ТК РК в природе не существует, поскольку кодекс предусматривает порядок разрешения либо индивидуальных (гл. 15), либо коллективных (гл. 16) трудовых споров, а не трудовых споров «вообще». Это еще один пример крайне низкого качества юридической техники ТК РК.

Наконец, вообще непонятно, откуда у авторов текста действующего ТК РК возникла мысль о возможности рассмотрения коллективного трудового спора в суде. Как правило, коллективные трудовые споры – это так называемые споры об интересах или экономические споры, которые отличаются от споров о праве или юридических споров тем, что ни одна из сторон не считает, что ее охраняемое законом право нарушено. Например, работники требуют повышения заработной платы, которая их категорически не устраивает, но она выплачивается работодателем своевременно, в полном объеме, и она не ниже минимальной заработной платы. Для такого рода споров и существуют примирительные процедуры, а также забастовка, как крайнее средство законного давления работников на работодателя в тех случаях, когда примирительные процедуры не привели к разрешению разногласий. По сути, примирительные процедуры и забастовки – это продолжение переговорного процесса в отношении социально-экономических интересов трудящихся. В экономических спорах суду общей юрисдикции вообще нет места: если истец не может обосновать нарушение своего права, то у суда просто нет предмета для рассмотрения.

Наконец, право на забастовку – важнейшее право трудящихся, закрепленное как в п. 3 ст. 24 Конституции Республики Казахстан, так и в п. 1(d) ст. 8 Международного Пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., ратифицированного Казахстаном, в настоящее время на практике фактически нереализуемо.

Согласно п. 1 ст. 171 ТК РК, забастовка может быть объявлена работниками только в том случае, если «посредством примирительных процедур не удалось добиться разрешения коллективного трудового спора, а также в случаях уклонения работодателя от примирительных процедур либо невыполнения соглашения, достигнутого в ходе разрешения коллективного трудового спора». Эта формулировка исключает законное объявление забастовки, например, в случае неисполнения работодателем решения трудового арбитража, о котором говорилось выше.

Поскольку забастовка рассматривается в ТК РК исключительно как способ разрешения коллективного трудового спора, к ее объявлению применимо и ограничение предмета трудового спора, следующее из его определения в пп. 16 п. 1 ст. 1 ТК РК, то есть применение трудового законода-

тельства Республики Казахстан, выполнения или изменения условий соглашений, трудового и (или) коллективного договоров, актов работодателя.

Таким образом, автоматически незаконными будут считаться забастовки о признании профсоюзов в качестве стороны коллективных переговоров, что нередко бывает предметом конфликта между работниками и работодателем [23]. Не будут законными и любые забастовки по поводу планируемых действий работодателя, например, массового увольнения работников, либо признания компании в качестве работодателя – последний вид споров относится к наиболее резонансным трудовым конфликтам, происходящим в Казахстане на момент написания этой статьи. Речь идет о длительной забастовке работников компании West Oil Software, требующих заключения трудовых договоров с компанией «Казмунайгаз», где они работали ранее и в пользу которой они фактически работают [24].

Поскольку сторонами трудового спора выступают работники и работодатели, незаконным будет и объявление забастовок солидарности – в поддержку требований трудящихся другого работодателя. Невозможно в соответствии с требованиями ТК РК и объявить забастовку с социально-экономическими требованиями к властям, например, о повышении минимальной заработной платы, устанавливаемой законодательно. В настоящее время размер минимальной заработной платы в Казахстане приблизительно в три раза меньше уровня, устанавливаемого международными трудовыми стандартами, однако этот вопрос – предмет для отдельной статьи.

В силу тех же причин не будут признаны законными и забастовки практически любых трудящихся онлайн-платформ [25; 26] – они лишены статуса работников по трудовому договору и, в силу этого, не будут признаны судом стороной коллективного трудового спора и субъектом права на забастовку. Из сферы трудового права такие трудящиеся выведены ст. 102 Социального кодекса Республики Казахстан.

Все перечисленные ограничения противоречат толкованию принципов права на свободу ассоциации, выработанному Комитетом по свободе объединения в течение долгой практики рассмотрения жалоб в отношении различных государств [14, пар. 758–782].

Противоречат принципам права на свободу объединения [14, пар. 836-852] и обширные законодательные ограничения права на забастовку для отдельных категорий трудящихся, установленные отдельными законодательными актами и касающиеся государственных служащих в целом, работников так называемых опасных производственных объектов и других категорий, независимо от конкретной трудовой функции и степени опасности остановки их работы.

Помимо этого в п. 2 ч. 1 ст. 171 ТК РК указывается, что минимальный перечень работ и услуг, выполняемых в ходе забастовки, определяется по соглашению между работниками и местным органом исполнительной власти, причем механизм разрешения споров по поводу их объема и количества задействованных работников в законе никак не определен. Между тем МОТ исходит из того, что такого рода споры должны разрешаться независимым от сторон спора лицом, а органы исполнительной власти к таковым определенно не относятся [14, пар. 876].

3. Ситуация в настоящее время и перспективы перемен

Выше приведен далеко не полный перечень противоречий казахстанских норм о коллективных переговорах, коллективных трудовых спорах и забастовках международным трудовым стандартам, но и он хорошо объясняет, почему на практике практически все коллективные трудовые конфликты происходят вне рамок закона [23; 27; 28].

Характерно, что государство в настоящее время весьма смутно представляет себе конфликтный потенциал в обществе и явно не располагает адекватной информацией по этому поводу. Коллективные трудовые споры, о которых речь идет в ТК РК, вероятно не учитываются статистикой, поскольку реальные конфликты почти всегда проходят вне рамок закона – по описанным выше причинам. Статистика в отношении «трудовых конфликтов» очень противоречива [29]. Прежде всего, о ней можно судить не из постоянно размещенных на официальных государственных сайтах сведений, а на основании время от времени осуществляемых пресс-релизов Министерства труда и социальной защиты РК. По состоянию на конец декабря 2022 г. объявленное количество трудовых конфликтов составило 50, что представляло собой значительный рост по сравнению цифрой за предыдущий

2021 г. – 31 [30], однако в конце 2023 г. соответствующий показатель якобы упал до 15, то есть более чем в три раза [31]. Почти все трудовые конфликты были зафиксированы лишь в двух областях – Мангистауской и Атырауской, в сфере нефтедобычи, где забастовки, как правило, запрещены. Столь резкая волатильность, а равно сфокусированность данных на двух регионах, свидетельствует скорее о недостатке информации, чем о той или иной тенденции в этой сфере.

Между тем независимые опросы, проведенные среди специалистов в области управления персоналом и трудовых отношений, показали, что доля таких специалистов, считающих, что главная опасность трудовых конфликтов в настоящее время связана с социальной дестабилизацией, выросла с 47,9% в конце 2021 г. до 73,4% – в конце 2022 г. Это показывает, что специалисты «на местах» оценивают социально-трудовую ситуацию как крайне тревожную, причем уровень этой тревожности значительно вырос.

Есть ли основания считать, что в обозримом будущем ситуация изменится? В настоящее время одновременно реализуются два проекта, направленных на приведение норм и практики Казахстана в сфере свободы объединения в соответствие с международными трудовыми стандартами. Первый проект включает в себя техническое взаимодействие между Бюро МОТ для стран Восточной Европы и Центральной Азии и Правительством Казахстана. В рамках этого проекта уже в течение шести лет ведутся переговоры на соответствующую тему, а в конце 2023 г. Бюро МОТ обратилось к представителям Научной школы трудового права Университета имени М. Нарикбаева (MNU) с целью разработки рекомендаций по приведению норм и правоприменительной практики Республики Казахстан в отношении разрешения коллективных трудовых споров в соответствие со стандартами МОТ. В настоящее время рекомендации оцениваются и дорабатываются Бюро МОТ и в течение 2024 г. будут предложены Правительству Республики Казахстан с целью изменения действующего законодательства и практики.

Второй проект также связан с деятельностью нашего Университета: на базе Университета имени М. Нарикбаева создана структура Maqsut Narikbayev Institute for Networking and Development (MIND), которая совместно с Проектным офисом Сената Республики Казахстан инициировала создание Рабочей группы Сената по обсуждению поправок в законодательство, направленных на совершенствование норм коллективного трудового права Республики Казахстан. В качестве основы для обсуждения в рамках этой Рабочей группы Научной школой трудового права М.Х. Хасеновым и Н.А. Лютовым был разработан предварительный текст поправок в законодательство, который в 2024 г. продолжает обсуждаться представителями Сената, органов исполнительной власти, профсоюзов, объединений работодателей и экспертного сообщества.

Заключение

Приходится констатировать, что в настоящее время не существует адекватных законодательных рамок для снятия конфликтного потенциала в социально-трудовых отношениях в Казахстане. И критика Казахстана со стороны международного сообщества по данному вопросу хотя и имеет политическое значение, но на самом деле не самая большая проблема для страны.

В нормальной ситуации коллективное трудовое право выступает в виде своего рода предохранительного клапана, снижающего напряжение в обществе, и позволяющего решать конфликтные ситуации мирно и строго в рамках обсуждения социально-экономических прав и законных интересов трудящихся. В условиях же, когда чиновники «заматают проблему под ковер», полагая, что репрессиями и запретами они действительно могут снять социальную напряженность, они добиваются прямо противоположной цели. Проблемы и недовольство накапливаются, и когда в неожиданный для государства момент социальное недовольство достигает критической точки, происходят массовые протесты, а конфликты резко радикализируются и политизируются. Наиболее яркой иллюстрацией этого были протесты января 2022 г.

Не стоит питать иллюзии, что проблемы коллективного трудового права будут решены в одночасье принятием одного закона о поправках в трудовое законодательство. Во-первых, представители исполнительной власти сейчас относятся к перспективе перемен более чем осторожно: в рамках упомянутой выше Рабочей группы уже было принято решение не обсуждать вопрос об отмене одиозных статей УК РК, предусматривающих уголовную ответственность за незаконные заба-

ставки – наиболее эффективный репрессивный механизм в отношении профсоюзных активистов. Кроме того, представители Минтрудоохраны в обсуждении буквально называют черное белым и пытаются делать вид, что никаких серьезных проблем с нарушением международных трудовых стандартов в области свободы объединения якобы не существует. Менять такое отношение можно будет только путем максимально гласного и публичного общественного давления на чиновников.

Во-вторых, не менее важно и то, что профсоюзы и объединения работодателей сами должны более активно вовлекаться в создание законодательного механизма социального диалога, обеспечивающего реально действующие механизмы разрешения коллективных трудовых споров. Им не стоит относиться к забастовкам как синониму антигосударственного бунта.

Однако сам факт обсуждения проблемы свободы объединения в Казахстане между представителями гражданского общества и государства дает повод для осторожного оптимизма в отношении прогресса в этом вопросе.

Вряд ли будет преувеличением утверждать, что то, насколько серьезно государство и социальные партнеры подойдут к приведению норм коллективного трудового права Казахстана в соответствие с международными трудовыми стандартами, будет хорошим индикатором реальности политического курса в части построения «Нового Казахстана».

Н.Л. Лютов, д.ю.н., профессор, Научная школа трудового права Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан): Қазақстандағы бірлесу бостандығы: халықаралық еңбек стандарттарына жақындауға үміт бар ма?

Қазіргі уақытта Қазақстан бірлесу бостандығы, ұжымдық келіссөздер жүргізу құқығы, ұжымдық еңбек дауларын шешу және ереуілге шығу құқығы саласындағы Халықаралық еңбек стандарттарын сақтау тұрғысынан әлемдегі ең сынға ұшыраған елдердің біріне жатады. Бұл мемлекеттің халықаралық беделіне елеулі нұқсан келтіріп отыр.

Алайда, Қазақстан еңбеккерлерінің жұмыс берушілермен өз жанжалдарын іс жүзінде заңды түрде тиімді шеше алмайтындығы әлдеқайда маңызды, себебі бұл олардың жағдайының нашарлауына, қоғамда жанжалды әлеуеттің жинақталуына, әлеуметтік-еңбек жанжалдарын саясаттандырылуына және әлеуметтік тұрақсыздықтың өсуіне алып келеді.

Мақалада Қазақстан Республикасының ұлттық заңнамасы нормаларының бірлесу бостандығы саласындағы халықаралық еңбек стандарттарының талаптарына нақты сәйкессіздіктері зерттеліп және қазіргі жағдайдың себептері туралы қорытындылар тұжырымдалған.

М.С. Нәрікбаев атындағы КАЗГЮУ Университетінің Еңбек құқығы ғылыми мектебінің, Maqsut Narikbayev Institute for Networking and Development (MIND) Халықаралық еңбек ұйымымен және ҚР Сенатының жобалық кеңсесімен бірлесіп отырып, Қазақстандағы ұжымдық еңбек құқығы нормалары мен халықаралық еңбек стандарттарының талаптары арасындағы қайшылықтарды азайту мақсатында қазақстандық заңнаманы пысықтау бойынша әзірленген жұмысы туралы ақпарат беріледі.

Бұдан бөлек, мақалада елдегі ағымдағы саяси-құқықтық жағдайды ескере отырып, тұжырымдалған ұсыныстарды іске асыру перспективаларына қатысты болжам жасалды.

Түйінді сөздер: Ұжымдық келіссөздер; бірлесу бостандығы; ұжымдық еңбек даулары; Халықаралық еңбек стандарттары; Қазақстанның еңбек құқығы.

N.L. Lyutov, Doctor of Law, Professor, Research School of Labour Law, Maqsut Narikbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan): Freedom of Association in Kazakhstan: is There a Hope of Compliance to the International Labour Standards?

Currently, Kazakhstan is one of the most criticized countries in the world in terms of compliance with international labor standards in the field of freedom of association, the right to collective bargaining, collective labor dispute resolution and the right to strike. This causes significant damage to the international prestige of the State.

However, it is much more important that the workers of Kazakhstan are very limited in their ability to effectively resolve their conflicts with employers within the legal framework. This leads to accumulation of the conflict potential in society, politicization of social and labor conflicts and an increase in social instability.

The paper examines the specific inconsistencies of domestic law of the Republic of Kazakhstan with the requirements of international labor standards in the field of freedom of association.

The article also provides information regarding the work of the Academic School of Labor Law of the Maqсут Narikbayev University, Maqсут Narikbayev Institute for Networking and Development (MIND) in cooperation with the International Labor Organization and the Project Office of the Senate of the Republic of Kazakhstan to develop proposals on finalizing Kazakh legislation in order to minimize inconsistencies between the norms of collective labor law of Kazakhstan and the requirements of international labor standards.

The prospects for the implementation of these proposals are analyzed considering the current political and legal situation in the country.

Keywords: collective bargaining; freedom of association; collective labour disputes; right to strike; international labour standards; labour law of Kazakhstan.

Список литературы:

1. Нурғалиева Е.Н. Роль казахстанских профсоюзов в обеспечении социальной стабильности общества. Материалы международной научно-практической конференции «За права трудящихся! К 110-летию профсоюзного движения в России». Екатеринбург: УрГЮУ, 2015. С. 116–118.
2. Головина С.Ю. Влияние либерализации трудового законодательства на качество трудовой жизни (на примере России и Казахстана). Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 12–15. DOI: 10.18572/2221-3295-2021-4-12-15.
3. Хасенов М.Х. Проблемы выполнения Республикой Казахстан международных обязательств по обеспечению права на свободу объединения. Вестник Казахской ассоциации международного права. 2017. № 4. С. 771–779.
4. Хасенов М.Х. Совершенствование нормативно-правовой основы социального партнерства в государствах Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов. Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 160-174. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.160-174.
5. International Trade Union Confederation (ITUC), 2019 ITUC Global Rights Index: The World's Worst Countries for Workers (6) (ITUC, 2019). URL: <https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/2019-06-ituc-global-rights-index-2019-report-en-2.pdf> (2.04.2024).
6. International Trade Union Confederation (ITUC), 2020 ITUC Global Rights Index: The World's Worst Countries for Workers, (12) (ITUC, 2020). URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/ituc_globalrightsindex_2020_en.pdf (2.04.2024).
7. Global rights index, ITUC. URL: <https://www.globalrightsindex.org/en/> (2.04.2024).
8. Pre-Hearing Brief & Request to Appear at the Country Practice. Review of Kazakhstan Regarding Compliance with the Generalized System of Preferences Eligibility Criteria Ustr-2018-0008. Filed by the American Federation of Labor & Congress of Industrial Organizations (AFL-CIO) (June 5, 2018). URL: <https://aflcio.org/sites/default/files/2019-10/AFL-CIO%20Kazakhstan%20Pre-hearing%20Brief.pdf> (2.04.2024).
9. European Parliament resolution on the Human rights situation in Kazakhstan (2019/2610(RSP), European Parliament site. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0203_EN.html (2.04.2024).
10. Рассмотрение дел в отношении Казахстана Комитетом МКТ по применению международных трудовых стандартов (CAS) за 2014-2022 гг. MOT Normlex: URL: <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11110> (2.04.2024).
11. Трагедия в Жанаозене: точку ставить рано? BBC News. Русская служба, 27 октября 2012 г. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/10/121026_zhanaosen_conflict (2.04.2024).
12. Уголовный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. Ведомости Парламента РК 2014 г., № 13-II, ст. 83.
13. Закон Республики Казахстан «О профессиональных союзах» от 27 июня 2014 года № 211-V ЗРК. Ведомости Парламента РК 2014 г., № 11, ст. 66.

14. Свобода объединения: сборник решений, принятых Комитетом по свободе объединения. Шестое издание. Женева: Международное бюро труда, 2018. – 400 с. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_762287.pdf (2.04.2024).

15. Трудовой кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 23 ноября 2015 года № 414-V ЗРК // Ведомости Парламента РК 2015 г., № 22-IV, ст. 151.

16. Ритман М. «Мы не враги»: нарушения прав работников в Казахстане // Human Rights Watch, 24.11.2016. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2016/11/24/296535> (2.04.2024);

17. International Labour Conference Committee on Application of Standards (CAS). Individual Case (CAS) – Discussion: 2017, Publication: 106th ILC session (2017). Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention, 1948 (No. 87) – Kazakhstan.

18. Individual Case (CAS) – Discussion: 2021, Publication: 109th ILC session (2021). Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention, 1948 (No. 87) – Kazakhstan.

19. Решение Жанаозенского городского суда по делу № 4718-21-00-2/1354 от 20.10.2021 г. БД Bestprofi.

20. Постановление Апелляционной инстанции Костанайского областного суда по делу № 3999-21-00-2а/2598 от 19.12.2021 г. БД Bestprofi.

21. Goldman A., Chapter 23. Settlement of Disputes over Interests and Rights. R. Blanpain (ed.) Comparative Labour Law and Industrial Relations in Industrialized Market Economies. Alpen aan de Rijn: Wolters Kluwer, 2014. P. 828-832.

22. Постановление Судебной коллегии по гражданским делам Мангистауского областного суда по требованиям трудового коллектива ТОО «Каракудукмунай» от 15.11.2023. Не опубликовано.

23. Кайсар А., Сорбелло П. Подавленные профсоюзы: рабочие на протяжении многих лет сталкиваются с давлением, но продолжают бороться за свои права и социальную справедливость. Власть, 09.08.2022 г., URL: <https://vlast.kz/jekonomika/51142-podavlennye-profsouzy.html> (2.04.2024).

24. Узбекбай А. Бастующие рабочие West Oil Software требуют рассмотреть их требования на расширенном заседании правительства. Забастовка продолжается с 11 декабря 2023 года. Власть, 05.02.2024. URL: <https://vlast.kz/novosti/58743-bastuusie-rabocie-west-oil-software-trebuut-rassmotret-ih-trebovania-na-rassirennom-zasedanii-pravitelstva.html> (2.04.2024).

25. Социальный кодекс Республики Казахстан: Кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII ЗРК. Казахстанская правда № 75 (29952), 21.04.2023 г.

26. Лютов Н.Л. Платформенная занятость: проект новой Директивы ЕС и нормы России и Казахстана. Закон. 2022. № 10. С. 72-81. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-10-72-81

27. Абжан М. Андрей Пригорь: «Провести законную забастовку – все равно что пройти семь кругов ада». Modern Society Studies Institute, 08.06.2021. URL: <https://mssi.kz/2021/06/08/> (2.04.2024).

28. Смолин А. Спасти спасателей: почему в Казахстане профсоюзы не решают трудовые конфликты? Orda, 01.10.2023. URL: <https://orda.kz/spasti-spasatelej-pochemu-v-kazahstane-profsojuzy-ne-reshajut-trudovye-konflikty-377019/> (2.04.2024).

29. Ишекенова Б. В Казахстане стало больше трудовых конфликтов: работники недовольны условиями и зарплатой. LS News, 07.12. 2022. URL: <https://lsm.kz/v-kazahstane-proshlo-50-trudovyh-konfliktov> (2.04.2024).

30. Бакпаева А. В Казахстане количество трудовых конфликтов снизилось в три раза – Минтруда // Bage News, 08.12.2023. URL: https://baigenews.kz/v-kazahstane-kolichestvo-trudovyh-konfliktov-snizilos-v-tri-raza-mintruda_165554/ (2.04.2024).

31. Жусупова А. Почему происходит рост социально-трудовых конфликтов в Казахстане? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR), 10.12.2021. URL: <https://cabar.asia/en/why-is-there-an-increase-in-social-and-labor-conflicts-in-kazakhstan> (2.04.2024).

References (transliterated):

1. Nurgalieva E.N. Rol' kazhastanskikh profsoyuzov v obespechenii social'noj stabil'nosti obshchestva // Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Za prava trudyashchihsya! K 110-letiyu profsoyuznogo dvizheniya v Rossii». Ekaterinburg: UrGYUU, 2015. S. 116–118;
2. Golovina S.YU. Vliyanie liberalizacii trudovogo zakonodatel'stva na kachestvo trudovoy zhizni (na primere Rossii i Kazahstana) // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. №4, 2021. S. 12–15. DOI: 10.18572/2221-3295-2021-4-12-15.
3. Hasenov M.H. Problemy vypolneniya Respublikoj Kazahstan mezhdunarodnyh obyazatel'stv po obespecheniyu prava na svobodu ob»edineniya // Vestnik Kazahstanskoy associacii mezhdunarodnogo prava. 2017. № 4. S. 771–779.
4. Hasenov M.H. Sovershenstvovanie normativno-pravovoy osnovy social'nogo partnerstva v gosudarstvakh Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza s uchetom mezhdunarodnyh trudovykh standartov // Lex russica. 2020. T. 73. № 1. S. 160-174. — DOI: 10.17803/1729-5920.2020.158.1.160-174.
5. International Trade Union Confederation (ITUC), 2019 ITUC Global Rights Index: The World's Worst Countries for Workers (6) (ITUC, 2019). URL: <https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/2019-06-ituc-global-rights-index-2019-report-en-2.pdf> (2.04.2024).
6. International Trade Union Confederation (ITUC), 2020 ITUC Global Rights Index: The World's Worst Countries for Workers, (12) (ITUC, 2020). URL: https://www.ituc-csi.org/IMG/pdf/ituc_globalrightsindex_2020_en.pdf (2.04.2024).
7. Global rights index, ITUC. URL: <https://www.globalrightsindex.org/en/> (2.04.2024).
8. Pre-Hearing Brief & Request to Appear at the Country Practice. Review of Kazakhstan Regarding Compliance with the Generalized System of Preferences Eligibility Criteria Ustr-2018-0008. Filed by the American Federation of Labor & Congress of Industrial Organizations (AFL-CIO) (June 5, 2018). URL: <https://aflcio.org/sites/default/files/2019-10/AFL-CIO%20Kazakhstan%20Pre-hearing%20Brief.pdf> (2.04.2024).
9. European Parliament resolution on the Human rights situation in Kazakhstan (2019/2610(RSP), European Parliament site. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-8-2019-0203_EN.html (2.04.2024).
10. Rassmotreniye del v otnoshenii Kazahstana Komitetom MKT po primeneniyu mezhdunarodnykh trudovykh standartov (CAS) v 2014-2022 rr. MOT Normlex: URL: <https://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:11110> (2.04.2024).
11. Tragediya v ZHanaozene: tochku stavit' rano? BBC News. Russkaya sluzhba, 27 oktyabrya 2012 g. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2012/10/121026_zhanaosen_conflict (2.04.2024).
12. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan: The Code of the Republic of Kazakhstan dated July 3, 2014 No. 226-V SAM. Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan 2014, No. 13-II, Article 83.
13. The Law of the Republic of Kazakhstan «On Trade Unions» dated June 27, 2014, No. 211-V SAM. Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2014, No. 11, article 66.
14. Svoboda ob»edineniya: sbornik reshenij, prinyatyh Komitetom po svobode ob»edineniya. Shestoe izdanie. Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda, 2018. – 400 s.
15. The Labor Code of the Republic of Kazakhstan: The Code of the Republic of Kazakhstan dated November 23, 2015 No. 414-V SAM // Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan 2015, No. 22-IV, article 151.
16. Ritman M. «My ne vragi»: narusheniya prav rabotnikov v Kazahstane // Human Rights Watch, 24.11.2016. URL: <https://www.hrw.org/ru/report/2016/11/24/296535> (2.04.2024)
17. International Labour Conference Committee on Application of Standards (CAS). Individual Case (CAS) – Discussion: 2017, Publication: 106th ILC session (2017). Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention, 1948 (No. 87) – Kazakhstan.
18. Individual Case (CAS) – Discussion: 2021, Publication: 109th ILC session (2021). Freedom of Association and Protection of the Right to Organise Convention, 1948 (No. 87) – Kazakhstan.
19. Decision of the Zhanaozen City Court in case No. 4718-21-00-2/1354 dated 10/20/2021 Best-profi

20. Resolution of the Appellate instance of the Kostanay Regional Court in case No. 3999-21-00-2a/2598 dated 12/19/2021 Bestprofi.

21. Goldman A., Chapter 23. Settlement of Disputes over Interests and Rights. R. Blanpain (ed.) Comparative Labour Law and Industrial Relations in Industrialized Market Economies. Alpen aan de Rijn: Wolters Kluwer, 2014. P. 828-832.

22. Resolution of the Judicial Board for Civil Cases of the Mangystau Regional Court on the requirements of the labor collective of Karakudukmunai LLP dated 11/15/2023. Not published.

23. Kajsar A., Sorbello P. Podavlennye profsoyuzu: rabochie na protyazhenii mnogih let stalkivayutsya s davleniem, no prodolzhayut borot'sya za svoi prava i social'nyu spravedlivost'. Vlast', 09.08.2022 g., <https://vlast.kz/jekonomika/51142-podavlennye-profsouzy.html> (2.04.2024).

24. Uzbekbaj A. Bastuyushchie rabochie West Oil Software trebuyut rassmotret' ih trebovaniya na rasshirennom zasedanii pravitel'stva. Zabastovka prodolzhaetsya s 11 dekabrya 2023 goda. Vlast', 05.02.2024. <https://vlast.kz/novosti/58743-bastuusie-rabocie-west-oil-software-trebuut-rassmotret-ih-trebovania-na-rassirennom-zasedanii-pravitelstva.html> (2.04.2024).

25. Social Code of the Republic of Kazakhstan: The Code of the Republic of Kazakhstan dated April 20, 2023 No. 224-VII SAM. Kazakhstanskaya Pravda No. 75 (29952), 04/21/2023

26. Lyutov N.L. Platformennaya zanyatost': proekt novoj Direktivy ES i normy Rossii i Kazahstana. Zakon, №10, 2022. P. 72-81. DOI: 10.37239/0869-4400-2022-19-10-72-81.

27. Abzhan M. Andrej Prigor': «Provesti zakonnyu zabastovku – vse ravno chto projti sem' krugov ada». Modern Society Studies Institute, 08.06.2021. <https://mssi.kz/2021/06/08/andrey-prigor'-provesti-zakonnyu-za/> (2.04.2024).

28. Smolin A. Spasti spasatelej: pochemu v Kazahstane profsoyuzu ne reshayut trudovye konflikty? Orda, 01.10.2023. <https://orda.kz/spasti-spasatelej-pochemu-v-kazahstane-profsojuzy-ne-reshajut-trudovye-konflikty-377019/> (2.04.2024).

29. Ishekenova B. V Kazahstane stalo bol'she trudovyh konfliktov: rabotniki nedovol'ny usloviyami i zarplatoj. LS News, 07.12. 2022. <https://lsm.kz/v-kazahstane-proshlo-50-trudovyh-konfliktov> (2.04.2024).

30. Bakpaeva A. V Kazahstane kolichestvo trudovyh konfliktov snizilos' v tri raza – Mintruda // Baige News, 08.12.2023. https://baigenews.kz/v-kazahstane-kolichestvo-trudovyh-konfliktov-snizilos-v-tri-raza-mintruda_165554/ (2.04.2024).

31. Zhusupova A. Pochemu proiskhodit rost social'no-trudovyh konfliktov v Kazahstane? Central Asian Bureau for Analytical Reporting (CABAR), 10.12.2021. <https://cabar.asia/en/why-is-there-an-increase-in-social-and-labor-conflicts-in-kazakhstan> (2.04.2024).

Для цитирования и библиографии: Люттов Н.Л. Свобода объединения в Казахстане: есть ли надежда на сближение с международными трудовыми стандартами? // Право и государство. № 4(105), 2024. – С. 43-53. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_43

Материал поступил в редакцию 16.08.2024.

BETWEEN NATURALISM AND LEGAL INTERPRETATION: MODERN DEBATES ON THE NATURE OF LEGAL REALISM

А.Б. ДИДИКИН,

Doctor of Philosophy, PhD
in Law, Associate Professor,
Higher School of Law, Maqсут
Narikbayev University (Astana,
Republic of Kazakhstan), member
of Aristotelian Society (United
Kingdom), member of American
Philosophical Association
e-mail: a_didikin@kazguu.kz

The relevance of the topic of this paper is due to the insufficient study of the problems of the legal realism in the modern philosophy of law. The problem of substantiating the thesis of the social grounds of the court practice on the basis of rational argumentation of scientists and legal realists arguments considered in the paper. The subject of the research is to analyze the methods of legal argumentation in the works of representatives of the legal realism. The purpose of the work is to theoretically reconstruct the essence of the debate on the nature of legal realism in the field of legal epistemology naturalization. The novelty of the topic is due to the lack of studies in the educational and scientific literature on the specifics of the argumentation of legal realism, set out in the scientific works of Brian Leiter, the need to rethink traditional ideas about the theory of legal realism. The research methods used in the paper is the methods characteristic of analytical jurisprudence, including those related to the use of methods of logical and linguistic analysis, as well as special legal methods (formal legal method of interpretation of regulatory prescriptions). The main conclusions of the paper are to reveal the key arguments of the legal realism conception. It is proved that from the point of view of this concept, the law has social grounds, and judges in some cases use sociological reasoning when making court decisions.

Keywords: legal realism; legal positivism; naturalism; legal interpretation; judicial practice; W. Quine, B. Leiter.

The text of this paper based on the author's report on the Central and Eastern European Network of Jurisprudence Annual Conference (Serbia, Belgrade University, Department of Law, October 11, 2024)

Introduction

Contemporary debates about the naturalization of epistemology in analytical legal philosophy and the possibilities of building a naturalized jurisprudence based on the famous approval of American legal philosopher Brian Leiter about «naturalistic turn» in the legal philosophy: «While each of the major areas of philosophy – meta-ethics, philosophy of language, epistemology, philosophy of science, philosophy of mind – have undergone a naturalistic turn in the last quarter of a century, the Anglo-American philosophy of law remained untouched by this intellectual trend» [10, p. 80]. One of the most significant reasons for the evolution of the legal epistemology in this direction was influenced by the ideas and arguments of classical realism in the legal interpretation of the legal reality and the nature of law as a social phenomenon.

Criticism of traditional jurisprudence in legal realism emphasizes the significant gap between the analysis of the essence of law from the actual practice of judicial and legal decisions in the concepts of legal positivism [2, p. 154]. In addition the popularity of the ideas of the naturalization of legal epistemology

in the second half of the XX century is associated with a number of contradictions in the justification of objectivity and normative nature of law, which allows in the context of traditional philosophical and legal concepts form the idea of a unified and coherent closed system of legal norms capable of providing a comprehensive impact on enforcement practices (Hans Kelsen, Herbert Hart). That concepts of normativism and new positivism in the legal philosophy have undergone the most criticism in modern interpretations of legal realism, since the submission of the law as a coherent system of legal norms did not contribute to the explanation of the boundaries of judicial discretion in decision-making, as well as the reflection of the influence of other social factors on the judicial system. In this aspect concept of «open texture» of law in Hart's conception and concept of ascriptive legal statements considered as methodological tools for modeling and prediction of the practice of the legal rules [15]. However, the complex process of interaction between the legal rules in the classification of legally significant behavior of participants of legal relations, as well as the need to integrate formal procedures in judicial decisions actualize again the issue of developing a new concept of descriptive proceedings.

Materials and Methods

The paper uses the works of famous scientists Brian Leiter, Hans Kelsen, Herbert Hart, Kenneth Himma, as well as other scientific literature on the problems of theory and legal philosophy. The paper uses research methods characteristic of analytical jurisprudence, including those related to the use of methods of logical and linguistic analysis, as well as special legal methods (formal legal method of interpretation of regulatory prescriptions).

Main Provisions

Basis for the formation of the naturalistic approach to legal epistemology are attempts to carry out the analogy between philosophical arguments of W. Quine in his criticism of a priori knowledge and classical epistemology, based on the use of abstract philosophical concepts, as well as the need for justification Quine development of philosophy in the context of the empirical sciences [16]. One of the reasons for the possibility of such an analogy in the legal philosophy has been the convergence argument of legal positivism and legal realism in the justification of the system of legal rules in the structure of the legal system. The content of secondary rules (rule of recognition, rules of changes, decision-making rules) in Hart's conception are the formal requirements and procedures for the preparation and adoption of the legislation, as well as the appointment and definition of the powers of officials of the government.

What is the nature of these rules? If the primary rules perform a regulatory function and are formulated from the practice of the existing legal relationship, then perhaps their empirical support, which can be used by judges to resolve disputes. At the same time secondary rules, such as rules of recognition, enshrined in the Constitution and constitutional laws, are not empirical in legal nature. To recognize their legitimate need to reach a political compromise is usually reflected in the provisions of the Constitution, and officials confirm compliance with such constitutional rights in daily practice. Such a compromise is a factor in the formation of the legal system, but it is treated as a non-legal factor. Without application in practice, as noted by J. Raz, to determine which law is the rule of recognition, it is impossible, but this methodological aspect in the conception of Hart and legal positivism is often ignored as insignificant [17, p. 297].

The draft law is not accidental naturalized epistemology and this positivist argument about secondary rules shall be considered as a manifestation of traditional epistemology in which a priori knowledge is rarely based on empirical data branch jurisprudence as a means to justify the philosophical and scientific conclusions. Hence modeled on the argument Quine's proposal to replace the classical normative theory of law to other descriptive theory, contribute to the successful study of the practices of law enforcement, most fully substantiated in studies of B. Leiter. Legal philosophy in the presentation of B. Leiter in its development should be based on industry jurisprudence both in terms of continuity of knowledge and continuity methods [1, p. 60].

However, the analogy criticized of fundamentalism by Quine in classical epistemology difficult to draw in the legal philosophy. The closest in meaning may be exemplified normativism of H. Kelsen and legal positivism of H. Hart.

In Kelsen's normativism law is a system of legal norms that have a logical hierarchy. Legal provisions are the object of knowledge in law, and their classification is based on the recognition of a priori existing «basic norm», which has supreme legal force. Since the content of the «basic norm» – the basis of the legal order and the functioning of the state, the hypothetical nature of this category cannot find it either in the content of the international conventions, nor in the text of the Constitution. «The basic norm» postulated as existing, but it is a transcendental category, without which the logic of constructing the hierarchy of norms, as well as their application in practice cannot be achieved [6]. Leiter argues that the concept of Kelsen nature of the law determined by the possibility of sanctions laid down in the structure of the legal norm and this representation facilitates the further development of normativism in a naturalistic perspective [12, p. 4]. We cannot agree with such a reconstruction and affirmation, because the main objectives were to develop in normativism «pure theory of law», in which the research methodology of legal reality cannot rely on other methods of science and take into account non-legal factors. In addition the concept of normativist legal qualification and identification of the legal significance of specific actions of the individual allows in some cases successfully explain the nature and application of the law and judicial decisions. Classification of legal rules on general and individual in the context of law enforcement and regulation of legal relations, thus relies on a priori knowledge of the contents of the «basic norm», and at the same time on the legal interpretation of the empirical data and the behavior of the subjects of law. Naturalization of such a concept does not contribute to the increment of scientific knowledge about the nature of law and legal system.

Research Results

Another example of a consideration in terms of naturalized legal epistemology is new Hart's legal positivism. In legal positivism basic concepts and methods have been modified to understanding the problem of correlation of normative and descriptive in the legal system. Hart became the founder of the «linguistic turn» in the legal philosophy, using the ideas of analytic philosophy [4]. At the same time the Hart's legal theory, as Leiter notes, may be disclosed in a naturalistic perspective, because instead of the traditional concepts presented their attempts descriptive description in the light of «ordinary language» and «open texture» law that permits judicial discretion [13, p. 296]. H. Hart admits the possibility of legal gaps and uncertainties content of legal rules that judge take into account when deciding cases. But in this case, the naturalization of epistemology promotes distort the true aims of legal positivism in the legal philosophy on the following grounds.

Firstly, in Hart's conception (including in the context of Raz's arguments) unity of the legal system as a system of primary and secondary rules are provided solely by legal means – the principles of the legislative process when parliament making laws, constitutional legality and the expansion of non-judicial interpretation without taking into account the letter of the law. In this case a priori secondary rules limit judicial discretion and become a benchmark in practice for the development of areas of legislation

Secondly, the epistemological significance of Hart's conception of legal ascriptive statements is that this concept allows to attribute legal significance empirical facts, which is important to prevent judicial arbitrariness and violation of legal principles.

These examples illustrate the uncertainty of the term «naturalism», which has a number of specific values and different areas – legal positivism, legal realism and theories of natural law. In particular the term «legal naturalism» is applicable to the metaphysical concept of natural law, in which the natural law is seen as a manifestation of the laws of nature, or of rational ideas about the natural and imprescriptible human rights. In this case, these classical concepts cannot be naturalized within epistemology, because they are based on the conceptual framework of reasoning and non-empirical methods justify the final conclusions.

However, in the discussion of naturalization of legal epistemology in addition to the spread of Quine's arguments in the legal philosophy, Leiter analyzes attempts to consider the actual practice of justice in the legal realism. The analogy with Quine's thesis of indeterminacy of translation accounted for Leiter in substantiating the thesis of indeterminacy of legal norms and the inability to predict the judgments with the law. Uncertainty characterizing the content of the legal rules relating to the use of legal concepts that are not related to the empirical facts. Hence the need for interpretation of the law when deciding authorities

and courts. Legal realism based on justified rejection of the traditional methods of philosophical and legal grounds on which the judgment is due to analysis of the facts by the judge on the basis of existing law (Hart's conception) that the content of vague and empower judicial discretion [9, p. 281].

Leiter believes that the epistemological basis of legal realism is based on the philosophical concepts of naturalization, when the process of scientific investigation of legal phenomena must be based on empirical data, which may be the real decision-making procedures and practices of the judges and administration activity in the state. That uncertainty boundaries of judicial discretion allows legal realists abandon the standard model of a legal explanation, when the content of the legal norm determines the output of the judge. Instead of the standard model, they formulate a descriptive conception of the judgment serving as a prediction judge's actions in the decision, depending on the social and psychological factors, which are the empirical evidence of the truth of such conception. Thus the theory of law in the future becomes naturalized in a scientifically based theory of judicial decision-making. Leiter notes that «the law, or, more precisely, the theory of judicial decisions is a» naturalized «as becomes a realist section of psychology (or anthropology and sociology)» [7, p. 36].

The analogy with the argument about Quine's epistemology as part of psychology and the need for empirical justification of our beliefs and intuition manifests itself in the assertion of Leiter about fundamental uncertainty of laws. The uncertainty of the law implies a set of equally legitimate to use the methods of interpretation of its provisions, as well as a revision of the assumption of previous court decisions and precedents. If the content of the law does not allow to reliably predict the same court decisions in similar cases, evidence, that according to Leiter you need to explore and find other grounds, allow explaining how judges make their decisions. The traditional legal realist assumption that the judge has unrestricted choice of alternatives when making judgment calls into question the scientific legal prediction and forecasting.

Discussion

What is the basis of judicial discretion and possible predictions? In real jurisprudence judge's discretion in the interpretation of laws can be based on the current economic model, or an attempt to make the best decision in the current socio-economic conditions [3]. Thus naturalized theory of law preserving the traditional conceptual apparatus may use empirical data of the social sciences to study social mechanisms of judicial decisions. This implies that some concepts and terms in the legal field are subject to conceptual analysis that is slightly different from the views of the legal realists and positivist notions of legal reality [5].

However this interpretation of Quine's philosophical arguments and legal realism to justify the naturalistic approach to the legal philosophy is unreasonable. Given that the specific legal cases require interpretation and legal interpretation in different ways the abolition of the judgment on appeal does not mean methodological error of the judge when deciding the cases or scientists in the study of jurisprudence. Moreover the rationale of the judgment or decision of the authority in terms of the legal theory involves not only search and systematization of empirical data but also to study the legal nature of the decision, its legal principles and legal rules that are subject to review by a higher court instance. Relevant principles cannot be reviewed due to the detection of judicial errors and only clarify the content of judicial precedents on which to rely in the future when judge making decisions.

Arguments of legal realists regarding criticism of formalism in law and conform to the edicts of the law also distort the actual practice of legal proceedings, since it is the observance of formalities by all participants of the trial of the law, is the basis for the legal recognition of the judgment and in all other cases entails retrial or cancellation. Thereby streamlining the court decision does not depend on the possible uncertainty of legal rules, and of the search and application of legally significant argument that essentially does not require a naturalization of epistemology in the radical version presented in the Leiter's conception.

Thus the considered building a naturalized epistemology version of law based on the application of Quine's arguments by analogy in the field of philosophy of law can only be used with certain restrictions. Examples of direct application of Quine's arguments to criticize a priori uncertainty and legal rules in the jurisprudence (legal realism) and criticized the traditional positivist epistemology, the question of

the boundaries of judicial discretion (conception of H. Hart), hinder the search for an adequate legal reasoning to support conclusions.

Analyzing the specifics of judicial activity, H. Hart points out, in the first place, the impossibility of applying the descriptive model to the legal statements and further verification of their «truth/falsity». Since the final phase of the legal process is the making of a judicial decision, then its function is not only to determine the truth of the facts («Smith put poison in coffee in wife's cup, and as a result his wife died»), but also in ascription of legal consequences to these facts («Smith is guilty of murder, and court ordered a sentence to him and defined order of its execution») [18].

If the legal activity only refers to the legal qualification of behavior, then it is unclear how the facts support or oppose the legal conclusions. H. Hart describes the judicial decision as a mixture of empirical facts and legal norms. However, he criticizes the model of descriptive legal statements, as the judge's purposes are more complex than simply agreeing on facts, for example, of the necessary and sufficient conditions of the contract conclusion as provided by law. When the judge reviews a contract to establish its legal validity, his function is not to interpret the facts correctly but to recognize the existence of agreement through the accurate qualification of the actions of the parties fulfilling the obligations. Further, «the Treaty exists in the timeless sense of the word 'is' concerning legal decisions» [19]. Thus the judge does not make deductive conclusions because the legal decisions are not based solely on the empirical facts.

In the new positivist interpretation of legal reality, the mechanism of «ascription» is a universal cognitive method that is used to prescribe the ascriptive form to empirical facts that become normative facts afterward and serves to differentiate the legal field from other fields of nature and society. Further, normative facts are embodied in the structure of legal norms (laws, and precedents), and they get the status of legal facts acting as the basis for the origin, change or termination of legal relations. The dismal example provided by H. Hart is the one regarding the different meanings of the statement «he was writing a will». This may refer to the person's physical actions (empirical fact), the performance of a legal act (normative fact), or, if the necessary conditions are met (appropriate citizenship, presence of witnesses, signature of the will, and the record of the testator's death), to a legal fact as the basis of regulation of the relationships by inheritance law.

Conclusion

Thus the versions of the development of the naturalized epistemology of law described above are based on the application of Quine's arguments by analogy in the area of legal philosophy, but with certain limitations. Refusal to comply with formal legal rules turns the process of judicial decision-making and law enactment into a political process due to the influence of ideology and current moral concepts, and prevents the possibility of compliance with legal principles and development of the effective legal system. Thus in the naturalized perspective the uncertainty of law is only increasing.

А.Б. Дидикин, фил.ғ.д., заң ғылымдарының кандидаты, Associate Professor, Жоғары құқық мектебі, Maqsut Narikbayev University (Астана, Қазақстан Республикасы), Аристотель қоғамының мүшесі (Ұлыбритания), американдық философиялық қауымдастықтың мүшесі: Натурализм мен құқықтық интерпретация арасында: құқықтық реализмнің табиғаты туралы заманауи пікірталастар.

Бұл мақала тақырыбының өзектілігі қазіргі заманғы құқық философиясындағы құқықтық реализм мәселелері зерттелуінің жеткіліксіз болуында. Мақалада ғалымдардың ұтымды дәлелдері мен құқықтық реалистердің дәлелдері негізінде сот практикасының әлеуметтік негіздері туралы тезисті негіздеу мәселесі қарастырылады. *Зерттеу пәні* – құқықтық реализм өкілдерінің еңбектеріндегі құқықтық дәлелдеу әдістерін талдау. *Жұмыстың мақсаты* – құқықтық гносеологияны натурализациялау саласындағы құқықтық реализмнің табиғаты туралы пікірталастың мәнін теориялық тұрғыдан қайта құру. Тақырыптың жаңалығы оқу және ғылыми әдебиеттерде Брайан Лейтердің ғылыми еңбектерінде баяндалған құқықтық реализмді дәлелдеу ерекшеліктеріне арналған зерттеулердің болмауына және құқықтық реализм теориясы туралы дәстүрлі идеяларды қайта қарау қажеттілігінің туындауы. Мақалада қолданылатын *зерттеу әдістері* – бұл аналитикалық құқықтануға тән әді-

стер, соның ішінде логикалық және лингвистикалық талдау әдістерін, сондай-ақ арнайы құқықтық әдістерді (нормативтік талаптарды түсіндірудің ресми-құқықтық әдісі) қолдану. *Мақаланың негізгі тұжырымдары* – құқықтық реализм тұжырымдамасының негізгі дәлелдерін ашу болып табылады. Бұл тұжырымдама тұрғысынан заңның әлеуметтік негіздері бар екендігі дәлелденді, және судьялар кейбір жағдайларда сот шешімдерін қабылдау кезінде социологиялық пайымдауды қолданады.

Түйінді сөздер: құқықтық реализм; құқықтық позитивизм; натурализм; құқықтық түсіндіру; сот практикасы; В. Квин, Б. Лейтер.

А.Б. Дидикин, д.фил.н., кандидат юридических наук, Associate Professor, Высшая школа права, Maqсут Narikbayev University (Астана, Республика Казахстан), член Аристотелевского общества (Великобритания), член Американской философской ассоциации: Между натурализмом и юридической интерпретацией: современные дебаты о природе правового реализма.

Актуальность темы данной статьи обусловлена недостаточной изученностью проблем правового реализма в современной философии права. В статье рассматривается проблема обоснования тезиса о социальных основаниях судебной практики на основе рациональной аргументации ученых и аргументов правовых реалистов. Предметом исследования является анализ методов юридической аргументации в работах представителей юридического реализма. Цель работы – теоретически реконструировать суть дискуссии о природе правового реализма в области натурализации правовой эпистемологии. Новизна темы обусловлена отсутствием в учебной и научной литературе исследований, посвященных специфике аргументации правового реализма, изложенной в научных работах Брайана Лейтера, и необходимостью переосмысления традиционных представлений о теории правового реализма. Методы исследования, используемые в статье, – это методы, характерные для аналитической юриспруденции, в том числе связанные с использованием методов логического и лингвистического анализа, а также специальных юридических методов (формально-юридический метод толкования нормативных предписаний). Основные выводы статьи заключаются в раскрытии ключевых аргументов концепции правового реализма. Доказано, что с точки зрения этой концепции закон имеет социальные основания, и судьи в ряде случаев используют социологические рассуждения при принятии судебных решений.

Ключевые слова: правовой реализм; юридический позитивизм; натурализм; юридическая интерпретация; судебная практика; У. Куайн, Б. Лейтер.

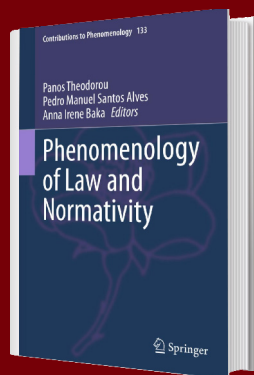
References:

1. Didikin A. *Sovremennye interpretacii naturalizma v analiticheskoy filosofii prava* [Modern Interpretations of Naturalism in Analytic Legal Philosophy]. Journal of Novosibirsk State University. Philosophy. 2008. Vol. 6. № 1. Pp. 59-64.
2. Didikin A., Ogleznev V. *Ontologiya i epistemologiya prava: analiticheskaya tradiciya* [Ontology and Epistemology of Law: Analytic tradition]. Novosibirsk State University Press, 2012.
3. Greenberg M. *Naturalism and Normativity in the Philosophy of Law*. UCLA School of Law. Public Law and Legal Theory Research Paper Series. 2011. № 07-17. Pp. 1-38.
4. Hart H.L.A. *Concept of Law*. Second edition. Oxford University Press, 1994.
5. Himma K.E. *Reconsidering a Dogma: Conceptual Analysis, the Naturalistic Turn, and Legal Philosophy*, Current Legal Issues. Law and Philosophy. 2008. URL: <http://ssrn.com>.
6. Kelsen H. *General Theory of Law and State*. Harvard University Press, 1945.
7. Leiter B. *American Legal Realism*. Public Law and Legal Theory Working Paper. 2002. Vol. 042. Pp. 1-42.
8. Leiter B. *Legal Positivism as a Realist Theory of Law*. The Cambridge Companion on Legal Positivism. Cambridge University Press, 2021. Pp. 79-103.
9. Leiter B. *Legal Realism and Legal Positivism Reconsidered*. Ethics. 2001. № 111. Pp. 278-301.
10. Leiter B. *Naturalism and Naturalized Jurisprudence*. Analyzing Law. Oxford, Oxford University Press, 1999.
11. Leiter B. *Naturalizing Jurisprudence: Essays on American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy*, 2007. 275 p.

12. Leiter B. Naturalizing Jurisprudence: Three Approaches. Public Law and Legal Theory Working Paper. 2008. № 246. Pp. 1-20.
13. Leiter B. Rethinking Legal Realism: Toward a Naturalized Jurisprudence, Texas Law Review. 1997. № 76. Pp. 267-315.
14. Ogleznev V. Konceptual'nyj analiz v filosofii prava: granicy primenimosti [Conceptual analysis in legal philosophy: the limits of applicability]. Schole. Philosophical Ancient Studies and Classical tradition. 2014. Vol. 8. № 2. Pp. 303-312.
15. Quine W.V. Epistemology Naturalized. Quine W.V. Ontological Relativity and other essays. New York University Press, 1969.
16. Quine W.V. From a Logical Point of View. Harvard University Press, Cambridge, 1953.
17. Raz J. Authority, Law and Morality. The Monist. 1985. № 68. Pp. 295-324.
18. Stern K. Mr. Hampshire and Professor Hart on Intention: A Note. Mind. 1959. Vol. 68. № 269. P.98-99
19. Boden M. In Reply to Hart and Hampshire. Mind. 1959. Vol. 68. № 270. P. 256-260.

Для цитирования и библиографии: Didikin A.B. Between Naturalism and Legal Interpretation: Modern Debates on the Nature of Legal Realism // Право и государство. № 4(105), 2024. – С. 54-60. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_54

Материал поступил в редакцию 25.11.2024

НОВЫЕ КНИГИ

Phenomenology of Law and Normativity. Editors Panos Theodorou, Anna Irene Baka, Pedro Manuel Santos Alves. Springer Nature Switzerland AG 2024, – 290 p.

ISBN 978-3-031-68704-4

This work is subject to copyright. All rights are solely and exclusively licensed by the Publisher, whether the whole or part of the material is concerned, specifically the rights of translation, reprinting, reuse of illustrations, recitation, broadcasting, reproduction on microfilms or in any other physical way, and transmission or information storage and retrieval, electronic adaptation, computer software, or by similar or dissimilar methodology now known or hereafter developed.

The use of general descriptive names, registered names, trademarks, service marks, etc. in this publication does not imply, even in the absence of a specific statement, that such names are exempt from the relevant protective laws and regulations and therefore free for general use.

The publisher, the authors and the editors are safe to assume that the advice and information in this book are believed to be true and accurate at the date of publication. Neither the publisher nor the authors or the editors give a warranty, expressed or implied, with respect to the material contained herein or for any errors or omissions that may have been made. The publisher remains neutral with regard to jurisdictional claims in published maps and institutional affiliations.

LEGAL LANGUAGE AS AN IMPORTANT COMPONENT OF LAWYERS' WORK: ISSUES AND APPROACHES TO IMPROVING THE INTERPRETATION OF LEGAL TEXTS

V.V. NOCHEVNAYA,
PhD student, Higher School
of Law, Maqsut Narikbayev
University (Astana, Republic
of Kazakhstan)
e-mail: nochevnayav@gmail.com

This research paper is devoted to the study of the key role of legal language in law enforcement activities, emphasizing its importance for the professional work of lawyers. The complex nature of legal language creates significant difficulties in interpretation, requiring not only a deep knowledge of the language, but also mastery of the basics of legal principles. The paper analyses in detail the multifaceted problems associated with understanding legal language, and proposes methodological approaches aimed at improving the interpretation of legal texts.

Legal language is a central element of law enforcement practice, forming the basis for the professional activity of lawyers. The purpose of the study is to identify the fundamental significance of legal language and its role in the complex area of legal interpretation. The difficulties that lawyers face when analysing legal texts emphasize the need to integrate linguistic and legal knowledge for adequate understanding. The multifaceted nature of legal language is manifested not only in the accuracy of terminology and the use of specialized jargon, but also in historical and contextual factors affecting its content and interpretation.

The study of legal language is an examination of the relationship between language and law – a symbiotic system, a harmonious understanding of which is necessary for the successful interpretation of legal texts. The significance of this relationship is especially obvious in light of the possible consequences of incorrect interpretation, which can lead to legal disputes, judicial errors and weakening of the rule of law. Thus, the article not only focuses on the problems of legal language, but also emphasizes the need to develop lawyers' increased sensitivity to the linguistic and contextual features underlying law enforcement.

An in-depth study of legal language shows that knowledge of the language alone is not enough for its accurate interpretation. Lawyers must be able to work with the uncertainties and ambiguities characteristic of legal texts. Even carefully prepared legal documents may contain elements of ambiguity, creating a risk of different understandings. To analyse this problem, the article examines key precedent cases and academic research to identify the characteristic features of ambiguous language and propose approaches to ensure clarity of legal communication.

The paper does not limit itself to identifying the problems associated with legal language, but also suggests strategic ways to address them. Attention is paid to various methods for improving the interpretation of legal texts, including the integration of language skills into legal education programs and the introduction of simplified language principles into legal writing. Such measures contribute to the improvement of the effectiveness of legal communication and the awareness of lawyers of the evolution of language.

In conclusion the paper presents a systematic study of the features of legal language and its significance in law enforcement practice. The identified problems, difficulties and cognitive aspects of legal language are analysed in the context of their impact on the professional activities of lawyers. The article offers a methodological basis for improving the level of interpretation of legal language, emphasizing its

importance for maintaining justice, strengthening the rule of law and ensuring the effective functioning of legal systems at the global level.

Key words: Legal language, law enforcement, legal interpretation, cognitive biases, linguistic analysis, legal education, plain language, legal communication, natural language processing (NLP), legal texts, ambiguity in law, interdisciplinary approach, legal writing, heuristics, legal technology, blockchain and law, artificial intelligence in law, legal terminology, rule of law, access to justice.

Introduction

Legal language is a complex structure that requires specialized cognitive skills for its adequate interpretation. Lawyers face numerous challenges when analyzing and comprehending legal texts. Among these challenges, cognitive biases are of particular importance, as they have a significant impact on the process of perception and interpretation. Their identification and elimination are the most important tasks for ensuring the objectivity and accuracy of legal activity.

The interpretation of legal language is based on a complex interaction of linguistic competence, professional legal training, and cognitive abilities. Unlike ordinary language, legal texts require the highest degree of precision and careful analysis. Legal activity involves cognitive processes comparable to intellectual gymnastics, where linguistic complexity and legal principles are intertwined into a single whole, requiring specialists to have a deep understanding of statutes, contracts, and court decisions.

Cognitive biases inherent in human thinking significantly affect the interpretation of legal texts. For example, confirmation bias is the tendency to emphasize information that is consistent with existing beliefs, while anchoring bias causes an overreliance on the first piece of information received. Such biases can introduce subjectivity into the process of legal interpretation, which requires their critical analysis.

Confirmation bias can lead to an emphasis on evidence or arguments that correspond to the initial attitudes of the expert, which limits his or her ability to consider alternative interpretations. The anchoring effect, in turn, can cause a disproportionate influence of initial information on subsequent conclusions.

Research by Gerd Gigerenzer, one of the leading scientists in the field of cognitive psychology, sheds light on the concept of heuristics – mental strategies that simplify the decision-making process. In his work “Rationality for Mortals: How People Cope with Uncertainty” (2008) [1, p. 20-45], Gigerenzer argues that heuristics are not irrational shortcuts in thinking, but adaptive strategies that facilitate effective decision making under uncertainty.

Applying Gigerenzer’s ideas to legal interpretation allows lawyers to recognize the role of heuristic processes in their cognitive activity. Understanding such mechanisms forms the basis for a more informed and methodologically sound approach to analyzing legal texts.

Cass Sunstein, a prominent lawyer and behavioral economist, has studied the influence of behavioral mechanisms on decision making. In “The Ethics of Influence: Government in the Age of Behavioral Science” (2016) [2, p. 18-42], Sunstein explores the concept of “nudges” – small changes in the presentation of information that can influence decision making without limiting choice.

In the context of legal interpretation, Sunstein’s ideas draw attention to the ethical aspects of the presentation of information. Legal textual cues, whether conscious or unconscious, influence how lawyers perceive and interpret data. Being aware of these factors contributes to a more meaningful and objective approach to professional practice. [2, p. 78-115]

The process of interpreting legal texts therefore involves the need to overcome cognitive challenges, including the impact of biases. Being aware of and taking these factors into account is fundamental to achieving objectivity and accuracy in legal practice.

Research by scholars such as Gigerenzer and Sunstein provides important interdisciplinary perspectives that contribute to a deeper understanding of the cognitive aspects of legal interpretation. Empirical evidence supports the need to develop strategies to minimize the impact of biases, which together provide a more informed and objective approach to analyzing legal language.

Legal professionals, by integrating this knowledge, can tailor their approaches to interpretation, improving their effectiveness. The use of interdisciplinary approaches, innovative technologies and principles of continuous professional development will allow lawyers to more confidently cope with cognitive difficulties and ensure a high level of analysis of complex legal texts.

Materials and Methods

This paper draws on a variety of sources, including the laws of various jurisdictions (Canada, the USA, Australia, the European Union, New Zealand, Sweden), case law, key scientific works in the field of legal language, and interdisciplinary research in law, linguistics, and technology. Particular attention is paid to the theoretical works of authors, as well as to the analysis of technological innovations, including natural language processing and blockchain.

The methodology of scientific research is based on a combination of general scientific and special methods of cognition, including the dialectical method for analyzing the evolution of legal language, the systemic-structural approach for studying its significance in the process of law enforcement, the functional method for identifying key tasks of interpretation, the comparative legal method for studying international experience, as well as the formal legal method for analyzing regulatory legal acts and judicial practice. The use of an interdisciplinary approach made it possible to reveal the interaction of legal language, cognitive processes and technologies in the context of ensuring fairness and the effectiveness of law enforcement.

Main Provisions

Approaches to improving the interpretation of legal texts

Solving the above-mentioned problems of interpreting legal language requires a comprehensive and multifaceted approach. Legal education plays a key role in this process, as it develops the skills of future specialists to deeply understand legal texts. Using the principles of simplified language when drafting legal documents helps to reduce their semantic ambiguity and increase their accessibility to a wide audience. In addition, modern technological tools, such as natural language processing (NLP), open up new opportunities for analyzing complex texts.

Legal education forms the basis for developing the analytical skills necessary for successfully comprehending legal language. University programs play an important role in developing interpretative competencies in lawyers. Including advanced courses on the interpretation of legal texts in educational programs provides graduates with the ability to work with laws, contracts, and judicial acts at a high level of professionalism.

Duncan Kennedy, in his work "Legal Education and the Reproduction of Hierarchy" (2004) [3, p. 9-144], emphasizes the importance of the transformative potential of legal education, which can form an analytical approach to the interpretation of legal texts. Kennedy emphasizes the importance of critical understanding of the content of legal documents, which allows students to go beyond rote memorization and gain a deeper understanding of the features of legal language.

The principles of plain language, applied in the drafting of legal documents, are an effective strategy for minimizing ambiguity and increasing their accessibility. Legal texts are often characterized by excessive complexity, the use of archaic terms and unnecessary detail. The principles of plain language include simplifying syntactic structures, eliminating professional jargon and formulating texts in such a way that they are understandable not only to lawyers but also to a general audience.

Joseph Kimble, a leading researcher in the field of plain language in law, discusses its practical application in his work "Writing for Dollars, Writing to Please: The Case for Plain Language in Business, Government, and Law" (2012) [4, p. 5-10, 20-22, 37-44]. Kimble argues that clear and understandable communication not only improves ethical standards, but also improves the efficiency of legal work. By using plain language, lawyers can achieve greater comprehension among colleagues and in communication with clients.

The integration of modern technologies, especially natural language processing (NLP) tools, opens up new prospects for analyzing legal texts. These technologies make it possible to automate tasks related to analysis and processing of data, including document review, legal research, and contract analysis. The use of NLP reduces the risk of human error, increases the speed of information processing, and allows for the identification of patterns in the use of legal language [4, p. 103-166].

David Crystal in "Making Sense: The Glamorous Story of English Grammar" (2017) [5, p. 210-217] explores the potential of technology in the field of language analysis, including its application in law. Crystal notes that modern tools based on artificial intelligence provide lawyers with effective means to extract relevant information from large volumes of legal texts.

Examples of practical use of NLP are demonstrated by such platforms as ROSS Intelligence [6] and Casetext [7], which use algorithms to analyze legal documents, providing specialists with more accurate data for decision-making.

An interdisciplinary approach that combines theoretical developments in the field of linguistics and law contributes to a deeper understanding of the linguistic aspects of legal texts. In “Language and Law: Theory and Society” (2008) [8, p. 7-35], Frances Olsen, Alexander Lorz and Dieter Stein explore the relationship between linguistics and jurisprudence, emphasizing the importance of linguistic accuracy for adequately conveying legal intent.

In addition, forensic linguistics, explored in detail in “The Oxford Handbook of Language and Law” (2012) [9, p. 86-99, 128-145, 146-156, 421-434] by Lawrence Solan and Peter Tiersma, examines the use of linguistic analysis methods to solve legal problems. In particular, this approach helps to eliminate ambiguities and reveal hidden meanings in complex legal constructions.

In conclusion, effective interpretation of legal language requires a synthesis of different approaches. Legal education with an emphasis on critical thinking and clarity of presentation creates a foundation for the professional growth of specialists. The application of simplified language principles and the use of modern technologies increase the accessibility and accuracy of interpretation. Interdisciplinary research integrating the achievements of linguistics contributes to a deeper understanding of the cognitive processes associated with legal analysis.

The integrated use of these strategies allows legal professionals to adapt to the challenges associated with the dynamic nature of language and the legal environment, ensuring a high level of professional competence.

Effective implementation of methods to improve the interpretation of legal language

Case studies illustrate the successful implementation of approaches aimed at improving the effectiveness of legal interpretation. Jurisdictions that have implemented initiatives to simplify language, reform the legal education system, and integrate technology into law enforcement provide empirical evidence of their effectiveness.

Plain language initiatives, supported by leading academics and practitioners, aim to simplify legal texts to make them more accessible and understandable to a wide audience. Successful examples of such initiatives demonstrate significant improvements in the transparency and effectiveness of legal communication.

The Canadian province of British Columbia serves as a shining example of the application of plain language principles. The British Columbia Law Institute’s Plain Language Legal Information Project [10] promotes the creation of legal documents that are understandable and accessible to citizens. Empirical evidence from the analysis of the project results confirms the positive impact on the interpretation of legal language.

The Government of Canada is actively promoting plain language standards through the Department of Public Works and Government Services (Public Services and Procurement Canada) [11]. The resources and guidance provided by the department support the implementation of clear communication in government work.

In the United States, the implementation of the Plain Writing Act (2010) [12] initiated the development of the Federal Plain Language Guidelines [13], a set of recommendations aimed at improving the comprehensibility of official documentation. The principles outlined in these guidelines include identifying the needs of the target audience, organizing the text logically, using accessible language, and testing materials for comprehensibility.

The U.S. Federal Plain Language Guidelines are a set of recommendations and best practices designed to make government communications clear and effective. These guidelines were developed to ensure that government information is accessible, understandable, and useful to the general public. The principles of plain language are based on simplicity, clarity, and transparency in presentation, which helps make government materials easier to understand [13, p. 1].

The focus is on identifying and understanding the needs of the target audience, using simple and direct language, presenting information in a logical and structured manner, and clearly indicating the actions the reader needs to take. They also emphasize the importance of using legible fonts and appropriate text sizes, testing communications with representatives of the target audience to ensure their clarity and accessibility. Additionally, the needs of people with disabilities and various needs are taken into account, which helps make materials inclusive [13, p. 2, 6-9, 88].

The guidelines cover a wide range of government materials, including forms, letters, websites, and publications. Federal agencies are actively encouraged to implement plain language principles in their communications practices, which helps improve the public's perception and understanding of government information [13, p. 17-88, 89-99].

The Australian Government has integrated plain language principles into the Australian Government Style Manual [14], a guide to creating clear and consistent government communication. The guide includes recommendations for editing texts, ensuring their accessibility for citizens with disabilities, and rules for the visual design of documents.

The Australian Government Style Guide is a comprehensive document designed to ensure clear and consistent communication across Australian government business. It provides detailed guidance on writing, editing and publishing texts that are focused on ensuring that information is accessible, accurate and understandable to a wide range of audiences [14].

The guide emphasises the digital environment, recognising the growing role of online communication. It provides guidance on creating content that is suitable for use on websites and other digital platforms, which meets the modern requirements for the presentation of government information.

An important part of the guide is the emphasis on using plain English, free of unnecessary jargon and complex structures. This approach is aimed at increasing the transparency and understandability of government communications, which is consistent with the principles of effective engagement with citizens [14].

The document covers grammar and punctuation, ensuring consistency and accuracy in writing. In addition, attention is paid to the creation of accessible materials, including those intended for people with disabilities. The guide provides recommendations on how to adapt the text for people with visual or cognitive impairments [14].

Particular attention is paid to visual design, including advice on the choice of fonts, colour schemes and document structure, which contributes to the clarity and ease of perception of the information presented.

The Guide is regularly updated to reflect changes in language use, technological advances and modern communication standards. This makes it a key tool for ensuring effective and accessible government communication [14].

Within the European Union, the "Clear Writing for Europe" [15] project aims to promote clear and understandable texts produced by European Commission institutions. Particular attention is paid to eliminating linguistic confusion in a multilingual environment, ensuring consistency and accuracy across languages.

Initiatives by the European Union to promote multilingualism in legal texts provide a valuable case study. The use of multiple languages in legal practice poses unique challenges to the interpretation of legal norms, and the European Union has developed strategies to ensure clarity and consistency across all language versions of legal documents. Examining the impact of these strategies provides valuable guidance for jurisdictions facing similar challenges related to linguistic diversity.

New Zealand has developed the WriteMark Plain Language Standard [16], which assesses and certifies documents for their compliance with clear language principles. The standard encourages organisations to produce accessible and understandable texts, demonstrating their commitment to effective communication.

New Zealand organisations can voluntarily certify their documents to the WriteMark Plain Language Standard. The certification process involves a comprehensive assessment of the language used in documents to ensure that it meets the principles of clear and simple writing [16].

The WriteMark Standard places a premium on using clear, concise and easy-to-understand language. It encourages the avoidance of jargon, complex terminology and confusing sentences that can make information difficult to understand. Like other plain language initiatives, the WriteMark Standard is

user-focused. It emphasises the importance of considering the expectations and characteristics of the target audience, ensuring that communication is tailored to make it more accessible and usable. The WriteMark Standard also addresses accessibility considerations, including formatting, font selection and other features that make materials more readable for people with different abilities [16].

Organisations that successfully achieve WriteMark Plain Language certification receive a certification mark that demonstrates their commitment to clear and effective communication. This mark may be used on documents and materials to demonstrate their commitment to high standards of information transfer and efforts to improve accessibility [16].

Sweden, through the Public Service Management Agency [17], is implementing plain language initiatives to simplify interactions between the government and citizens.

The integration of technology into law enforcement shows the potential to revolutionise the analysis and interpretation of legal texts. Technological tools such as the Westlaw [18] and LexisNexis [19] platforms use natural language processing algorithms to simplify legal research, automate document analysis and improve the accuracy of extracting relevant information.

Thus, real-world examples of successful implementation of methods to improve the interpretation of legal language provide a valuable empirical basis for further study. Jurisdictions that promote initiatives to simplify language, improve legal education, and integrate technology demonstrate significant potential for creating a more accessible and fair legal environment.

Analysis of these cases is important for developing strategies aimed at improving law enforcement practices. Synthesizing interdisciplinary knowledge based on the experience of successful jurisdictions contributes to the creation of innovative approaches that ensure clarity, transparency, and fairness of legal language.

Research Results

Prospects for development and recommendations

The current transformations of the legal profession demonstrate a growing need to improve the interpretation of legal language. The evolution of language requires that research in this area occupy a central place in linguistic and legal research. Future research could focus on the intersections of linguistics and law, the analysis of new language trends, the impact of cultural shifts on legal language, and the evolution of legal terminology.

Of particular relevance are studies devoted to the linguistic aspects of new areas of law, such as artificial intelligence (AI) and environmental law. These areas provide an opportunity to study how developing technologies and global challenges shape legal language. Interdisciplinary collaboration between linguists, lawyers, and technology specialists can contribute to the creation of AI tools for processing legal language based on linguistic analysis.

The future of legal language interpretation is directly related to technological innovations. The continued advancement of natural language processing (NLP), machine learning, and artificial intelligence technologies offers opportunities to create highly effective tools that can facilitate the analysis of legal texts.

“Legal Tech, Smart Contracts, and Blockchain” by Marcelo Corales, Mark Fenwick, and Helena Haapio (2019) [20, p. 1-15, 253-272] highlights the transformative impact of technology on legal practice and the interpretation of legal language. The book examines the implications of blockchain and smart contracts, emphasizing the need for lawyers to adapt to technological changes.

The integration of blockchain technologies into the legal field provides a unique approach to understanding decentralized systems and their impact on legal language. “Blockchain and the Law: The Rule of Code” by Primavera de Filippi and Aaron Wright (2018) [21, p. 13-58, 193-204] analyzes the legal aspects of blockchain, emphasizing the importance of understanding the linguistic features of new technologies.

Legal education must transform itself to prepare future professionals for new challenges in language interpretation. Including courses on linguistic analysis, the use of AI in law, and the ethical aspects of technology in the curriculum will help prepare students for the changing linguistic and technological landscape. It is recommended to introduce modules on critical thinking about legal language to provide a deeper understanding of its evolution.

Continuous learning and professional development are necessary for lawyers to stay abreast of the latest developments in linguistics and technology. Seminars, online courses, and trainings on legal language interpretation contribute to the development of skills and strengthening of professional competencies.

Resources provided by platforms such as the Legal Writing Institute (LWI) [22] and the Plain Language Association International (PLAIN) [23] offer training programs aimed at developing effective legal communication skills. Participation in these programs allows lawyers to improve their interpretive skills and stay up to date with best practices.

Policy initiatives play an important role in creating conditions for improving legal language interpretation. Developing clear guidelines for the use of plain language in legal documents, supporting technological developments, and integrating linguistic analysis into educational programs are key areas of public policy.

The future of legal language interpretation depends on the interaction of linguists, lawyers, technologists, educators, and policymakers. Research into the nuances of language, technological developments, and the adaptation of legal practice to modern challenges will determine the trajectory of the field.

The use of interdisciplinary approaches, the study of global practices, and an emphasis on lifelong learning will allow the legal community to successfully adapt to the dynamic changes in the field of language and technology. Policy initiatives that support innovation and accountability in the interpretation of legal language can create favorable conditions for the development of a more accessible and fair legal space.

The legal profession, responding to the challenges of the times, must remain committed to improving the interpretation of language. The dynamics of the interaction of language, law and technology require a proactive and flexible approach. The joint efforts of specialists will make it possible to create a legal language that will become more accessible, understandable and relevant to the modern demands of society, thereby strengthening the fairness and effectiveness of communication in the legal field.

Conclusion

Legal language is a complex phenomenon characterized by both structural and substantive challenges. Its specificity, based on a high degree of precision and contextual certainty, requires in-depth analysis that goes beyond traditional linguistic understanding. Lawyers, performing the functions of interpreters of legal texts, face a wide range of problems, including semantic ambiguity and the need to take into account the dynamics of linguistic changes, which requires the use of adaptive and theoretically grounded approaches.

The key problem is the risk of misinterpretation due to the complexity of legal terminology and the contextual dependence of legal language. Fundamental precision of presentation often leads to the complication of texts, which complicates their perception and interpretation. This circumstance indicates the need for continuous improvement of legal writing practices aimed at achieving a balance between the clarity of wording and their substantive rigor.

Language evolution, in turn, creates additional challenges, as legal texts must adapt to changing social conditions and new concepts. The legal profession finds itself at the intersection of two trends: preserving legal traditions and integrating modern realities. An effective solution to this problem requires a systematic approach to updating the legal language to ensure compliance with new social norms and values.

To improve the quality of legal text interpretation, it is necessary to implement comprehensive strategies. Legal education plays a central role in this process, as it should develop competencies in linguistic analysis and interpretation methods in future professionals. Maintaining high professional training is possible through an emphasis on developing clear and structured writing skills, as well as an understanding of the patterns of language evolution.

Technological innovations such as natural language processing and artificial intelligence tools provide significant opportunities for improving the interpretation of legal texts. These tools not only facilitate the analysis of complex linguistic structures, but also help to identify potential sources of uncertainty, which increases the consistency and predictability of legal documentation.

In conclusion legal language as a fundamental tool for the professional activity of lawyers, requires a systematic and interdisciplinary approach to its study and improvement. Solving problems related to the accuracy of wording, adaptation to the dynamics of language and integration of technologies will allow creating more accessible and understandable legal texts. This, in turn, will strengthen the transparency and effectiveness of law enforcement practice.

Achieving these goals is possible only through continuous interaction between lawyers, scientists and technology developers. Joint efforts to study linguistic features, introduce innovations and improve educational standards will create the basis for the formation of a legal environment in which legal language will become a more understandable and reliable tool in ensuring justice.

В.В. Ночевная, Maqсут Narikbayev University Жоғары заң мектебінің докторанты (Астана, Қазақстан Республикасы): Заңи тіл – заңгерлер жұмысының маңызды бөлігі: құқықтық мәтіндерді түсіндіруді жақсарту мәселелері мен тәсілдері.

Бұл ғылыми мақала заңи тілдің құқық қолдану қызметіндегі шешуші рөлін зерттеуге арналған және оның заңгерлердің кәсіби қызметі үшін маңыздылығын ерекше атап көрсетеді. Құқықтық тілдің күрделі табиғаты оны түсіндіруде елеулі қиындықтар туғызады, бұл тек тілді терең меңгеруді ғана емес, сонымен қатар құқықтық принциптердің негіздерін түсінуді талап етеді. Мақалада заңи тілді түсінуге байланысты көпқырлы мәселелер жан-жақты талданып, заң мәтіндерін түсіндіруді жақсартуға бағытталған әдістемелік тәсілдер ұсынылаған.

Заңи тіл – заңгерлердің кәсіби қызметінің негізін құрайтын құқық қолдану тәжірибесінің орталық элементі. Зерттеудің мақсаты – заңи тілдің негізгі мәнін және оның құқықтық түсіндірудің күрделі саласындағы рөлін анықтау. Заңгерлер заң мәтіндерін талдау барысында кездесетін қиындықтар оларды лайықты деңгейде түсіну үшін лингвистикалық және құқықтық білімдерді біріктіру қажеттілігін көрсетеді. Заңи тілдің көпқырлылығы терминологияның нақтылығы мен арнайы жаргондардың қолданылуынан ғана емес, оның мазмұны мен түсіндірілуіне әсер ететін тарихи және контекстік факторлардан да көрінеді.

Заңи тілді зерттеу – бұл тіл мен құқық арасындағы өзара байланысты талдау, заң мәтіндерін дұрыс түсіндіру үшін үйлесімді түсінік қажет ететін симбиотикалық жүйе. Осы байланыстың маңыздылығы, әсіресе, дұрыс түсіндірмеудің құқықтық дауларға, сот қателіктеріне және заң үстемдігінің әлсіреуіне әкелуі мүмкін салдар тұрғысынан айқын көрінеді. Осылайша, мақала заңи тілдің мәселелеріне ғана тоқталып қоймай, сонымен қатар заңгерлердің құқық қолдану негізінде жатқан тілдік және контекстік ерекшеліктерге деген сезімталдығын арттыру қажеттілігіне ерекше назар аударады.

Заңи тілді терең зерттеу оның дәл түсіндірілуі үшін тек тілді білу жеткіліксіз екенін көрсетеді. Заңгерлер заң мәтіндеріне тән белгісіздікпен, түсініксіздіктермен жұмыс жасауды үйренуі керек. Тіпті мұқият дайындалған құқықтық құжаттардың өзінде әртүрлі түсінікке әкелетін екіұштылық элементтері болуы мүмкін. Бұл мәселені талдау үшін мақалада негізгі прецеденттер мен академиялық зерттеулер қарастырылып, түсініксіз тілдің сипаттамалық белгілері анықталады және құқықтық қатынастардың анықтығын қамтамасыз ету жолдары ұсынылады.

Мақалада заң тілімен байланысты мәселелерді анықтаумен шектелмей, оларды шешудің стратегиялық жолдары да ұсынылаған. Әсіресе, заң мәтіндерін түсіндірудің әртүрлі әдістеріне, соның ішінде заңгерлік білім беру бағдарламаларына тілдік дағдыларды енгізу және құқықтық жазбаға оңайлатылған тіл принциптерін қолдану мәселесіне назар аударылады. Мұндай шаралар құқықтық қатынастардың тиімділігін арттыруға және заңгерлердің тілдің эволюциясы туралы хабардарлығын арттыруға ықпал етеді.

Қорытындылай келе, мақала заң тілінің ерекшеліктері мен оның құқық қолдану тәжірибесіндегі маңыздылығын жүйелі түрде қарастырады. Құқықтық тілдің анықталған мәселелері, қиындықтары мен когнитивтік аспектілері олардың заңгерлердің кәсіби қызметіне әсер ету контекстінде талданады. Мақалада заңи тілдің түсіндірме деңгейін арттырудың әдістемелік негіздері ұсынылып, оның әділеттілікті сақтау, заң үстемдігін нығайту және әлемдік деңгейде құқықтық жүйелердің тиімді жұмыс істеуін қамтамасыз етудегі маңыздылығы атап көрсетіледі.

Түйінді сөздер: Заңи тіл, құқық қолдану қызметі, құқықтық түсіндіру, когнитивтік бейтараптық, тілдік талдау, заңгерлік білім беру, оңайлатылған тіл, құқықтық коммуникация, табиғи тілді өңдеу (NLP), құқықтық мәтіндер, құқықтағы анықсыздық, пәнаралық тәсіл, заңи жазба, эвристика, құқықтық технологиялар, блокчейн және құқық, құқықтағы жасанды интеллект, құқықтық терминология, құқық үстемдігі, әділетке қолжетімділік.

В.В. Ночевная, докторант, Высшая школа права, Maqsut Narikbayev University (Астана, Республика Казахстан): Юридический язык как важная составляющая работы юриста: проблемы и подходы к улучшению интерпретации юридических текстов.

Данная исследовательская статья посвящена изучению ключевой роли юридического языка в юридической деятельности, подчеркивая его важность для профессиональной деятельности юристов. Сложная природа юридического языка создает значительные трудности при толковании, требуя не только глубокого знания языка, но и владения основами правовых принципов. В статье подробно анализируются многогранные проблемы, связанные с пониманием юридического языка, и предлагаются методические подходы, направленные на совершенствование толкования юридических текстов.

Юридический язык является центральным элементом правоприменительной практики, составляя основу профессиональной деятельности юристов. Целью исследования является выявление основополагающего значения юридического языка и его роли в сложной сфере юридического толкования. Трудности, с которыми сталкиваются юристы при анализе юридических текстов, подчеркивают необходимость интеграции лингвистических и юридических знаний для адекватного понимания. Многогранность юридического языка проявляется не только в точности терминологии и использовании специализированного жаргона, но и в исторических и контекстуальных факторах, влияющих на его содержание и толкование. Изучение юридического языка представляет собой изучение взаимосвязи языка и права – симбиотической системы, гармоничное понимание которой необходимо для успешного толкования юридических текстов. Значимость этой взаимосвязи особенно очевидна в свете возможных последствий неправильного толкования, которые могут привести к правовым спорам, судебным ошибкам и ослаблению верховенства права. Таким образом, статья не только фокусируется на проблемах юридического языка, но и подчеркивает необходимость развития у юристов повышенной чувствительности к лингвистическим и контекстуальным особенностям, лежащим в основе правоприменения.

Углубленное изучение юридического языка показывает, что одного знания языка недостаточно для его точного толкования. Юристы должны уметь работать с неопределенностями и двусмысленностями, характерными для юридических текстов. Даже тщательно подготовленные юридические документы могут содержать элементы двусмысленности, создавая риск различного понимания. Для анализа этой проблемы в статье рассматриваются ключевые прецедентные случаи и научные исследования с целью выявления характерных черт двусмысленного языка и предложения подходов к обеспечению ясности юридической коммуникации.

Статья не ограничивается выявлением проблем, связанных с юридическим языком, но и предлагает стратегические пути их решения. Уделяется внимание различным методам совершенствования толкования юридических текстов, включая интеграцию языковых навыков в программы юридического образования и внедрение принципов упрощенного языка в юридическое письмо. Такие меры способствуют повышению эффективности юридической коммуникации и осведомленности юристов об эволюции языка.

В заключение в статье представлено системное исследование особенностей юридического языка и его значения в правоприменительной практике. Выявленные проблемы, трудности и когнитивные аспекты юридического языка анализируются в контексте их влияния на профессиональную деятельность юристов. В статье предлагается методологическая основа для совершенствования уровня толкования юридического языка, подчеркивая его важность для поддержания правосудия, укрепления верховенства права и обеспечения эффективного функционирования правовых систем на мировом уровне.

Ключевые слова: Юридический язык, правоприменительная деятельность, юридическая интерпретация, когнитивные предвзятости, лингвистический анализ, юридическое образование, упрощенный язык, юридическая коммуникация, обработка естественного языка (NLP), юридические тексты, неопределенность в праве, междисциплинарный подход, юридическое письмо, эвристики, правовые технологии, блокчейн и право, искусственный интеллект в праве, юридическая терминология, верховенство закона, доступ к правосудию.

References:

1. Gerd Gigerenzer. *Rationality for Mortals: How People Cope with Uncertainty*. Oxford University Press, 2008.
2. Cass R. Sunstein. *The Ethics of Influence: Government in the Age of Behavioral Science*. Cambridge University Press, 2016.
3. Duncan Kennedy. *Legal Education and the Reproduction of Hierarchy*. New York University Press, 2004, P. 9-144.
4. Joseph Kimble. *Writing for Dollars, Writing to Please: The Case for Plain Language in Business, Government, and Law*. Carolina Academic Press, 2012.
5. David Crystal. *Making Sense: The Glamorous Story of English Grammar*. Oxford University Press, 2017.
6. ROSS Intelligence AI. URL: <https://blog.rossintelligence.com> (25.11.2024).
7. Casetext AI. URL: <https://casetext.com> (25.11.2024).
8. Frances Olsen, Alexander Lorz, Dieter Stein. *Law and Language: Theory and Society*. Dusseldorf University Press, 2008.
9. Lawrence M. Solan, Peter M. Tiersma. *The Oxford Handbook of Language and Law*. Oxford University Press, 2012.
10. British Columbia Law Institute, Canada. URL: <https://www.bcli.org> (25.11.2024).
11. Public Services and Procurement Canada. URL: <https://www.canada.ca/en/public-services-procurement.html> (25.11.2024).
12. Plain Writing Act, USA, 2010. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-111publ274/pdf/PLAW-111publ274.pdf> (25.11.2024).
13. Federal Plain Language Guidelines, USA, 2011. URL: <https://www.plainlanguage.gov/media/FederalPLGuidelines.pdf> (25.11.2024).
14. Australian Government Style Manual (digital edition since 2020). URL: <https://www.stylemanual.gov.au> (25.11.2024).
15. Clear writing for Europe, European Union. URL: https://commission.europa.eu/about-european-commission/departments-and-executive-agencies/translation/clear-writing-europe_en (25.11.2024).
16. WhiteMark Plain Language Standard, New Zeland. URL: <https://writemark.co.nz> (25.11.2024).
17. Swedish Agency for Public Management URL: <https://www.government.se/government-agencies/swedish-agency-for-public-management--statskontoret/> (25.11.2024).
18. Westlaw. URL: <https://legal.thomsonreuters.com/en/westlaw> (25.11.2024).
19. LexisNexis. URL: <https://www.lexisnexis.com/en-us/gateway.page> (25.11.2024).
20. Marcelo Corrales, Mark Fenwick, Helena Haapio. *Legal Tech, Smart Contracts, and Blockchain*. Springer, 2019.
21. Primavera De Filippi, Aaron Wright. *Blockchain and the Law: The Rule of Code*. Harvard University Press, 2018.
22. Legal Writing Institute. URL: <https://www.lwionline.org> (25.11.2024).
23. Plain Language Association International. URL: <https://plainlanguageenetwork.org> (25.11.2024).

Для цитирования и библиографии: Nochevnaya V.V. Legal language as an important component of lawyers' work: issues and approaches to improving the interpretation of legal texts // *Право и государство*. № 4(105), 2024. – С. 61-70. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_61

Материал поступил в редакцию 18.11.2024.

DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_71

УДК 340

ГРНТИ 10.19.01

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ПОДХОДА К РЕГУЛИРОВАНИЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

И.А. ФИЛИПОВА,
к.ю.н., доцент, руководитель
Центрально-Азиатского
исследовательского центра
регулирования искусственного
интеллекта, Самаркандский
государственный университет
(Узбекистан, г. Самарканд)
e-mail: irinafilipova@yandex.ru

А.Р. АХАТОВ,
д.тех.н., профессор,
проректор по международному
сотрудничеству, Самаркандский
государственный университет
(Узбекистан, г. Самарканд)
e-mail: irossu@samdu.uz

З.О. КУВАНДИКОВ,
к.ю.н., доцент,
доцент кафедры специальных
дисциплин юридического
факультета, Самаркандский
государственный университет
(Узбекистан, г. Самарканд)
e-mail: kuvandikov67@mail.ru

Вопросы, касающиеся правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, сегодня обсуждаются политиками, представителями бизнеса, учеными, это связано с быстрым развитием данной группы цифровых технологий и расширяющимся применением их на практике. Подходом, вызывающим наиболее пристальный интерес, стал подход к регулированию искусственного интеллекта, вырабатываемый Европейским Союзом. Предметом настоящего исследования являются особенности европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта, одни из которых способствуют совершенствованию европейского законодательства и повышают шансы на заимствование европейского опыта за пределами Европейского Союза, другие препятствуют этому. Цель работы – выделить преимущества европейского подхода и его недостатки, определить, насколько сильны первые и насколько устранимы вторые. Основным методом, используемым в процессе проведения исследования, был формально-логический метод, наряду с которым применялись также описательный, сравнительно-правовой и системный методы. Результаты исследования обладают научной новизной, демонстрируя не только черты европейского подхода, выгодно отличающие его от других подходов или, наоборот, ослабляющие его конкурентность, но и причины формирования этих особенностей, что позволяет прийти к выводам о положительных в целом перспективах данного подхода на будущее.

Ключевые слова: искусственный интеллект; технологии искусственного интеллекта; искусственная интеллектуальная система; правовое регулирование; право ЕС; Регламент ЕС об искусственном интеллекте; европейский подход; модель регулирования; горизонтальное регулирование; риск-ориентированный подход.

Введение

Искусственный интеллект является наиболее востребованной на практике и быстро развивающейся группой цифровых технологий – это утверждение справедливо практически для любой страны мира. Распространение продуктов на основе искусственного интеллекта в образовании и здравоохранении, в бизнесе, государственном управлении и иных областях требует создания правового регулирования, отвечающего новым реалиям, поэтому регулирование искусственного интеллекта стоит на повестке дня во многих странах и объединениях стран.

В 2017 г. Европейским парламентом была одобрена первая резолюция [7], касающаяся правового регулирования в отношении «умных» роботов, то есть роботов, дополненных искусственным интеллектом, которые способны автономно принимать решения, при этом в состоянии обучаться чему-то новому. На протяжении последующих нескольких лет количество резолюций Европарламента, относящихся к документам так называемого «мягкого права» и посвященных непосредственно искусственному интеллекту, значительно увеличилось, а вопрос о необходимости создания норм права, учитывающих стремительный рост в использовании искусственного интеллекта, практически не исчезал из дискуссии до 2021 г., когда на рассмотрение в Европейский парламент был внесен законопроект об искусственном интеллекте [19].

Обсуждение законопроекта и его согласование в органах Европейского Союза длилось несколько лет, только в 2024 г. после внесения множественных поправок данный законопроект был принят и стал Регламентом об искусственном интеллекте [21], вступившим в силу с 1 августа 2024 г. Данный документ является первым в мире законом, направленным на регулирование широкого круга вопросов в сфере искусственного интеллекта. Принятые ранее законы или подзаконные нормативные правовые акты таких стран как Китай, Южная Корея касаются гораздо более узкого круга вопросов, тем самым Европейский Союз претендует на роль первопроходца в создании комплексного правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, и стремится «протоколкнуть» установленные в законе положения в том числе за пределы Европейского Союза в качестве общемировых стандартов.

Разумеется, внимание не только европейских, но и иностранных исследователей к этой теме в последние годы только возрастало, а после принятия Регламента об искусственном интеллекте это внимание стало еще более пристальным, так как страны Европейского Союза превратились в своеобразную площадку эксперимента, от успешности или неуспешности которого во многом зависит развитие правового регулирования искусственного интеллекта во всем мире.

Среди европейских ученых, анализирующих происходящие в данной области явления, можно выделить автора одной из первых книг, посвященных «праву роботов» [18], профессора Туринского университета Уго Пагалло [16, 17], а также исследователей из других научных центров, расположенных на территории Европейского Союза – Федерико Касароса (Европейский университет, Флоренция) [2], Натали Смуха (Католический университет Левена) [25], Мартина Эберса (Тартуский университет) [5], Павла Ксенжака (Лодзинский университет) [13] и т.д. К «внешним» по отношению к Европейскому Союзу исследователям можно отнести британских правоведов Майкла Вила (Университетский колледж Лондона) [27], Филипе Ромеро-Морено (Университет Хартфордшира) [24], Иеремию Адамс-Прасля (Оксфордский университет) [1], исследователей из американского Института Брукингса [14, 22] и т.д.

Основные положения

Европейский Союз претендует на мировое лидерство в создании правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, при этом европейский законодатель старается сформировать нормативно-правовое регулирование искусственного интеллекта, насколько это возможно, оперативно и в то же время качественно, охватывая максимально широкий круг вопросов. Особенно-

стью подхода является планомерная разработка Европейским Союзом комплексной политики по ужесточению контроля за искусственным интеллектом в целях защиты человека и его прав. Речь идет о формировании законодательства на основе жестких этических правил, которые призваны обеспечить защиту человека, его прав и свобод в приближающемся AI-driven world, то есть в мире, который будет управляться с помощью искусственного интеллекта. Европейским подходом демонстрируется модель регулирования, основанная на фундаментальных ценностях, и ставящая во главу угла алгоритмическую безопасность, в результате чего создаваемая в Европе правовая база устанавливает правила разработки и распространения искусственного интеллекта, ограничивающие возможности разработчиков и дистрибьюторов.

Будет ли европейский подход воспринят законодателями разных стран мира, правотворческими органами межгосударственных объединений? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, сначала стоит обратить внимание на основные моменты, определившие формирование европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта, а потом выделить его главные достоинства и недостатки, «взвесив» которые, можно будет получить ответ на интересующий многих вопрос.

Материалы и методы

Подготовка статьи сопровождалась обращением к широкому кругу источников научного характера, в первую очередь, речь идет о статьях и книгах авторов, представляющих европейские школы права, обращением непосредственно к тексту Регламента об искусственном интеллекте, а также к текстам иных нормативных правовых актов, в частности тех, с которыми указанный документ сравнивается.

При проведении исследования использованы как материалы, размещенные в свободном доступе в сети «Интернет», так и материалы, о которых стало известно благодаря возможности участия в летних школах по тематике искусственного интеллекта и права, например, в летней школе Европейского университета.

Основным методом исследования является формально-логический метод, позволяющий авторам классифицировать рассматриваемые явления социально-правового характера, приходиться к определенным умозаключениям и аргументировать свою позицию, обосновывая сделанные выводы. Кроме того, в процессе работы использовались описательный, сравнительно-правовой и системный методы, что дало возможность понять, почему подход Европейского Союза к регулированию искусственного интеллекта сформировался именно таким образом.

Результаты исследования

1. Формирование европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта: причинно-следственные связи

Европейский подход к регулированию искусственного интеллекта складывался в рамках парадигмы европейских ценностей, в основу которой положен приоритет прав человека. Соответственно задачей, поставленной перед европейским законодателем, было обеспечение безусловного антропоцентризма подхода, его направленности на эффективную защиту человека и его прав в цифровизирующемся мире. Это означает, что на пути создания новых моделей искусственного интеллекта, искусственных интеллектуальных систем новых поколений и на пути вывода их на рынок устанавливается ряд ограничений, обусловленных необходимостью охраны прав и интересов человека. Свидетельства этого можно увидеть еще в момент обсуждения проекта первой резолюции 2017 г., упоминавшейся выше и касавшейся возможности признания за «умными» роботами статуса электронного лица. В парламентском докладе, подготовленном группой специалистов по поручению Комитета по правовым вопросам Европарламента [16] перед дискуссией по будущей резолюции, указывалось, что придание субъектности «умным» роботам не будет соответствовать интересам человека.

Именно обеспокоенность изменением положения человека в мире будущего иллюстрирует позиция европейского законодателя. Это подтверждается длинным перечнем опубликованных после 2017 г. программных документов, в частности: Коммюнике «Искусственный интеллект для Европы» от 25 апреля 2018 г. [3], «Согласованный план по искусственному интеллекту» от 7 декабря

2018 г. [4], «Руководство по этике для надежного искусственного интеллекта» от 8 апреля 2019 г. [6], «Белая книга искусственного интеллекта: европейский подход к совершенству и доверию» от 19 февраля 2020 г. [28] и многих других. В перечисленных документах программного характера подчеркивается крайняя важность сохранения антропоцентризма в связи со стремительным развитием искусственного интеллекта и перечисляются обязательные требования, которым должны соответствовать создаваемые разработчиками модели искусственного интеллекта. Они должны учитывать фундаментальные права людей и основываться на этических принципах подконтрольности человеку, прозрачности, отсутствия дискриминации и т.д. «Белая книга искусственного интеллекта» впервые формулирует и выносит на общественное обсуждение подход к развитию искусственного интеллекта, нацеленный на создание экосистемы, позволяющей обеспечить надежное и безопасное развитие искусственного интеллекта при полном уважении ценностей и прав граждан. В этом же документе предложена изначально бинарная структура деления систем искусственного интеллекта с выделением высоко- и низкорисковых систем и учетом этого при регулировании.

В издаваемых в тот период актах «мягкого права» – резолюциях Европарламента неоднократно отмечалось, что во избежание дробления единого европейского рынка необходимо сформировать на общеевропейском пространстве согласованную нормативно-правовую базу в сфере искусственного интеллекта, поэтому базовый акт должен иметь наиболее строгую форму (регламент), а не относительно более мягкую (директива).

Антропоцентризм определил жесткость формируемого подхода, когда человек и его права не могут «отодвигаться в сторону» ради скорости развития искусственного интеллекта и вывода продуктов с искусственным интеллектом на европейский рынок. В итоге предложенный в апреле 2021 г. законопроект (проект Регламента об искусственном интеллекте) подобно «Белой книге искусственного интеллекта» базировался на оценке уровня рисков, выделяя вместо двух уже четыре группы риска: неприемлемый, высокий, умеренный и минимальный. Критериями для определения уровня рисков являлись область и характер использования искусственного интеллекта. Так, в группу неприемлемого риска были включены системы искусственного интеллекта, которые представляют угрозу безопасности граждан и их правам, в том числе системы, позволяющие правительству проводить «социальную оценку» и биометрическую идентификацию в общественных местах, а в группу высокого риска – системы искусственного интеллекта, используемые в критической инфраструктуре, здравоохранении, образовании и профессиональной подготовке, влияющей на доступ к рабочим местам, деятельности правоохранительных органов и т.д. К третьей группе (умеренного риска) отнесены менее опасные модели искусственного интеллекта, при использовании которых люди вправе знать о том, что они взаимодействуют с системой искусственного интеллекта, а не с человеком, и, наконец, четвертая группа минимального риска охватывает большинство используемых на практике систем искусственного интеллекта, включая интеллектуальные спам-фильтры, видеоигры с элементами искусственного интеллекта, которые можно использовать без ограничений.

За время, потребовавшееся на доработку проекта и согласование позиций различных органов Европейского Союза, ситуация в сфере искусственного интеллекта изменилась из-за резкого скачка в развитии генеративного искусственного интеллекта и выделения сегмента базовых моделей искусственного интеллекта. В окончательном тексте Регламента об искусственном интеллекте, принятом в 2024 г., появились нормы, регулирующие разработку, внедрение и использование базовых моделей или моделей искусственного интеллекта общего назначения, к которым применяются более строгие требования, чем к иным моделям соответствующей группы риска – высокого или умеренного. Базовые модели – это модели, обученные на больших объемах данных и используемые в различных продуктах на основе искусственного интеллекта, тем самым, они предполагают широкий спектр вариантов использования. Кроме того, в главе 5 Регламента об искусственном интеллекте названы условия отнесения модели искусственного интеллекта общего назначения к моделям с системным риском (то есть риском, увеличивающимся вместе с возможностями модели, который может возникнуть на протяжении всего жизненного цикла модели, на который влияют условия ее использования, в том числе не по назначению, а также уровень автономности модели), а это предполагает еще более строгое регулирование через возложение дополнительных обязанностей на поставщиков подобных моделей.

В итоге вступивший в силу 1 августа 2024 г. Регламент об искусственном интеллекте (большинство положений которого начнут применяться только после окончания двухлетнего переходного периода) «основан на четырех различных уровнях риска: минимальный риск, высокий риск, неприемлемый риск и определенный риск прозрачности. Он также вводит специальные правила для моделей искусственного интеллекта общего назначения» [8], как указано на сайте Европейской комиссии, посвященном стратегии формирования цифрового будущего Европы.

Цели, преследуемые Регламентом об искусственном интеллекте, обозначены прямо в его статье 1: совершенствование функционирования внутреннего рынка за счет единой правовой базы, действие внедрению ориентированного на человека и надежного искусственного интеллекта.

Итак, европейский подход к правовому регулированию искусственного интеллекта является наиболее хорошо сформированным на сегодняшний день, что, с учетом присущей европейскому законодателю последовательности в его создании, позволяет выделить основные черты данного подхода: антропоцентризм, риск-ориентированность и комплексность регулирования. Названные особенности помогут разобрать преимущества и недостатки рассматриваемого подхода.

2. Преимущества европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта

Чтобы выделить преимущества европейского подхода, следует сравнить его с иными подходами, которые к настоящему моменту сформированы, точнее относительно сформированы, потому что, как уже упоминалось выше, подход Европейского Союза по степени проработанности, безусловно, опережает иные страны и регионы мира. Для сравнения лучше взять подходы государств – мировых лидеров по уровню развития искусственного интеллекта (США) и по темпам развития искусственного интеллекта (Китай). Каждый упомянутый лидер по данному показателю является первым или вторым в обеих категориях, соответственно, именно это те субъекты, конкуренцию с которыми Европейский Союз хотел бы выиграть, если бы имел такую возможность. По уровню и темпам развития искусственного интеллекта Европейский союз отстает от США и Китая, но по степени разработанности правового регулирования в этой сфере опережает их. Тем самым, первым преимуществом европейского подхода становится его «первопроходчество», в силу чего иные страны и мировое сообщество начинают изучать европейский опыт, обсуждать его и «примерять на себя», проектируя собственное законодательство в этой области.

В силу того, что европейский подход более проработан, он обладает комплексностью, предусматривая «горизонтальное» регулирование, где один нормативный правовой акт охватывает широкий круг вопросов. Положения данного акта распространяются практически на все виды искусственного интеллекта и почти на все области, в которых он используется, исключение составляют военная сфера, национальная безопасность и системы искусственного интеллекта, специально разработанные и введенные в эксплуатацию исключительно для научных исследований до момента их вывода на рынок. Комплексный характер регулирования может быть назван преимуществом, для сравнения, подходы США и Китая гораздо более фрагментарны. Так, для Китая характерно отраслевое (секторальное) или «вертикальное» регулирование, когда принимаются многочисленные акты, каждый из которых устанавливает правила по достаточно узкому кругу вопросов, а государственные органы могут вводить множество исключений подзаконными актами. Подход США к регулированию искусственного интеллекта проработан еще меньше, чем китайский, демонстрируя крайнюю фрагментарность. В отличие от Европейского Союза, где принят единый закон, направленный на регулирование сферы искусственного интеллекта, и от Китая, где действует несколько подзаконных актов и обсуждается проект закона, в США пока наличествует «лоскутное одеяло» из документов программного характера и различных нормативных правовых актов, ни один из которых не содержит норм, позволяющих говорить об относительной сформированности правового регулирования в этой сфере. Нормативная неопределенность сохраняется при большом количестве законопроектов, вносимых в Конгресс США и регулярно отклоняемых им.

Риск-ориентированность европейского подхода позволяет проводить четкую градацию в регулировании отношений с присутствием моделей и систем искусственного интеллекта в зависимости от уровня рисков, что способствует упорядоченности. Согласно тексту предисловия к Регламенту

об искусственном интеллекте (пункт 27), подход, основанный на оценке рисков, является основой для пропорционального и эффективного набора обязательных правил. В пункте 2 статьи 3 Регламента об искусственном интеллекте уточняется, что «риск» означает сочетание вероятности возникновения вреда и серьезности этого вреда. Риск-ориентированность европейского подхода как точка отталкивания при создании правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, несомненно, является преимуществом. Это подтверждается положениями некоторых документов, касающихся регулирования искусственного интеллекта и в США, к примеру «Дорожной карты искусственного интеллекта» с конкретными действиями, направленными на согласование подходов Европейского Союза и США, основанных на оценке рисков [9]. Об этом же свидетельствует и текст статьи 43 проекта Закона КНР об искусственном интеллекте [29], устанавливающей более строгий надзор за базовыми моделями искусственного интеллекта, что говорит о заимствовании положительного европейского опыта Китаем.

Если приоритетность защиты прав человека, даже в ущерб скорости развития искусственного интеллекта, считать достоинством, дающим людям ощущение относительной безопасности перед лицом неумолимо надвигающейся эпохи искусственного интеллекта, то можно назвать это еще одним преимуществом европейского подхода. Европейский Союз последовательно выступает приверженцем создания среды, в которой технологии искусственного интеллекта должны «уважать» человеческое достоинство, права человека и «заслуживать» доверия людей.

3. Недостатки европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта

Антропоцентризм европейского подхода и последовательность, с которой этот принцип воплощается в нормах европейского законодательства об искусственном интеллекте, отражается на степени жесткости европейского подхода, отличающей его от более гибкого китайского. Китай же, несмотря на признание первичности этических правил как фундаментальной основы для правового регулирования искусственного интеллекта и декларирования приоритета прав человека, что соответствует общим принципам, провозглашенным на уровне ООН, делает акцент на стимулировании инноваций при одновременном обеспечении государственного контроля за технологиями. Как следствие, хотя итеративность в определенной мере присуща обоим подходам, и европейскому, и китайскому, но за счет прагматизма властей возможностей у Китая здесь значительно больше, чем у Европейского Союза. С учетом высоких темпов развития технологий искусственного интеллекта и быстрым изменением ситуации, умеренная гибкость подхода выглядит предпочтительней жесткости.

Секторальность или «вертикальность» китайского подхода к регулированию искусственного интеллекта и отсутствие нормативно-правового акта, комплексно регулирующего всю сферу, повышают оперативность реагирования на изменения. Государственные органы Китая обычно быстро отвечают на технологические вызовы и издают документ, включающий общие принципы, давая понять разработчикам, инвесторам и пользователям как относиться к соответствующей технологии. Впрочем, разработка проекта китайского закона об искусственном интеллекте позволяет спрогнозировать некоторую корректировку подхода Китая и появление «горизонтальности» в регулировании искусственного интеллекта, приближающей китайский подход к европейскому. Тем не менее, гибкость китайского подхода сохранится и в случае принятия такого закона, прежде всего в силу того, что модель, выстраиваемая на основе китайского подхода, в большей степени ориентирована на продвижение инноваций ради национальных и общественных благ [23, р. 81], а права отдельной личности имеют меньшее значение. В этом контексте становится понятным, почему по китайскому законодательству «социальная оценка» граждан на основе технологий распознавания лиц вполне допустима [10, р. 61].

В сравнении с китайским подходом, европейский подход не обладает такой степенью оперативности регулирования. Законодательство Европейского Союза дольше обсуждается и согласовывается в рамках переговорного процесса, в котором задействованы все 27 государств – членов Европейского Союза. Китай, будучи единым государством, причем унитарным государством, не имеющим в своем составе субъектов федерации, принимает законы и подзаконные акты в сфере

искусственного интеллекта существенно быстрее. Благодаря этому, Китай смог опередить Европейский Союз и ввести в действие нормативные правовые акты, регулирующие отдельные вопросы в сфере искусственного интеллекта [20].

Итак, если европейскому подходу присущи «горизонтальность», жесткость регулирования, то китайский подход является изначально «вертикальным», гибким и в силу этого более расположенным к трансформациям. Причем, европейский и китайский подходы при всей их разности можно признать последовательными, а вот подход США в этом смысле отличается, дело в том, что базирующиеся в США IT-гиганты способны влиять на государство больше чем в Китае, а в Европе нет таких IT-гигантов, правда, американские корпорации пытаются влиять и на политику Европейского Союза в области регулирования искусственного интеллекта.

В теории можно выделить три основных модели регулирования искусственного интеллекта:

– модель, основанная на горизонтальном подходе (комплексное регулирование, примером чего может служить закон, регулирующий использование искусственного интеллекта в целом, подобно европейскому);

– модель, основанная на секторальном, отраслевом подходе (узком регулировании, пока предпочитаемом Китаем, где регулирование искусственного интеллекта осуществляется в рамках отдельных секторов, по ограниченному кругу вопросов);

– модель, основанная на саморегулировании, где регулирование осуществляется самими участниками рынка искусственного интеллекта.

Из трех перечисленных выше моделей, IT-гиганты предпочитают последнюю, чем сильно тормозят формирование американского законодательства в сфере искусственного интеллекта, но зато поддерживают темп развития технологий. В то время как Европейский Союз проводит политику поступательного ужесточения контроля за искусственным интеллектом в целях защиты человека и его прав, создавая барьеры, мешающие производителям и поставщикам, вследствие чего снижается желание инвесторов вкладываться в новые европейские проекты в данной сфере.

Несмотря на жесткость европейского подхода и на выделение группы моделей искусственного интеллекта неприемлемого риска, сбор данных о людях, привлечших внимание правоохранительных органов, с помощью интеллектуальных систем наблюдения не исключается. Согласно Регламенту об искусственном интеллекте при условии предварительного разрешения суда и по строго определенным спискам преступлений в общедоступных местах допустимо использование систем биометрической идентификации. Их использование должно быть ограничено во времени и месте, осуществляться лишь в целях поиска жертв преступления, предотвращения конкретной террористической угрозы или идентификации лица, подозреваемого в совершении тяжкого преступления. Такое ограничение не снимает возражений сторонников полного запрета биометрической идентификации, ведь тем самым Регламент об искусственном интеллекте позволяет правоохранительным органам собирать биометрические данные граждан в режиме реального времени для того, чтобы использовать их постфактум, а это препятствует гарантиям, что граждане не станут «ходячими удостоверениями личности» [11].

Обсуждение

На основании результатов исследования можно выделить ряд черт, присущих европейскому подходу к регулированию искусственного интеллекта, в сравнении с иными, формирующимися в мире подходами. Европейским Союзом предпринимается попытка распространить данный подход и за пределами «европейского контура», вопрос в том, насколько успешной она окажется, как много стран последуют в том же направлении, что и Европейский Союз, при создании собственного правового регулирования. Представляется, что европейский подход к регулированию искусственного интеллекта обладает рядом очевидных преимуществ, увеличивающих шансы на подобную рецепцию, в то же время, присущие подходу «минусы» будут препятствовать восприятию европейского регулирования в качестве образца.

Среди преимуществ – «горизонтальность» регулирования, позволяющая системно регулировать отношения в рассматриваемой сфере, а также его риск-ориентированность, позволяющая отталкиваться от уровня рисков и от области применения искусственных интеллектуальных си-

стем. Обе названные черты европейского подхода повышают степень упорядоченности в создаваемом регулировании, тем самым обеспечивая выполнение задач, ожидаемых от законодательства. В сторону «горизонтальности» регулирования начинает склоняться Китай, со временем к этому же придут США, Великобритания и другие страны, некоторые из которых уже изначально формируют свое законодательство, ориентируясь на европейский опыт.

При всем консерватизме европейский подход будет эволюционировать, к примеру, уже в ходе переговоров по согласованию проекта Регламента об искусственном интеллекте Франция, Германия и Италия пролоббировали смягчение ограничений на искусственный интеллект общего назначения и добились ряда компромиссов, включая отказ от предполагавшегося внесения всех систем искусственного интеллекта общего назначения в группу высокого риска.

«Внешние» по отношению в Европейскому Союзу исследователи соглашаются с тем, что, хотя сфера действия Регламента об искусственном интеллекте «в первую очередь ограничена Европейским Союзом, ожидается, что закон может стать стандартом на глобальном уровне, подобно Общему регламенту по защите данных (GDPR)», правда, «субъекты бизнеса с меньшей вероятностью будут выражать обеспокоенность по поводу развития искусственного интеллекта и с большей вероятностью будут отдавать предпочтение инновациям, а не защите» [26, р. 218], поэтому законодателям, ведущим работу над созданием регулирования в сфере искусственного интеллекта, придется балансировать, учитывая интересы и бизнес-субъектов.

Заключение

В завершение следует еще раз подчеркнуть, что европейский подход к регулированию искусственного интеллекта обладает рядом несомненных преимуществ, среди которых степень его сформированности к настоящему моменту (она выше, чем у иных подходов, поэтому привлекает внимание субъектов правотворчества во всем мире и располагает к заимствованию), горизонтальность регулирования, отчасти связанная со степенью проработанности подхода (она позволяет комплексно урегулировать отношения в рамках достаточно стройной системы), и его риск-ориентированность, разумной альтернативы которой пока не предложено ни одним другим государством или объединением государств. Данные преимущества Европейский Союз будет стараться развивать.

Что касается недостатков, присущих европейскому подходу, то главным из них является то, что для ускоренного развития искусственного интеллекта и внедрения инноваций законодательство не должно создавать лишних барьеров, мешающих производителям и поставщикам, в то время как Европейский союз осуществляет политику планомерного ужесточения контроля за искусственным интеллектом в целях защиты человека и, тем самым, устанавливает новые барьеры, ощутив снижение желание инвесторов вкладываться в новые проекты в этой сфере на европейском пространстве.

Тем не менее, в рамках европейского подхода создана и будет продолжаться совершенствоваться модель регулирования, основанная на фундаментальных ценностях, ставящая превыше всего безопасность искусственного интеллекта для людей и поэтому способная оказывать влияние на дальнейшее развитие правового регулирования искусственного интеллекта во всем мире.

Финансирование

Исследование выполнено в рамках реализации проекта программы Erasmus + Jean Monnet «Регулирование искусственного интеллекта: европейский подход для Центральной Азии» (проект 101124510 – AIREA-CA – ERASMUS-JMO-2023-HEI-TCH-RSCH).

И.А. Филипова, з.ғ.к., доцент, Самарқанд мемлекеттік университетінің Жасанды интеллектті реттеу жөніндегі Орталық Азия ғылыми орталығының жетекшісі (Өзбекстан, Самарқанд); А.Р. Ахатов, т.ғ.д., профессор, Самарқанд мемлекеттік университетінің халықаралық ынтымақтастық жөніндегі проректоры (Өзбекстан, Самарқанд); З.О. Кувандиқов, з.ғ.к., доцент, Өзбекстан Самарқанд мемлекеттік университетінің заң факультетінің арнайы пәндер кафедрасының доценті (Өзбекстан, Самарқанд): Жасанды интеллектті реттеудегі еуропалық тәсілдің оң және теріс жақтары.

Жасанды интеллект саласындағы құқықтық реттеу мәселелерін қазіргі уақытта саясаткерлер, бизнес өкілдері және ғалымдар цифрлық технологиялардың осы санатының жедел ілгерілеуіне және олардың тәжірибеде кеңінен таралуына байланысты талқылауда. Ең көп қызығушылық тудырған тәсіл – жасанды интеллектті реттеу үшін Еуропалық Одақ әзірлеген әдіс. Бұл зерттеудің пәні жасанды интеллектті реттеудегі еуропалық көзқарастың ерекшеліктері болып табылады. Осы ерекшеліктердің кейбірі еуропалық заңнаманы жетілдіруге ықпал етеді және Еуропалық Одақтан тыс еуропалық тәжірибені алу мүмкіндігін арттырады. Керісінше, басқа мүмкіндіктер бұған жол бермейді. Бұл жұмыстың мақсаты – ЖИ реттеудегі еуропалық тәсілдің артықшылықтары мен кемшіліктерін түсіндіру. Атап айтқанда, бұл жұмыс артықшылықтардың салыстырмалы беріктігін және кемшіліктерді жою мүмкіндігін анықтауға бағытталған. Бұл зерттеуде қолданылған негізгі әдістеме – формальды-логикалық әдіс, ол қосымша әдістерді қолданумен толықтырылды, атап айтқанда, сипаттамалық, салыстырмалы-құқықтық және жүйелік. Зерттеу нәтижелері бар ғылыми әдебиеттерге екі бағытта ықпал етеді. Біріншіден, олар еуропалық тәсілдің ерекшеліктерін көрсетеді, оны басқа тәсілдерден ажыратады және керісінше, оның бәсекеге қабілеттілігі төмен болуы мүмкін аймақтарды анықтайды. Екіншіден, олар осы белгілердің қалыптасу себептері туралы түсінік береді, бұл осы тәсілдің болашақ мүмкіншіліктері туралы болжам жасауға мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект; жасанды интеллект технологиясы; жасанды интеллект жүйесі; құқықтық реттеу; ЕО құқығы; Жасанды интеллект туралы Ереже; Еуропалық көзқарас; реттеу моделі; көлденең реттеу; тәуекелге негізделген тәсіл.

I.A. Filipova, PhD, Associate Professor, Head of the Central Asian Research Center for Artificial Intelligence Regulation, Samarkand State University (Uzbekistan, Samarkand); A.R. Akhatov, Dr. Sci. Tech., Professor, Vice Rector for International Cooperation, Samarkand State University (Uzbekistan, Samarkand); Z.O. Kuvandikov, PhD, Associate Professor, Department of Special Disciplines, Law Faculty, Samarkand State University (Uzbekistan, Samarkand): Pros and cons of the European approach to regulating artificial intelligence.

The issues pertaining to legal regulation in the domain of artificial intelligence are currently being deliberated by politicians, business representatives, and scientists in light of the accelerated advancement of this category of digital technologies and their growing deployment in practice. The approach that has generated the most interest is the one developed by the European Union for regulating artificial intelligence. The subject of this study is the features of the European approach to the regulation of artificial intelligence. Some of these features contribute to the improvement of European legislation and increase the chances of borrowing European experience outside the European Union. Conversely, other features prevent this from occurring. The objective of this paper is to elucidate the advantages and disadvantages of the European approach to AI regulation. In particular, this paper aims to determine the relative strength of the advantages and the remediability of the disadvantages. The primary methodology employed in this research was the formal-logical approach, complemented by the application of additional methods, namely descriptive, comparative-legal, and systematic. The results of the study contribute to the existing scientific literature in two ways. First, they demonstrate the features of the European approach, distinguishing it from other approaches and, conversely, identifying areas where it may be less competitive. Second, they provide insights into the reasons for the formation of these features, which allows us to make predictions about the future prospects of this approach.

Keywords: artificial intelligence; artificial intelligence technology; artificial intelligent system; legal regulation; EU law; Artificial Intelligence Act; European approach; regulatory model; horizontal regulation; risk-based approach.

Список литературы:

1. Adams-Prassl J. Regulating algorithms at work: Lessons for a 'European approach to artificial intelligence'. *European Labour Law Journal*. 2022. Vol. 13. Iss. 1. P. 30–50.
2. Casarosa F. Cybersecurity certification of Artificial Intelligence: a missed opportunity to coordinate between the Artificial Intelligence Act and the Cybersecurity Act. *International Cybersecurity Law Review*. 2022. Vol. 3. P. 115–130.

3. Communication Artificial Intelligence for Europe, 25.04.2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-artificial-intelligence-europe> (accessed: 08.08.2024).
4. Coordinated Plan on Artificial Intelligence, 07.12.2018. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/publication/coordinated-plan-artificial-intelligence-com2018-795-final_en (08.08.2024).
5. Ebers M., Hoch V.R.S., Rosenkranz F., Ruschemeier H., Steinrötter B. The European Commission's Proposal for an Artificial Intelligence Act – A Critical Assessment by Members of the Robotics and AI Law Society (RAILS). J – Multidisciplinary Scientific Journal. 2021. Vol. 4. P. 589–603.
6. Ethics guidelines for trustworthy AI, 08.04.2019. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (08.08.2024).
7. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (08.08.2024).
8. European approach to artificial intelligence. Shaping Europe's digital future. European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (08.08.2024).
9. EU-U.S. Terminology and Taxonomy for Artificial Intelligence, May 31, 2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eu-us-terminology-and-taxonomy-artificial-intelligence> (08.08.2024).
10. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China. Journal of Digital Technologies and Law. 2024. Vol. 2. Iss. 1. P. 46–73.
11. Holbrook L. The EU Artificial Intelligence Act and its Human Rights Limitations. April 11, 2023. URL: <https://ohrhr.law.ox.ac.uk/the-eu-artificial-intelligence-act-and-its-human-rights-limitations/> (08.08.2024).
12. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (08.08.2024).
13. Księżak P. Artificial Intelligence and the Dawn of Cyborg Law Key Legal Challenges for Private Law in the Era of Human Augmentation. Warszawa. Allerhand Publishing. 2024. 77 p.
14. Meltzer J., Telemans A. The European Union AI Act: Next steps and issues for building international cooperation. Brookings Institution. Policy brief, 2022. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/05/FCAI-Policy-Brief_Final_060122.pdf (08.08.2024).
15. Nevejans N. Règles européennes de droit civil en robotique. Étude. Bruxelles: Departement thematique C: Droits des citoyens et affaires constitutionnelles, 2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU%282016%29571379_FR.pdf (08.08.2024).
16. Pagallo U. Dismantling Four Myths in AI & EU Law Through Legal Information 'About' Reality. In: Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law. Springer. 2023. P. 251–261.
17. Pagallo U., Sciolla J.C., Durante M. The environmental challenges of AI in EU law: lessons learned from the Artificial Intelligence Act (AIA) with its drawbacks. Transforming Government: People, Process and Policy. 2022. Vol. 16. Iss. 3. P. 359-376.
18. Pagallo U. The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media. 2013. 200 p.
19. Proposal for a Regulation of The European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts COM/2021/206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (08.08.2024).
20. Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/> (08.08.2024).
21. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (08.08.2024).

22. Renda A. et al. Should the UN govern global AI? Brookings Institution, 2024. URL: <https://www.brookings.edu/articles/should-the-un-govern-global-ai/#:~:text=Any%20such%20approach%20to%20global,for%20global%20governance%20of%20AI.> (08.08.2024).
23. Roberts H., Cowls J., Hine E., Morley J., Wang V., Taddeo M., Floridi L. Governing artificial intelligence in China and the European Union: Comparing aims and promoting ethical outcomes. *The Information Society*. 2023. Vol. 39. Iss. 2. P. 79–97.
24. Romero-Moreno F. Generative AI and deepfakes: a human rights approach to tackling harmful content. *International Review of Law, Computers & Technology*. 2024. Vol. 39. Iss. 2. P. 1–30.
25. Smuha N.A. From a ‘race to AI’ to a ‘race to AI regulation’: regulatory competition for artificial intelligence. *Law, Innovation and Technology*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 57–84.
26. Tallberg J., Lundgren M., Geith J. AI regulation in the European Union: examining non-state actor preferences. *Business and Politics*. 2024. Vol. 26. Iss. 2. P. 218–239.
27. Veale M., Borgesius F.Z. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act. *Computer Law Review International*. 2021. Vol. 22. Iss. 4. P. 97–112.
28. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust, 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (08.08.2024).
29. 人工智能法（示范法）1.0》（□家建□稿）.URL:<https://mp.weixin.qq.com/s/85D8TjMkN9Tl-oWjq15JiQ>(08.08.2024).

References:

1. Adams-Prassl J. Regulating algorithms at work: Lessons for a ‘European approach to artificial intelligence’. *European Labour Law Journal*. 2022. Vol. 13. Iss. 1. P. 30–50.
2. Casarosa F. Cybersecurity certification of Artificial Intelligence: a missed opportunity to coordinate between the Artificial Intelligence Act and the Cybersecurity Act. *International Cybersecurity Law Review*. 2022. Vol. 3. P. 115–130.
3. Communication Artificial Intelligence for Europe, 25.04.2018. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/communication-artificial-intelligence-europe> (accessed: 08.08.2024).
4. Coordinated Plan on Artificial Intelligence, 07.12.2018. URL: https://ec.europa.eu/knowledge4policy/publication/coordinated-plan-artificial-intelligence-com2018-795-final_en (08.08.2024).
5. Ebers M., Hoch V.R.S., Rosenkranz F., Ruschemeier H., Steinrötter B. The European Commission’s Proposal for an Artificial Intelligence Act – A Critical Assessment by Members of the Robotics and AI Law Society (RAILS). *J – Multidisciplinary Scientific Journal*. 2021. Vol. 4. P. 589–603.
6. Ethics guidelines for trustworthy AI, 08.04.2019. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (08.08.2024).
7. European Parliament Resolution of 16 February 2017 with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2013(INL)). URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P8-TA-2017-0051+0+DOC+XML+V0//EN> (08.08.2024).
8. European approach to artificial intelligence. Shaping Europe’s digital future. European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/european-approach-artificial-intelligence> (08.08.2024).
9. EU-U.S. Terminology and Taxonomy for Artificial Intelligence, May 31, 2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/eu-us-terminology-and-taxonomy-artificial-intelligence> (08.08.2024).
10. Filipova I.A. Legal Regulation of Artificial Intelligence: Experience of China. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. Vol. 2. Iss. 1. P. 46–73.
11. Holbrook L. The EU Artificial Intelligence Act and its Human Rights Limitations. April 11, 2023. URL: <https://ohrh.law.ox.ac.uk/the-eu-artificial-intelligence-act-and-its-human-rights-limitations/> (08.08.2024).
12. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (08.08.2024).
13. Księżak P. Artificial Intelligence and the Dawn of Cyborg Law Key Legal Challenges for Private Law in the Era of Human Augmentation. Warszawa. Allerhand Publishing. 2024. 77 p.

14. Meltzer J., Tielemans A. The European Union AI Act: Next steps and issues for building international cooperation. Brookings Institution. Policy brief, 2022. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/05/FCAI-Policy-Brief_Final_060122.pdf (08.08.2024).

15. Nevejans N. Règles européennes de droit civil en robotique. Étude. Bruxelles: Département thématique C: Droits des citoyens et affaires constitutionnelles, 2016. URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU%282016%29571379_FR.pdf (08.08.2024).

16. Pagallo U. Dismantling Four Myths in AI & EU Law Through Legal Information 'About' Reality. In: *Multidisciplinary Perspectives on Artificial Intelligence and the Law*. Springer. 2023. P. 251–261.

17. Pagallo U., Sciolla J.C., Durante M. The environmental challenges of AI in EU law: lessons learned from the Artificial Intelligence Act (AIA) with its drawbacks. *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2022. Vol. 16. Iss. 3. P. 359–376.

18. Pagallo U. *The Laws of Robots: Crimes, Contracts, and Torts* (Law, Governance and Technology Series). Springer Science & Business Media. 2013. 200 p.

19. Proposal for a Regulation of The European Parliament and of the Council Laying Down Harmonised Rules on Artificial Intelligence (Artificial Intelligence Act) and Amending Certain Union Legislative Acts COM/2021/206 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELEX%3A52021PC0206> (08.08.2024).

20. Provisions on the Administration of Deep Synthesis Internet Information Services. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/deep-synthesis/> (08.08.2024).

21. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj> (08.08.2024).

22. Renda A. et al. Should the UN govern global AI? Brookings Institution, 2024. URL: <https://www.brookings.edu/articles/should-the-un-govern-global-ai/#:~:text=Any%20such%20approach%20to%20global,for%20global%20governance%20of%20AI.> (08.08.2024).

23. Roberts H., Cowls J., Hine E., Morley J., Wang V., Taddeo M., Floridi L. Governing artificial intelligence in China and the European Union: Comparing aims and promoting ethical outcomes. *The Information Society*. 2023. Vol. 39. Iss. 2. P. 79–97.

24. Romero-Moreno F. Generative AI and deepfakes: a human rights approach to tackling harmful content. *International Review of Law, Computers & Technology*. 2024. Vol. 39. Iss. 2. P. 1–30.

25. Smuha N.A. From a 'race to AI' to a 'race to AI regulation': regulatory competition for artificial intelligence. *Law, Innovation and Technology*. 2021. Vol. 13. Iss. 1. P. 57–84.

26. Tallberg J., Lundgren M., Geith J. AI regulation in the European Union: examining non-state actor preferences. *Business and Politics*. 2024. Vol. 26. Iss. 2. P. 218–239.

27. Veale M., Borgesius F.Z. Demystifying the Draft EU Artificial Intelligence Act. *Computer Law Review International*. 2021. Vol. 22. Iss. 4. P. 97–112.

28. White Paper on Artificial Intelligence: A European approach to excellence and trust, 19.02.2020. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (08.08.2024).

29. 人工智能法（示范法）1.0》（□家建□稿）.URL:<https://mp.weixin.qq.com/s/85D8TjMkN9Tl-oWjQ1q5JiQ> (08.08.2024).

Для цитирования и библиографии: Филипова И.А., Ахатов А.Р., Кувандиков З.О. Плюсы и минусы европейского подхода к регулированию искусственного интеллекта // *Право и государство*. № 4(105), 2024. – С. 71–82. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_71

Материал поступил в редакцию 08.08.2024

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО: ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ*

Г-П КАЛЛИЕС,

доктор права, профессор
юридического факультета
Бременского университета,
(Бремен, Германия)
e-mail: callies@uni-bremen.de

Статья современного немецкого правоведа Гральфа-Петера Каллиеса, профессора юридического факультета Бременского университета (Германия) и одного из ведущих европейских специалистов в области международного частного права, посвящена анализу понятия транснационального права, под которым автор понимает особую правовую категорию, выходящую за рамки национальных и международных правовых систем и объединяющую механизмы регулирования, включающие как частные, так и публичные нормы. Транснациональное право возникло в ответ на растущие трансграничные взаимодействия и роль негосударственных акторов, таких как транснациональные корпорации и международные организации. Разработка концепции транснационального права была инициирована Филипом С. Джессапом в середине XX века, когда традиционные правовые системы уже не могли эффективно регулировать глобализирующиеся отношения. На основе его теории впоследствии сформировались различные подходы, актуализирующие роль частных субъектов и альтернативных механизмов разрешения споров, таких как международный арбитраж. В результате транснациональное право стало гибридной системой, включающей нормы, созданные как государственными, так и частными субъектами. Несмотря на широкое

применение норм транснационального права, вопросы легитимности и подотчетности частного правотворчества остаются важными темами современных дискуссий, требующими новых механизмов легитимации в условиях глобализации.

Ключевые слова: транснациональное право, глобализация, негосударственные акторы, международные организации, транснациональные корпорации, частное нормотворчество, международный арбитраж, легитимность, правотворчество, правоприменение.

Введение

Транснациональное право представляет собой институциональную основу для регулирования трансграничных взаимодействий как государственных, так и негосударственных субъектов. В отличие от национального и международного права, ограниченных территориальными рамками, транснациональное право объединяет специализированные функциональные режимы, включающие частные (нормы, альтернативное разрешение споров, социальные санкции) и публичные (законы, суды, правоприменение) инструменты управления. При этом публичные механизмы зачастую выходят за пределы национальных юрисдикций.

Основные положения

Термин «транснациональное право» давно является предметом научных споров. Впервые он был предложен Филипом С. Джессапом в его одноименной серии лекций 1956 года в Йельской

© Г-П Каллиес, 2024

*Перевод с нем. и англ. выполнен д.ф.н., профессором В. В. Оглезневым.

Перевод публикуется впервые и с согласия автора.

школе права [10]. Хотя само слово «транснациональный» уже использовалось ранее, на что сам Джессап обращает внимание, он впервые связал его с правовыми нормами, регулирующими действия, происходящие за пределами национальных границ. До середины XX века право рассматривалось исключительно в контексте национальных государств, а суверенная государственная власть считалась единственным возможным источником правовых норм. Основное концептуальное различие, которое устанавливалось юристами тогда и сохраняется по сей день, заключается между национальным и международным правом. К национальному праву относились нормы уголовных и гражданских кодексов, административного регулирования и другие нормы, создаваемые внутри государства и действующие на его территории. Международное право, напротив, касалось отношений между государствами и делилось на международное публичное право, которое охватывало договоры, обычаи и общепризнанные принципы права, и международное частное право, которое определяло применение норм национальных правовых систем к трансграничным частным спорам.

Однако эта классификация не учитывала роль негосударственных субъектов, таких как транснациональные корпорации и международные организации. В условиях экономической глобализации и роста частного саморегулирования понятие транснационального права, предложенное Джессапом, стало ответом на неспособность национального и международного права эффективно регулировать трансграничные взаимодействия. Джессап осознал, что мировое сообщество уже тогда включало не только государства, но и множество негосударственных акторов, чья деятельность оставалась вне поля зрения традиционных правовых систем. Именно поэтому он предложил термин «транснациональное право», «чтобы обозначить нормы, регулирующие действия или события за пределами национальных границ» [10, p. 2]. Таким образом, его определение охватывало нормы международного публичного и международного частного права, а также иные нормы, не вписывающиеся в существующие категории.

Обсуждение

Важно понимать, что подход Джессапа к транснациональному праву отражал реалии мирового порядка середины XX века. В условиях начавшейся Холодной войны, которая приобрела форму противостояния двух мировых сверхдержав и их союзников, международное публичное право столкнулось с глубоким кризисом. Биполярная структура мира ограничивала возможности дальнейшего развития международных правовых норм, что побудило Джессапа, как специалиста в области международного права, искать новые пути решения этих проблем. И он обнаружил, что включение частных субъектов в понятие транснационального права способно открыть перспективы для оживления международных отношений и расширения правового регулирования за счет негосударственных участников.

Общий подход Джессапа можно охарактеризовать как функциональный, поскольку он охватывал все факты и события, «выходящие за пределы национальных правовых систем». Ключевым достоинством предложенного им определения транснационального права было то, что оно позволяло объяснить вовлечение негосударственных субъектов в трансграничное регулирование. Тем не менее, основным недостатком этого подхода была его избыточная широта, которая делала его применимым почти ко всем правовым ситуациям. Несмотря на новаторский характер предложенной концепции, особенно в контексте того времени, с развитием глобализации, ростом трансграничной торговли и социальных взаимодействий, ее применимость начала ослабевать. Поскольку границы национальных государств становятся все более проницаемыми, сегодня практически невозможно найти явление, которое не содержало бы элементы транснационального права, согласно определению Джессапа. В результате термин утратил свою убедительность, что, кстати, объясняет осторожность специалистов в области международного права при его использовании в современных исследованиях [14]. Проблема определения Джессапа заключается в том, что оно касается весьма неопределенной области правового регулирования, а не уточняет источники этого права.

В связи с этим ряд исследователей попытались уточнить понятие транснационального права, сосредоточив внимание на его отдельных аспектах, и сделать его более четким. В частности, специалисты в области коммерческого права, где обычаи торговли и типовые договоры традиционно играли важную роль, охотно приняли идею Джессапа о вовлечении частных субъектов в транснациональ-

ное право. Поскольку она согласовывалась с принципом признания правотворческой роли частных лиц. Американский юрист Луис Яффе еще в 1937 г. исследовал феномен «правотворчества частных групп» [8], а немецкий правовед Ганс Гроссман-Дёрт в 1933 году утверждал, что под типовыми договорами следует понимать «право, создаваемое самой экономикой» (*Das selbstgeschaffene Recht der Wirtschaft*) [7]. Идея о том, что купцы и торговцы создают свое собственное право, параллельно с национальным правом или даже вместо него, часто ассоциируется со средневековым торговым правом (*Law Merchant*), представляющим собой систему норм, разработанную в ходе ранней европейской торговли судами, которые применяли нормы, основанные на обычаях торговых сообществ, действовавших на городских рынках, ярмарках и в морских портах. В последние десятилетия экономисты, такие как Авнер Грайф, использовали концепцию «*lex mercatoria*» как отправную точку для анализа частных правовых режимов в контексте институциональной экономики [6].

В 1960-х г. английский правовед Клайв Шмиттофф, анализируя практику международного коммерческого права, пришел к выводу, что его источниками являются не только национальные законы или международное право, но и, в первую очередь, договоры и нормы обычного права. Ссылаясь на древнее «*lex mercatoria*», он провозгласил возникновение, так называемого, «нового торгового права» (*New Law Merchant*), которое выходит за пределы национальных правовых систем [13]. Подобную точку зрения высказывал и его французский коллега Бертольд Голдман [5]. Это «новое торговое право» стало предметом активных юридических и политических дискуссий как в США, так и в Европе. Ключевая идея заключалась в том, что коммерческое право, в значительной степени, формируется вне рамок правотворческих институтов национальных государств. Транснациональное коммерческое право отражается в торговых обычаях и типовых договорах, таких как Международные правила толкования основных терминов внешней торговли (*INCOTERMS*), разработанные Международной торговой палатой (ИТС), а также в практике международного коммерческого арбитража. Более того, оно проявляется, например, в принципах, разработанных Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА), или в принципах европейского контрактного права, которые, основываясь на функциональном сравнении национальных правовых систем, стремятся отразить общие черты правовых традиций цивилизованных наций [2, p. 1124].

Хотя «новое торговое право» часто используется как синоним транснационального (коммерческого) права, такой подход существенно ограничивает понятие транснационального права, хотя и делает его более конкретным, чем предлагал Джессап. Транснациональное право трансграничной торговли, таким образом, рассматривается как третий вид права, наряду с национальным и международным. Исходя из этого, немецкий правовед Клаус-Петер Бергер составил открытую электронную базу данных «Транснациональное право», которая содержит не только нормы, заимствованные из частных кодификаций общих принципов, упомянутых выше, но и те, которые постепенно сформировались в практике международного коммерческого арбитража [1]. Этот проект «ползучей кодификации» «*Lex Mercatoria*» сочетает сравнительно-правовой подход принципов УНИДРУА с традиционным подходом общего права к судебному правотворчеству.

Таким образом, практика международных арбитражных судов занимает центральное место в современной теории транснационального права. Арбитраж может быть организован различными способами: от арбитража *ad hoc*, при котором стороны договора назначают арбитров по мере возникновения спора, до институционализированных арбитражных судов, которые проводят разбирательства в соответствии с заранее установленными правилами, как, например, Международный арбитражный суд при Международной торговой палате в Париже. Общим для этих двух типов арбитража является тот факт, что в процессе разрешения частных споров не участвуют представители государств. В отличие от государственных судов, арбитражный суд, в соответствии с Арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ 1985 года, который является основой процессуального права в большинстве стран, может применять не только национальное договорное право, но и правовые принципы УНИДРУА или «*Lex Mercatoria*». На практике многие арбитражные решения опираются именно на эти международно-правовые нормы [3; 9].

Согласно Нью-Йоркской конвенции 1958 г. о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, которая имеет наибольшее количество участников, государственные суды обязаны исполнять эти арбитражные решения без повторного рассмотрения их по существу.

Отказ от признания и приведения в исполнение допускается лишь в строго определенных исключительных случаях, например, если исполнение противоречит публичному порядку страны, на территории которой испрашивается исполнение. Тем не менее, сторонники концепции нового «Lex Mercatoria» утверждают, в большинстве случаев арбитражные решения исполняются сторонами добровольно, без привлечения государственных механизмов, что обусловлено необходимостью поддержания деловой репутации в международном бизнес-сообществе.

Если это утверждение верно, то все элементы «нового торгового права» как транснационального правового режима – от норм разрешения споров до их исполнения – формируются и применяются исключительно частными субъектами. Еще одним примером такого частного транснационального правового режима является Политика единого разрешения доменных споров (UDRP), разработанная Корпорацией по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN). Этот механизм наглядно демонстрирует, как негосударственные субъекты создают и применяют транснациональные правовые нормы. Транснациональное право в контексте таких частных правовых режимов может быть определено следующим образом.

Результаты

Транснациональное право представляет собой автономные правовые системы, которые выходят за рамки традиционного разграничения национального и международного (публичного) права. Оно формируется и развивается усилиями глобального гражданского общества и обладает следующими характеристиками: (1) основывается на (а) общих принципах права, выработанных на основе функционального сравнительного анализа фундаментальных положений национальных правовых систем, и (б) на обычаях международного делового сообщества, закрепленных в типовых договорах и установившихся деловых практиках, (2) реализуется частными институтами альтернативного разрешения споров, (3) исполнение норм основывается преимущественно на социальных санкциях, включая снижение деловой репутации и исключение из профессиональных сообществ. Наконец, (4) правила транснационального права могут быть формализованы в виде перечней принципов, типовых договоров или кодексов поведения, разработанных частным нормотворчеством.

Понимание транснационального права как феномена, включающего создание и применение норм частными субъектами вне рамок национальных правовых систем, имеет далеко идущие последствия. Такой подход предполагает, что право может быть не только создано частными лицами, но и применено частными судами, что в значительной степени делает его независимым от государства. Для сторонников необходимости постоянного демократического контроля над правотворчеством это представляет значительный вызов. Они опасаются, что отсутствие публичного регулирования в частном правотворчестве способно поставить под угрозу такие фундаментальные общественные ценности, как социальное благополучие, экологические стандарты и безопасность труда. Тем не менее, исследования Моритца Реннера и Андреаса Маурера свидетельствуют о том, что международные арбитражные суды постепенно начинают разрабатывать стандарты, которые можно рассматривать как выражение настоящей транснациональной государственной политики [12; 11]. Более того, типовые договоры в транснациональной сфере зачастую согласовываются с учетом интересов всех заинтересованных сторон, а не навязываются более слабой стороне, что говорит о стремлении к достижению справедливости и сбалансированности.

Несмотря на продолжающиеся политические дискуссии, концепция транснационального права, создаваемого и применяемого частными субъектами, представляется перспективной и функциональной. Если отличительной чертой транснационального права считать его частный характер – как в создании, так и в юрисдикции, – оно может рассматриваться как самостоятельная система права. Однако такой подход сопряжен с риском чрезмерного упрощения.

Эмпирические исследования показывают, что международные коммерческие сделки редко регулируются исключительно нормами «нового торгового права», то есть полностью частными правовыми режимами. На практике такие сделки опираются на гибридные системы регулирования, сочетающие частные и публичные механизмы. Это указывает на то, что транснациональные правовые режимы формируются не ради научной строгости, а для прагматичного решения задач трансграничной торговли посредством эффективных институциональных структур. В данном контексте концепция транснационального права

должна охватывать не только редкие случаи полностью частных правовых режимов, но и гибридные модели, включающие как частные, так и публичные элементы. Однако в условиях глобальной конкуренции регуляторных систем публичные элементы теряют ту степень эффективности, которой они обладали в рамках национальных юрисдикций. Например, даже когда арбитражный суд применяет нормы национального договорного права вместо «*lex mercatoria*», это право действует не благодаря монополии государства на правотворчество и правоприменение, а вследствие выбора сторон. Такой выбор отражает конкуренцию национальных правовых систем с другими транснациональными механизмами регулирования.

Современное транснациональное право, таким образом, отражает тенденцию к размыванию границ между публичной и частной сферами, что является характерной чертой глобализирующегося мира. Эта система права охватывает как частные, так и публичные механизмы регулирования, функционирующие в условиях утраты национальными государствами монополии на правотворчество. Важную роль в этом процессе играют международные организации и негосударственные субъекты, активно вовлеченные в решение глобальных вопросов, включая охрану окружающей среды, регулирование трансграничных инвестиций, трудовые отношения и защиту прав потребителей. Руководящие принципы таких организаций, как Организация экономического сотрудничества (ОЭСР), напрямую влияют на государственную политику, а неправительственные организации, такие как Greenpeace или Transparency International, эффективно воздействуют на поведение как национальных правительств, так и транснациональных корпораций. К числу источников транснационального права относятся и формы «мягкого права», общепризнанные положения международных договоров, торговые обычаи и устоявшаяся коммерческая практика, которые в совокупности формируют гибкую и динамичную правовую систему.

Тем не менее, развитие транснационального права, особенно норм, создаваемых в частном порядке, поднимает серьезные политические вопросы. Проблемы легитимности таких норм и подотчетности их создателей особенно актуальны в транснациональной сфере, где частные субъекты зачастую лишены демократической легитимности. Однако механизм повышения легитимности таких норм все же существует. Одним из ключевых факторов является обеспечение процессуальной справедливости. Привлечение широкого круга заинтересованных сторон к частным процессам разработки правовых норм, учет их интересов и обеспечение транспарентности этих процессов существенно укрепляют доверие к транснациональному правотворчеству. Примером инновационного подхода является концепция «грубого консенсуса и действующего кодекса» (*rough consensus and running code*) [4], впервые примененная в разработке технических стандартов для Интернета. Этот подход предполагает открытое обсуждение предложений, касающихся правил и стандартов, и их последующую апробацию в практической деятельности. Нормы, доказавшие свою эффективность, получают широкое признание и интегрируются в транснациональную систему права. Неудачные нормы, напротив, отбрасываются. Таким образом, представление о легитимности права в условиях глобализации требует переосмысления. Пока не появится единое конституционное мировое государство, демократические стандарты не смогут полностью соблюдаться в транснациональной системе права. Вместо этого необходимо разрабатывать новые механизмы легитимации, обеспечивающие баланс между эффективностью правовых норм и демократическими принципами.

Заключение

Анализ эволюции термина «транснациональное право» и его практического применения подчеркивает необходимость четкого определения его содержания. Чтобы термин оставался релевантным, он должен охватывать новые формы совместного регулирования, в которых участвуют частные и государственные субъектами на глобальной уровне. Такое определение позволяет адекватно описать механизмы трансграничного управления, развивающиеся в условиях глобализации, и обеспечивает аналитическую основу для регулирования трансграничных отношений в коммерческой, политической и социальной сферах.

Гральф-Питер Каллиес, заң ғылымдарының докторы, Бремен университеті Заң факультетінің профессоры (Бремен, Германия): Трансұлттық құқық: тұжырымдаманың эволюциясы және қазіргі заманның қиындықтары.

Қазіргі неміс заңгері, Бремен университетінің (Германия) заң факультетінің профессоры және халықаралық жеке құқық саласындағы жетекші еуропалық мамандардың бірі Гральф-Питер Каллиестің мақаласы, автор ұлттық және халықаралық құқықтық жүйелерден тыс шығатын, сондай-ақ

жеке, және жария нормалардың реттеу тетіктерін біріктіретін ерекше құқықтық категория ретінде түсінетін трансұлттық құқық ұғымын талдауға арналған. Трансұлттық құқық трансшекаралық өзара іс-қимылдың өсуіне және трансұлттық корпорациялар мен халықаралық ұйымдар сияқты мемлекеттік емес актерлердің рөліне жауап ретінде пайда болды. Трансұлттық құқық тұжырымдамасын әзірлеуді Филип С. Джессуп XX ғасырдың ортасында дәстүрлі құқықтық жүйелер жаһандану қатынастарын тиімді реттей алмайтын кезде бастады. Оның теориясы негізінде кейіннен жеке субъектілердің рөлін және халықаралық арбитраж сияқты дауларды шешудің балама тетіктерін өзектендіретін әртүрлі тәсілдер қалыптасты. Нәтижесінде, трансұлттық құқық мемлекеттік және жеке субъектілер құрған нормаларды қамтитын гибридік жүйеге айналды. Трансұлттық құқық нормаларының кеңінен қолданылуына қарамастан, жеке заң шығарудың заңдылығы мен есептілігі мәселелері жаһандану жағдайында заңдастырудың жаңа тетіктерін талап ететін қазіргі заманғы пікірталастардың маңызды тақырыптары болып қала береді.

Түйінді сөздер: трансұлттық құқық, жаһандану, мемлекеттік емес акторлар, халықаралық ұйымдар, трансұлттық корпорациялар, жеке заң шығарушылық, халықаралық төрелік, заңдылық, заң шығару, құқық қолдану.

Graf-Peter Calliess, PhD in Law, Professor, Faculty of Law, University of Bremen (Bremen, Germany): Transnational Law: Evolution of the Concept and Contemporary Challenges.

The article by contemporary German legal scholar Graf-Peter Calliess, a professor of the Faculty of Law at the University of Bremen (Germany) and one of Europe's leading experts in the field of private international law, presents the analysis of the concept of transnational law. The author defines it as a distinct legal category that transcends the boundaries of national and international legal systems, encompassing regulatory mechanisms that integrate both private and public norms. Transnational law emerged in response to growing cross-border interactions and the role of non-state actors such as transnational corporations and international organizations. The development of the concept of transnational law was initiated by Philip S. Jessup in the mid-20th century, when traditional legal systems could no longer effectively regulate increasingly globalized relations. Based on his theory, various approaches emerged, emphasizing the role of private actors and alternative dispute resolution mechanisms such as international arbitration. As a result, transnational law became a hybrid system, including norms created by both state and non-state participants. Despite its widespread application of transnational legal norms, issues of legitimacy and accountability of a norm-making process remain key topics in contemporary discussions, requiring the development of new mechanisms for legitimizing transnational law in the context of globalization.

Keywords: transnational law, globalization, non-state actors, international organizations, transnational corporations, private norms, international arbitration, legitimacy, law-making, law enforcement.

*На базе юридического факультета Бременского университета (Бремен, Германия) много лет успешно реализуется уникальная международная англоязычная магистерская программа “Transnational Law” <https://www.uni-bremen.de/en/jura/faculty-of-law/studying/study-programmes/master-transnational-law>

Список литературы:

1. Berger K.-P. The Creeping Codification of the New Lex mercatoria. 2nd edn, Kluwer Law International, 2010.
2. Calliess G.-P. Lex Mercatoria Encyclopedia of Private International Law / eds. J. Basedow et al. Cheltenham: Edward Elgar, 2017. P. 1119–1129.
3. Calliess G.-P., Renner M. Between Law and Social Norms: The Evolution of Global Governance Ratio Juris. 2009. Vol. 22. P. 260–280.
4. Calliess G.-P., Zumbansen P. Rough Consensus and Running Code: A Theory of Transnational Private Law. Hart Publishing, 2010.
5. Goldman B. Frontières du droit et “lex mercatoria” Archives de Philosophie du Droit. 1964. Vol. 9. P. 177–192.
6. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. Cambridge University Press, 2006.

7. Grossmann-Doerth H. *Selbstgeschaffenes Recht der Wirtschaft und staatliches Recht*. Freiburg i. Br.: Wagner, 1933.
8. Jaffe L. Law Making by Private Groups *Harvard Law Review*. 1937. Vol. 51, No. 2. P. 201–253.
9. Jansen N. *The Making of Legal Authority: Non-Legislative Codifications in Historical and Comparative Perspective*. Oxford University Press, 2010.
10. Jessup Ph. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press, 1956.
11. Maurer A. The Concept of Participation in the Making of Transnational Law: Legitimization and Normativity in the Transnational Sphere Regulatory Hybridization in the Transnational Sphere / eds. P. Jurčys, P.F. Kjaer & R. Yatsunami R. Leiden: Brill, 2013. P. 203–222.
12. Renner M. Towards a Hierarchy of Norms in Transnational Law? *Journal of International Arbitration*. 2009. Vol. 26. P. 533–555.
13. Schmitthoff C. *International Business Law: A New Law Merchant Current Law and Social Problems*. 1961. Vol. 2. P. 129–153.
14. *The Many Lives of Transnational Law. Critical Engagements with Jessup's Bold Proposal* / ed. Peer Zumbansen. Cambridge University Press, 2020.

References:

1. Berger K.-P. *The Creeping Codification of the New Lex mercatoria*. 2nd edn, Kluwer Law International, 2010.
2. Calliess G.-P. *Lex Mercatoria Encyclopedia of Private International Law* / eds. J. Basedow et al. Cheltenham: Edward Elgar, 2017. P. 1119–1129.
3. Calliess G.-P., Renner M. *Between Law and Social Norms: The Evolution of Global Governance Ratio Juris*. 2009. Vol. 22. P. 260–280.
4. Calliess G.-P., Zumbansen P. *Rough Consensus and Running Code: A Theory of Transnational Private Law*. Hart Publishing, 2010.
5. Goldman B. *Frontières du droit et "lex mercatoria"* *Archives de Philosophie du Droit*. 1964. Vol. 9. P. 177–192.
6. Greif A. *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge University Press, 2006.
7. Grossmann-Doerth H. *Selbstgeschaffenes Recht der Wirtschaft und staatliches Recht*. Freiburg i. Br.: Wagner, 1933.
8. Jaffe L. Law Making by Private Groups *Harvard Law Review*. 1937. Vol. 51, No. 2. P. 201–253.
9. Jansen N. *The Making of Legal Authority: Non-Legislative Codifications in Historical and Comparative Perspective*. Oxford University Press, 2010.
10. Jessup Ph. *Transnational Law*. New Haven: Yale University Press, 1956.
11. Maurer A. The Concept of Participation in the Making of Transnational Law: Legitimization and Normativity in the Transnational Sphere Regulatory Hybridization in the Transnational Sphere / eds. P. Jurčys, P.F. Kjaer & R. Yatsunami R. Leiden: Brill, 2013. P. 203–222.
12. Renner M. Towards a Hierarchy of Norms in Transnational Law? *Journal of International Arbitration*. 2009. Vol. 26. P. 533–555.
13. Schmitthoff C. *International Business Law: A New Law Merchant Current Law and Social Problems*. 1961. Vol. 2. P. 129–153.
14. *The Many Lives of Transnational Law. Critical Engagements with Jessup's Bold Proposal* / ed. Peer Zumbansen. Cambridge University Press, 2020.

Для цитирования и библиографии: Каллиес Г.-П. Транснациональное право: эволюция концепции и вызовы современности // *Право и государство*. № 4(105), 2024. – С. 83-89. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_83

Материал поступил в редакцию 3.11.2024.

ОСНОВАТЕЛЬ ПАТЕНТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (70-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ Д.Ю.Н., ПРОФЕССОРА Т.Е. КАУДЫРОВА ПОСВЯЩАЕТСЯ)

К.С. МАУЛЕНОВ,
д.ю.н., профессор
Международного университета
информационных технологий
(г. Алматы, Республика
Казахстан), Лауреат премии
имени Ч. Валиханова в области
науки, стипендиат программы
«Фулбрайт» Конгресса США
e-mail: k.maulenov@mail.ru

Б.Н. МАУЛЕНОВА,
К.ю.н, доцент Казахского Наци-
онального Университета имени
аль-Фараби (г. Алматы, Респуб-
лика Казахстан)
e-mail: bakhytmaulnova@mail.ru

Толеш Ерденович Каудыров – доктор юридических наук, профессор, родился 25 января 1955 г. в г. Петропавловске. Здесь же в 1972 г. с отличием окончил среднюю школу. В том же году поступил и в 1977 г. с отличием окончил юридический факультет Казахского государственного университета им. С.М. Кирова (ныне – Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, г. Алматы). После окончания ВУЗа решением государственной комиссии по распределению молодых специалистов был оставлен работать преподавателем на кафедре гражданского права юридического факультета КазГУ им. С.М. Кирова.

В летний период вместе с сокурсниками он работал в студенческих строительных отрядах. Уже в те университетские годы Толеш проявил склонности к научно-исследовательской работе и активно участвовал в работе кафедральных научных студенческих обществ и республиканских научных конференциях. Многие сокурсники тянулись к нему и уже в те годы его отличали отзывчивость, доброта, порядочность, человечность и желание помочь окружающим.

Многие годы Т.Е. Каудыров работал в Казахском государственном университете им. С.М. Кирова (ныне – КазНУ им. аль-Фараби). В период с сентября 1977 г. по май 1990 г. последовательно прошел все ступени роста, занимая должности ассистента, старшего преподавателя, доцента, заместителя декана юридического факультета КазГУ им. С.М. Кирова. Читал лекции по учебным дисциплинам «Гражданское право», «Хозяйственное право», ряду спецкурсов кафедры гражданского права.

Под руководством известного в СССР ученого-правоведа Юрия Григорьевича Басина Т.Е. Каудыров в феврале 1987 г. в Томском государственном университете (Россия) успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гражданско-правовые оперативные санкции в хозяйственных обязательствах». Первым официальным оппонентом на защите его диссертационной работы выступил профессор Калмыков Юрий Хамзатович, впоследствии – министр юстиции Российской Федерации. Один из отзывов на диссертацию подписал работавший в тот период заведующим кафедрой гражданского права юридического факультета Ленинградского государственного университета профессор Собчак Анатолий Александрович.

С обретением долгожданной для нашей страны государственной независимости Толеш Ерденович был принят в формируемую в то время Администрацию Президента Республики Казахстан. В 1990 – 1992 гг. работал в первом составе Администрации Президента Республики Казахстан консультантом, старшим референтом государ-

Т.Е. КАУДЫРОВ,
доктор юридических наук,
профессор

ственно-правового отдела. Одной из главных задач Т.Е. Каудырова на этих должностях была экспертиза первых принимаемых в нашей стране законов перед подписанием их Президентом Казахстана.

В те годы молодая республика только формировала необходимые для осуществления её суверенитета новые органы государственной власти и управления. После подписания Указа Президента «О Национальном патентном ведомстве» и беседы с Президентом страны в июне 1992 г. Т.Е. Каудыров был направлен создавать патентную систему Казахстана.

В 1992-2002 гг. на протяжении 10 лет он возглавлял созданное им Патентное ведомство Республики Казахстан – центральный орган государственного управления в области патентов и лицензий, регистрации товарных знаков и наименований мест происхождения товаров.

В дальнейшем после защиты докторской диссертации юбилар посвятил себя педагогической и научной деятельности в вузах Казахстана. Также Т.Е. Каудыров внёс определённый вклад в дело

подготовки кадров для судебной системы Республики Казахстан. По приглашению руководства Верховного Суда Республики Казахстан с июня 2017 г. по март 2019 г. являлся ректором Академии правосудия при Верховном Суде РК, а с марта 2019 г. по январь 2021 г. осуществлял деятельность в качестве члена Высшего судебного совета РК.

Значителен вклад Т.Е. Каудырова в нормотворческую деятельность в сфере права интеллектуальной собственности. Толеш Ерденович является одним из разработчиков, а также руководителем групп по разработке первого и второго Патентного законов РК (1992 и 1999 гг.), обоих Законов РК (1993, 1999 гг.) «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименований мест происхождения товаров», Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» (1996 г.), Закона РК от 13.07.1999 г. «Об охране селекционных достижений», Закона РК от 29.06.2001 г. «О правовой охране топологий интегральных микросхем», Закона РК от 18.02.2011 г. «О науке», а также значительного числа подзаконных актов по отдельным объектам интеллектуальной собственности (ряд постановлений Правительства Республики Казахстан разработаны или им, или рабочими группами под его руководством). Созданная им патентная система страны, признававшаяся в свое время одной из лучших в СНГ, и сейчас продолжает успешно функционировать.

Кроме указанных законов в сфере науки, права интеллектуальной собственности и инноваций, Т.Е. Каудыров принимал активное участие и в создании других значимых в судьбе страны правовых актов. Так, в 1992-1993 гг. он участвовал в разработке первой Конституции Республики Казахстан, принятой 28 января 1993 г., был ответственным за раздел «Экономические основы Республики Казахстан». За кропотливую работу над Основным законом нашего государства награжден Почетной Грамотой Президента Республики Казахстан.

В 1997-1999 гг. принимал участие в рабочей группе по разработке Гражданского кодекса РК (Особенная часть), единолично разработав раздел V «Право интеллектуальной собственности», в который вошло 77 статей.

В 1999 г. Т.Е. Каудыров возглавлял рабочие группы по разработке второго Патентного закона РК, Закона о селекционных достижениях, второго Закона о товарных знаках, Закона о правовой охране топологий интегральных микросхем.

В 2011-2015 гг. Т.Е. Каудыров – председатель созданной приказом Министра юстиции РК рабочей группы по разработке Предпринимательского кодекса РК.

Весьма важно участие Т.Е. Каудырова в разработке и принятии международных правовых актов. В 1993-1995 гг. Т.Е. Каудыров в качестве официального представителя-члена рабочей группы 10 стран СНГ принял участие в разработке мировой Евразийской патентной конвенции (ЕАПК), Указ о ратификации которой в ноябре 1995 г. был подписан Президентом Казахстана. В 1995 г. Т.Е. Каудыров представителями стран-участниц был избран первым председателем Административного совета ЕАПК сроком на 2 года. В 1993-1994 гг. Толеш Ерденович принял участие в

разработке Модельного Гражданского Кодекса стран СНГ (г. Лейден, Голландия) и Гражданского Кодекса Республики Казахстан. Принятие этих значимых документов имело место соответственно на Межпарламентской Ассамблее стран СНГ и Парламенте Казахстана. Т.Е. Каудыров в числе видных ученых СНГ был ответственным за разработку раздела «Интеллектуальная собственность».

Наряду с активной практической и нормотворческой деятельностью Т.Е. Каудыров активно занимался и научно-педагогической работой. В июне 2002 г. в Алматы успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Гражданско-правовая охрана объектов промышленной собственности в Республике Казахстан» (научный консультант д.ю.н. М.К. Сулейменов), актуализировав тем самым одну из малоизученных, но имеющих большое практическое значение отраслей права.

Бесценный практический опыт создания патентной системы нашей страны, когда всё ценное осталось в прошлом – в СССР, стране с другим, чем в новом Казахстане, общественно-политическим строем, даже не использовавшей в своем законодательстве слова «патентная система», нашел своё отражение в докторской диссертации юбиляра. Её тема – «Гражданско-правовая охрана объектов промышленной собственности в Республике Казахстан» воплотила в себе весь путь построения патентной системы – от идеологии до конкретных правовых норм. Казахстан придумал и воплотил в жизнь уникальную явочно-проверочную систему патентования изобретений, являющуюся выходом для страны с переходной экономикой!

С сентября 2004 по июль 2007 г. Т.Е. Каудыров – зав. кафедрой гражданского права и гражданского процесса, проректор по научной работе Академии Юриспруденции Высшей школы права «Әділет» (г. Алматы). С сентября 2007 г. по май 2008 г. Толеш Ерденевич – директор Академии юриспруденции «Әділет» Каспийского общественного университета в г. Алматы. С мая по декабрь 2008 г. – руководитель службы международного сотрудничества и правового обеспечения, профессор кафедры частно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва в г. Астана.

С января 2009 г. Толеш Ерденевич – директор Института гражданско-правовых исследований Университета КАЗГЮУ, зав. кафедрой гражданского права Высшей школы национального права Университета КАЗГЮУ. В настоящее время он – Emeritus профессор Департамента частноправовых дисциплин АО «Maqsut Narikbayev University».

Год за годом идут этапы преподавательской и административной работы Т.Е. Каудырова в вузах, управленческие вершины в разных органах и организациях, на государственной службе; написаны монографии, учебники, учебные пособия, статьи; растет известность; приходит признание, а с ним и награды, премии, звания, общественные титулы, которых не счесть. Однако в истории науки останутся идеи, разработки, научные исследования, предложения, над которыми все это время трудился профессор Толеш Ерденевич Каудыров.

Т.Е. Каудыров имеет свыше 90 опубликованных научных работ, из них в единоличном авторстве – научная монография, в соавторстве учебник для средних и высших учебных заведений «Патентное право и патентование в Республике Казахстан», учебники для вузов «Гражданское право Республики Казахстан», «Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан», научно-популярные издания «Право интеллектуальной собственности Республики Казахстан» (1999 г.) и «Қазақстан Республикасының зияткерлік меншік құқығы», комментарии к Гражданскому Кодексу РК, а также специализированным законам РК.

Т.Е. Каудыров автор книг «Интеллектуальная собственность в международно-правовых отношениях» (1996 г.), «Гражданско-правовая охрана объектов промышленной собственности в Республике Казахстан» (2001 г.), «Основы патентного права и патентования в Республике Казахстан» (2003 г.), фундаментального научного исследования по теме «Правовое обеспечение вступления Казахстана во Всемирную Торговую Организацию. Охрана интеллектуальной собственности» (2020 г.) по линии Министерства образования и науки Республики Казахстан, также научно-исследовательских работ по темам: «Правовая охрана объектов интеллектуальной собственности в Республике Казахстан», «Правовые проблемы реализации прав интеллектуальной собственности», «Актуальные проблемы теории гражданского права и практики применения гражданского законодательства».

Его труды широко известны не только в Казахстане, государствах СНГ, но и в странах дальнего зарубежья.

Ученики и соискатели Т.Е. Каудырова успешно работают в вузах и организациях разных регионов Казахстана. Он научный руководитель: диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук Динанова А., Досжанова Ж., Тулегенова Т.Б., Елеусизовой И.К., Ильясовой Г.А., Кайшатаевой А., Кудяровой У.Е., Хамзина У.М., Даутбаевой-Мухтаровой А.Е., Кадырбекулы М., Кишкимбаевой Р.А., Ибрагимовой Ф.Г., Темирбековой А.К., Сыдыкова Н.Е.; PhD докторских диссертаций Канатова Т.К., Хамзина Е., Молдабаева Р., Ашимовой З., Естемирова М., Абиловой М.

Находясь на заслуженном отдыхе, Т.Е. Каудыров занимается общественно-полезной деятельностью, являлся с 2008 г. до недавнего времени бессменным членом Комиссии по помилованию при Президенте Республики Казахстан; арбитром Международного арбитражного суда при Торгово-промышленной палате Республики Казахстан; членом Диссертационного научного совета Академии правоохранительных органов Прокуратуры Республики Казахстан; Председателем отраслевого совета по профессиональным квалификациям в сфере интеллектуальной собственности Министерства юстиции Республики Казахстан; Членом редакционной коллегии журнала «Право и государство».

За весомый вклад в науку и правотворчество, активную профессиональную деятельность Толеш Ерденович был удостоен рядом заслуженных наград: Почетная Грамота Президента Республики Казахстан; Благодарность Президента Республики Казахстан и нагрудный знак «Алтын кыран»; медали «10 лет государственной независимости Республики Казахстан», «20 лет государственной независимости Республики Казахстан»; «10 лет Конституции Республики Казахстан», «20 лет Конституции Республики Казахстан»; Золотая медаль Евразийской патентной организации (ЕАПО) им. В.И. Блинникова «За выдающийся вклад в развитие изобретательства и патентного дела»; медаль Министерства юстиции Республики Казахстан «20 лет патентной системе Республики Казахстан»; Нагрудный знак «Отличник органов юстиции Республики Казахстан»; Нагрудный знак Верховного Суда Республики Казахстан «Үш Бий»; Нагрудный знак Министерства образования и науки Республики Казахстан «Ғылымды дамытуға сіңірген еңбегі үшін»; Медали «20 лет КазГЮУ», «30 лет Maqsut Narikbayev University»; Медаль Международной ассоциации «АНТИ-КОНТРАФАКТ» «За заслуги в борьбе с контрафактом».

По нашему глубокому убеждению, воспитание личности начинается в семье. Нам хочется высказать свои слова благодарности уважаемым родителям Толеша за воспитание замечательного сына. Отец – Каудыров Ерден, 1929 г.р., служащий, железнодорожник станции Петропавловск Южно-Уральской железной дороги. Мать – Каудырова Шарбан Какеновна, 1932 г.р., домохозяйка. Младшая сестра – Салтанат Ерденовна, учитель русского языка и литературы, проживает в г. Астана. Младшие братья: Гибадат Ерденович, 1960 г.р., бывший работник прокуратуры и суда г. Петропавловска и Багдат Ерденович, 1964 г.р., закончил факультет физвоспитания педагогического института г. Петропавловска.

Толеш Ерденович тепло вспоминает своих родителей и детство. Отец рано остался без отца, затем потерял мать, был сиротой и с подросткового возраста поступил в железнодорожное училище, получил профессию, сам построил для себя дом, в котором прожил вплоть до окончания школы. Отец очень много работал, мало спал или отдыхал, чтобы обеспечить детей, дать им достойную жизнь и образование; был коммунистом; общественником; писал статьи в областную газету. Перед пенсией получил звание «Почётный железнодорожник СССР», в день его похорон все локомотивы станции Петропавловск дали прощальный гудок.

Мать всю свою жизнь посвятила детям, мужу и благополучию семьи. Очень мудрый и справедливый, критичный и требовательный человек! Учила порядку и ответственности во всех делах и в жизни вообще. Хорошо готовила, делала припасы на зиму и учила нас этому, вести хозяйство и уметь делать всё своими руками, надеяться в этой жизни только на себя. Поощряла нас детей заниматься спортом. В детстве и юности Толеш занимался фехтованием, был членом сборной области, выезжал на соревнования по республике, регулярно ходил 3 раза в неделю на тренировки. Это потом здорово пригодилось в жизни, укрепило его здоровье.

Впечатления Толеша о детстве: являясь старшим ребёнком в семье, я всю жизнь заботился о младших сестре и братьях. Отец и мать посвятили нам 4-м детям всю свою жизнь и показали этот пример любви к детям, семье и самоотверженной работы во имя их хорошей жизни; учили нас труду и стойкости к жизненным невзгодам; скромности, аккуратности в быту и делах. Родители оказали на меня огромное влияние и по сути дела всю жизнь являются примером для меня.

Любимой газетой моего детства была, кроме «Пионерской правды», газета железнодорожников «Гудок». Только потом я узнал, что И. Ильф и Е. Петров были корреспондентами этой газеты в 30-х годах! Мне эта газета казалась очень интересной, особенно литературные рассказы и кроссворды. До сегодняшнего дня у меня осталось чувство старшего брата по отношению к младшим сестре и братишке. Переживаю за их проблемы, стараюсь им помочь в разных жизненных, финансовых и бытовых вопросах.

Толеш Ерденевич - замечательный отец, и его дети пошли по его стопам. Дочь Жанна – 1978 г.р., юрист, Окончила КазГЮУ.....магистр права в области международного и транснационального права, нотариус РК, в настоящее время проживает в г. Чикаго, США.

Сын Жанибек – 1988 г.р, юрист, Окончил Высшую школу права Әділет, Казахско-американский университет (г. Алматы), выпускник Калифорнийского университета Сан-Диего (международные отношения). Карьерный дипломат, сотрудник Посольства Казахстана в Великобритании, г. Лондон. Толеш Ерденевич прекрасный дедушка для внука Кайсара и внучки Айрис.

В год юбилея, 70-летия, хотелось бы пожелать дорогому Толешу Ерденевичу отличного здоровья, свершения всех планов и задумок, чтобы была возможность долгие годы общаться и вместе работать на благо казахстанской правовой науки!

С юбилеем, дорогой Толеш Ерденевич!

Для цитирования и библиографии: Мауленов К.С., Мауленова Б.Н. Основатель патентной системы Республики Казахстан (70-летнему юбилею д.ю.н., профессора Т.Е. Каудырова посвящается) // Право и государство. № 4(105), 2024. – С. 90-94. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_4_90

Материал поступил в редакцию 22.11.2024.

МАЗМҰНЫ

- *Ильин А.* Ғарыштық мұра тұжырымдамасының нормативтік даму траекториялары. Б. 6.
- *Темірбеков Ж.Р.* Халықаралық адам құқықтары: бөлінетін бе, әлде бөлінбейтін бе? Б. 23.
- *Калила А.Т.* БҰҰ бітімгершілік миссияларында Қазақстан Республикасы Қарулы Күштер контингентін қолданудың құқықтық аспектілері. Б. 35.
- *Люттов Н.Л.* Қазақстандағы бірлесу бостандығы: халықаралық еңбек стандарттарына жақындауға үміт бар ма? Б. 43.
- *Дидикин А.Б.* Натурализм мен құқықтық интерпретация арасында: құқықтық реализмнің табиғаты туралы заманауи пікірталастар. Б. 54.
- *Ночевная В.В.* Заңи тіл – заңгерлер жұмысының маңызды бөлігі: құқықтық мәтіндерді түсіндіруді жақсарту мәселелері мен тәсілдері. Б. 61.
- *Филипова И.А., Ахатов А.Р., Кувандиков З.О.* Жасанды интеллектті реттеудегі еуропалық тәсілдің оң және теріс жақтары. Б. 71.
- *Каллиес Гральф-Питер* Трансұлттық құқық: тұжырымдаманың эволюциясы және қазіргі заманның қиындықтары. Б. 83.
- *Мәуленов Қ.С., Мәуленова Б.Н.* Қазақстан Республикасының Патенттік жүйесінің негізін қалаушы (заң ғылымдарының докторы, профессор Т.Е. Каудыровтың 70 жылдық мерейтойына арналған). Б. 90.

CONTENTS

- *Ilin A.* Trajectories of Normative Development for Outer Space Heritage Concept P. 6.
- *Temirbekov Zh.* International Human Rights: Divisible or Indivisible? P. 23.
- *Kalila A.T.* Legal Aspects of the Deployment of the National Contingent of the Armed Forces of the Republic of Kazakhstan in UN Peacekeeping Missions. P. 35.
- *Lyutov N.L.* Freedom of Association in Kazakhstan: is There a Hope of Compliance to the International Labour Standards? P. 43.
- *Didikin A.B.* Between Naturalism and Legal Interpretation: Modern Debates on the Nature of Legal Realism P. 54.
- *Nochevnaya V.V.* Legal language as an important component of lawyers' work: issues and approaches to improving the interpretation of legal texts P. 61.
- *Filipova I.A., Akhatov A.R., Kuwandikov Z.O.* Pros and cons of the European approach to regulating artificial intelligence. P. 71.
- *Calliess Gralf-Peter.* Transnational Law: Evolution of the Concept and Contemporary Challenges. P. 83.
- *Maulenov K.S., Maulenova B.N.* Founder of the patent system of the Republic of Kazakhstan (dedicated to the 70th anniversary Doctor of Law, Professor T.E. Kaudyrov). P. 90.

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«Құқық және мемлекет» журналына бұрын жарияланбаған ғылыми мақалалар, жазбалар, құқықтанудың әртүрлі салаларындағы зерттеулер нәтижелері туралы хабарламалар (жақсырақ салыстырмалы-құқықтық сипаттағы), жаңа ғылыми заң басылымдарына шолулар, мемлекет және құқық мәселелері жөніндегі маңызды ғылыми конференциялар туралы мақалалар қабылданады.

Жариялану үшін ұсынылатын материалдар келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

1. Мемлекет және құқық саласындағы жаңа өзекті ақпаратты және бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарда жариялауға арналмаған бірегей ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қамтуға тиіс. Автор мақаланы және басқа материалдарды ұсынған кезде редакциялық кеңеске олардың жарияланған-жарияланбағанын әлде басқа басылымдарға ұсынылған-ұсынылмағандығын хабарлауға міндетті.

2. ҚР БҒМ талаптарына сәйкес (2016 жылғы 4 наурыздағы № 13409 бұйрық, өзгертулер және толықтырулармен) Ғылыми мақала – бұрын жарияланбаған және жаңалығы бар авторлық әзірлемелерді, қорытындыларды, ұсынымдарды қамтитын; немесе ортақ тақырыпқа байланысты бұрын жарияланған ғылыми мақалаларды қарауға арналған (жүйелі шолу) ғылыми зерттеудің, эксперименттік немесе талдамалық қызметтің өзіндік тұжырымдары мен аралық немесе түпкілікті нәтижелерін баяндау. Ғылыми мақаланың құрылымы атауынан, аннотациядан, түйін сөздерден, негізгі ережелерден, кіріспеден, материалдар мен әдістерден, нәтижелерден (мақаланың негізгі бөлігі, әдетте, 3-4 бөлімнен тұрады – ред.) талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы ақпараттан (бар болған жағдайда), әдебиеттер тізімінен тұрады.»

3. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақаланың басында автордың аты – жөні мен тегі (мақала аудармашысы болған жағдайда аудармашы туралы ақпарат, мақаланың бірнеше авторының жанында корреспондент-автор көрсетіледі), ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, кафедрасы, ЖОО, автордың жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық мекенжайы туралы өзге де ақпарат орналастырылады. Автордың тегінен кейін мақаланың атауы, орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі үш аннотация (кемінде 5-8 ұсыныс) (авторлардың тегін, аты-жөнін, әр автордың жұмыс орнын және мақала атауын аударып). Аннотацияда тақырыптың өзектілігі, зерттеу тақырыбы, жұмыстың мақсаты, әдістері, жаңалығы және мақаланың негізгі тұжырымдары ашылады. Әр аннотациядан кейін тиісті тілдегі 10 негізгі сөз.

4. А4 форматындағы 10-16 беттен тұратын мақала Microsoft Word мәтіндік редакторында Times New Roman шрифтімен терілуі керек, өлшемі 14, бір интервал арқылы және мақаланың барлық қажетті құрылымдық элементтері болуы керек (жоғарыдағы 2-тармақты қараңыз). Көлемі 16 беттен асатын мақалалар бас редактормен келісіледі.

5. Дереккөздерге сілтемелер мақаланың мәтнінде төртбұрышты жақшада беріледі және қажет болған жағдайда бетті көрсете отырып, «Әдебиет» тізімінде келтірілген дереккөзге тиісті библиографиялық сілтеменің нөмірі түрінде ресімделеді, мысалы: [9, 12-бет]. Бірнеше дереккөз нөмірлерін көрсететін мәтіндік сілтемелерде соңғылары бір-бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді, мысалы: [7; 19, б. 45; 37, Б.201]. Келтірілетін статистикалық деректерді, нормативтік актілерді, оның ішінде халықаралық және шетелдік актілерді жариялау көздеріне сілтемелер міндетті болып табылады. Мақаланың соңында осы тақырып бойынша негізгі ғылыми, оның ішінде ең жаңа (түпнұсқа тілінде және латын транслитерациясында бөлек) әдебиеттер тізімі берілген. «Құқық және мемлекет» журналының редакциясы бірқатар елдер бойынша салыстырмалы-құқықтық материалды пайдалануды, біздің журналдағы сабақтас тақырыптар бойынша жарияланымдарды зерделеуді (журнал сайтындағы мұрағатты қараңыз) және сіздің жұмысыңыз үшін пайдалыларын әдебиеттер тізіміне енгізуді ұсынады. УДК, ГРНТИ нөмірлері, әдебиеттер тізімі (Алфавиттік тәртіппен) және ескертпелер ГОСТ сәйкес ресімделеді. Интернет-ресурстарға сілтеме жасау кезінде автор, мәтіннің атауы, сайт/портал, материалдың толық электрондық мекенжайы, оның ашылған күні көрсетіледі.

6. Мақаланың соңында «мақала бірінші рет жарияланады, басқа басылымдарға ұсынылмады және ұсынымайды» деген жазба болуы керек, автордың (авторлардың) күні мен қолы қойылады. Мұнда автор (авторлар) туралы мәліметтер орналастырылады: тегі, аты және әкесінің аты, электрондық мекенжайы, байланыс телефондары.

7. Мақаланың электрондық нұсқасы, автордың фотосуреті (дұрысы деректі емес, көркем сурет) редакцияға онлайн ұсынылады.

Толығырақ ақпарат Журнал сайтында (Сілтеме: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Редакция мекенжайы және байланыс деректері:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ.
Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8.
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

1. Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания.

2. В соответствии с требованиями МОН РК (приказ от 4 марта 2016 г. № 13409 с последующими изменениями и дополнениями) «Научная статья – изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности, содержащее авторские разработки, выводы, рекомендации ранее не опубликованные и обладающие новизной; или посвященное рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор). Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов – ред.), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы».

3. Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

4. Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше пункт 2). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

5. Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых ссылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201]. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной научной по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в список литературы. Номера УДК, ГРНТИ, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

6. В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

7. В редакцию представляются онлайн: электронная версия статьи, фото автора (желательно – художественный, не документальный портрет).

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Адрес и контактные данные редакции:
010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Law and State» accepts previously unpublished scientific articles, notes, reports on the results of research in various fields of jurisprudence (preferably of a comparative legal nature), reviews of new scientific legal publications, articles on significant scientific conferences on problems of state and law.

The materials submitted for publication must meet the following requirements:

1. To contain new relevant information in the field of state and law and the results of original scientific research, previously unpublished and not intended for publication in other publications. The author is obliged to inform the editorial board when submitting the article and other materials – whether they have been published or submitted to other publications.

2. In accordance with the requirements of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Order No. 13409 dated March 4, 2016, with subsequent amendments and additions) «Scientific article – a statement of one's own conclusions and intermediate or final results of scientific research, experimental or analytical activities, containing author's developments, conclusions, recommendations not previously published and having novelty; or devoted to consideration previously published scientific articles related to a common topic (systematic review). The structure of the scientific article includes the title, annotations, keywords, main provisions, introduction, materials and methods, results (the main part of the article, as a rule, consists of 3 to 4 subsections - ed.), discussion, conclusion, information on financing (if available), references.»

3. Articles are published in Kazakh, Russian, and English. The initials and surname of the author are placed at the beginning of the article (if there is a translator of the article, information about the translator is also provided, with several authors of the article, the corresponding author is indicated), academic degree, academic title, position, department, university, other information about the author's place of work, city, country, e-mail address. After the author's surname – the title of the article, three annotations (at least 5-8 sentences) in Russian, Kazakh and English (with translation of the surname, initials of the authors, place of work of each author and the title of the article). The abstract reveals the relevance of the topic, the subject of the study, the purpose of the work, methods, novelty and the main conclusions of the article. After each annotation there are 10 keywords in the corresponding language.

4. An article of 10-16 A4 pages should be typed in a Microsoft Word text editor in Times New Roman font, size 14, with one interval and have all the necessary structural elements of the article (see paragraph 2 above). Articles of more than 16 pages are coordinated with the editor-in-chief.

5. References to sources are given in the text of the article in square brackets and are made out in the form of the number of the corresponding bibliographic reference to the source given in the list of «Literature», indicating, if necessary, the page, for example: [9, p. 12]. In text links containing an indication of several source numbers, the latter are separated from each other by a semicolon, for example: [7; 19, p. 45; 37, p. 201]. References to the sources of publication of the cited statistical data and regulations, including international and foreign ones, are mandatory. At the end of the article, a list of literature is given – the main scientific literature on this topic, including the latest (in the original language and separately in Latin transliteration). The editorial board of the journal «Law and the State» recommends using comparative legal material on a number of countries, study publications on related topics in our journal (see the archive on the journal's website) and include useful ones for your work in the list of references. The numbers of the UDC, GRNTI, the list of references (in alphabetical order) and notes are drawn up in accordance with GOST. When linking to Internet resources, the author, the title of the text, the website /portal, the full email address of the material, and the date of its opening are indicated.

6. At the end of the article there should be an entry: «the article is published for the first time, has not been submitted and will not be submitted to other publications,» the date and signature of the author(s) are put. Information about the author(s) is also placed here: surname, first name and patronymic in full, e-mail address, contact phone numbers.

7. To the editorial office you must submit online: electronic version of your article and your photo (preferably - casual, not official (3x4) photo).

More detailed information is available on the journal's website (See: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Editorial office address and contact details:
010000, Republic of Kazakhstan, Astana.
Maqсут Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8.
Tel.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz, e-mail: pravoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

РЫЛТАЙШЫ: **Maqsut Narikbayev University**

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.05.2006 жылы №7742-Ж кәуәлігі берілген.

Журнал ғылыми қызметтің негізгі нәтижелерін жариялау үшін ҚР БҒМ БҒСБК ұсынған ғылыми басылымдардың тізбесіне енгізілген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

А.Б. Дидикин (бас редактор);
Р.А. Жакина (жауапты хатшы);
Н.М. Ақпейсова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
А.А. Ондаш (қазақ тіліндегі аннотацияларды аударушы).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, Maqsut Narikbayev University репозиторинде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 2307-5201.

Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалуы міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

Журналдың мұқабасын ресімдеу барысында Maqsut Narikbayev University фотосуретінің фрагменті пайдаланған (фотосурет: Жакина Р.).

Жарияланған: 31.12.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ: **Maqsut Narikbayev University**

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.05.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Журнал включен в перечень научных изданий рекомендуемых ККСОН МОН РК для публикации основных результатов научной деятельности.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

А.Б. Дидикин (главный редактор);
Р.А. Жакина (ответственный секретарь);
Н.М. Ақпейсова (компьютерная верстка и дизайн);
А.А. Ондаш (переводчик аннотаций на казахский язык).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Maqsut Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 2307-5201.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

При оформлении первой страницы обложки журнала использован фрагмент фотографии Maqsut Narikbayev University (фотография: Жакина Р.).

Издан: 31.12.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© Журнал «Право и государство», 2024.

CHAIRMAN: **Maqsut Narikbayev University**

The state registration №7742-ZH was given on 25.05.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

The journal is included in a list of scientific publications recommended by the KKSON Ministry of Education and Science of Republic of Kazakhstan for publication of the results of scientific research.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

A.B. Didikin (Editor-in-chief);
R. A. Zhakina (Executive secretary);
N.M. Akpeisova (Technical and design manager);
A.A. Ondaş (translator of annotations into Kazakh).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
8 Korgalzhyn highway
Maqsut Narikbayev University
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (РИНЦ), IPRbooks, and in Maqsut Narikbayev University's repository.

ISSN 2307-5201.

In case of citing materials reference to the journal «Law and State» is required.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Manuscripts will not be returned.

In the design of the first page of the journal cover a fragment of a photo of the Maqsut Narikbayev University (photo by R. Zhakina).

Published: 31.12.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© «Law and state» journal, 2024.

